

ПОЛ ГОЛДБЕРГ

**ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ
АКТ**

Пол Голдберг
Заключительный акт

Драматическая история Московской Хельсинкской группы

Памяти моего деда и друга Мойши Рабиновича

Перевод с английского
под редакцией З. Е. Самойловой

Paul Goldberg
The Final Act
The dramatic, revealing story of the Moscow Helsinki Watch Group
William Morrow and Company, Inc., New York, 1988
© 1988 by Paul Goldberg

ISBN 5-98440-029-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце семидесятых всему миру стали известны имена нескольких московских диссидентов — Юрий Орлов, Анатолий Щаранский, Елена Боннэр, Александр Гинзбург, Анатолий Марченко, Виталий Рубин, Петр Григоренко... У них не было ни идеологии, ни политической платформы, ни тем более сторонников в правительстве. Мне было любопытно проследить за историческими событиями и обстоятельствами, которые сделали их знаменитыми наравне с политическими деятелями.

Я не собирался писать сагу о проявлениях героизма за «железным занавесом» или сухой научный трактат, который представлял бы интерес только для специалистов по новейшей истории России. Мне хотелось понять, почему эти одиннадцать человек, создавшие Общественную группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, рисковали жизнью, открыто критикуя власть. Они были мне интересны как живые люди — где они учились и работали, что читали, о чем думали, как относились друг к другу.

Никаких политических мотивов для написания этой книги у меня не было, как и мысли о сведении каких-либо счетов со страной, из которой мы с родителями эмигрировали, когда мне было четырнадцать лет. По той же причине я не мог бы быть апологетом советских диссидентов. Так что мне было не так уж важно, что читатели будут думать о героях моей книги, и я мог позволить себе роскошь потратить два года на то, чтобы найти ответы на интересовавшие меня вопросы.

Людмила Алексеева, одна из основателей Группы, убедила меня, что книгу о Группе стоит написать. Она предоставила мне для исследования свой архивы, дала множество интервью общей продолжительностью более ста часов, даже выступала в роли посредника, когда было нужно договориться с людьми, которые неохотно соглашались на беседу. Мне удалось собрать обширный материал, значительную часть которого никогда не использовали в своих трудах ни журналисты, ни ученые.

Одним из самых знаковых событий стала встреча с Юрием Орловым. К тому времени, когда его выслали из страны, я уже год занимался этой книгой.

Летом 1985 года, когда я начинал работу, правозащитное движение в СССР, казалось, прекратило свое существование. Его лидеры оказались в лагерях и ссылках внутри страны либо в изгнании — на Западе. И не было никаких признаков того, что эти люди как-то повлияли на советскую систему. А если такое влияние и было, то оно выразилось в усилении репрессий в ответ на их сопротивление режиму.

Сейчас, когда книга издана, ситуация изменилась кардинально. Советский лидер Михаил Горбачев освобождает из тюрем политических заключенных, стремится к переоценке судебной системы, из-за которой они оказались за решеткой, и часто произносит речи, которые десять лет назад можно было услышать только в кругу диссидентов. Все это делается во имя *гласности* — к которой призывали диссидентские лозунги. Недавно я спросил Орлова, как все это можно расценить и смог бы он сам добиться большего, окажись он месте Горбачева. «А откуда, по-вашему, Горбачеву пришла в голову идея освободить политических заключенных? — спросил Орлов. — Он родился с ней? Нет».

Юрий Орлов многое сделал для того, чтобы эти идеи претворились в жизнь.

К 10 февраля 1977 года, когда его забрали в Лефортовский следственный изолятор КГБ, диссидентское движение достигло своего пика. Основанная Орловым Группа создала единый фронт разрозненных диссидентских течений — от националистов и демократов до сионистов. Аналогичные группы возникли в Литве, Украине, Грузии, Армении.

В Соединенных Штатах Америки комиссия, в состав которой вошли конгрессмены и представители президентской администрации, готовилась начать работу, цель которой — проверять как советская сторона соблюдает обязательства по Заключительному акту Хельсинкских соглашений 1975 года, а возглавляемая Орловым Группа уже занималась этим в Москве. Только что избранный президент Джимми Картер заявил о приверженности принципам соблюдения прав человека и недопустимости их нарушения. Столь любопытные совпадения в позициях официального Вашингтона и советских инакомыслящих переполнили чашу терпения КГБ, и он обрушил на Группу свой карающий меч.

Однако преследования не привели к краху дела, начатого Орловым. Группе уже удалось придать особое значение абстрактному по сути международному документу — Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Его подписание в 1975 году многие воспринимали как огромную победу Советского

Союза, означающую признание за ним определенной сферы влияния в послевоенной Европе. Ради подписания Заключительного акта советской стороне пришлось согласиться с обязательствами уважать права своих граждан.

Ко времени ареста Орлова о главном приоритете в хельсинкском процессе — европейской безопасности — стали говорить гораздо меньше. Внимание мирового сообщества переключилось на проблему соблюдения прав человека и судьбу Юрия Орлова и его товарищей.

Кажется невероятным, чтобы небольшая группа «непослушных» граждан могла сыграть столь заметную роль в мировой политике.

Орлов и Щаранский оказались последними известными диссидентами эпохи больших исторических перемен. И если горбачевская гласность останется, если советские граждане будут иметь право говорить что они хотят, и выезжать из страны по своему желанию, то вряд ли в стране появятся новые диссиденты.

Я хотел бы выразить глубокую благодарность всем, кто так или иначе содействовали написанию книги. Юрий Орлов, Анатолий Щаранский и Александр Гинзбург щедро уделяли время обсуждению многих вопросов, освещая подробности, о которых не знали даже многие их товарищи по Группе. Инна Рубина разрешила мне цитировать дневники своего покойного мужа, уникальный документ, охватывающий историю правозащитного движения в Советском Союзе и движения за эмиграцию евреев. Михаил Бернштам предоставил информацию о создании Группы и откровенный рассказ обо всех обстоятельствах его ухода из Группы.

Айрин Манекофски, одна из инициаторов американского движения помощи советским евреям, позволила мне изучить ее личные архивы и познакомиться с огромным количеством письменных и магнитофонных записей выступлений и телефонных разговоров. Без этой помощи работа над книгой заняла бы еще год.

Джордж Крымский, бывший корреспондент Ассошиэйтед Пресс, которого выслали из СССР, в основном за связь с диссидентами, передал мне сделанные в Москве записи и копии репортажей, которые он направлял по телетайпу в Нью-Йорк, — они оказались неоценимы для восстановления точных дат ряда важных событий. Роберт Тот, бывший московский корреспондент «Лос-Анджелес таймс», предоставил материалы, позволяющие взглянуть на историю Московской Хельсинкской группы в более широком аспекте. Харольд Пайпер из «Балтимор Сан» помог воспроизвести обстоятельства ареста Щаранского, свидетелем которого он был. Беседы с Питером Осносом, работавшим в «Вашингтон Пост», были исключительно полезны для понимания первоначального нежелания западных журналистов писать о Группе.

Альфред Френдли, работавший в московском бюро «Ньюсуик» и позднее ставший сотрудником Комиссии Конгресса по безопасности и сотрудничеству в Европе, расширил мои представления о деятельности Группы и о том, как ее воспринимали в Соединенных Штатах. Создавшая эту Комиссию Милисент Фенвик, бывший члена Конгресса США, которая по-существу выполняла те же функции, что и члены Московской Хельсинкской группы, и ее сотрудники Кэтрин Косман и Джон Финерти открыли мне доступ к архивным материалам Комиссии, а Кэтрин Фицпатрик из Хельсинкской группы в Нью-Йорке обратила внимание на многие новые для меня источники информации, в том числе фотографии. От Глена Рихтера из нью-йоркской организации «Студенты в защиту советских евреев» я узнал подробности о евреях из села Ильинка. Деятельный интерес к моей работе проявляли Лидия Воронина, Дороти Фосдик, Джерри Хоу, Шаген Арутюнян, Евгений и Нина Брессенден, Ефросиния Кулабухова, Майкл Шербурн, Рут Ньюман, Луи Розенблюм, Александр и Ирина Корсунские, Валентин и Татьяна Турчины.

Целый ряд ценных рекомендаций дали Джерольд Шехтер и Стивен Розенфельд, мой литературный агент Леона Шехтер, сотрудники издательства Лиза Дрю и Дэвид Минс. Мои родители Соня и Борис Голдберг, родители жены Джулия и Джерри Бойд, мои друзья Кристи Вайсс, Адриан Роу, Кэйт Уитмор, Максвелл Чибунду, Дадли и Лиза Хадспет, Кэйт Риверс, Стив Минниг, Том Грубишич, Михаил Алексеев, Николай Вильямс и Натан Ю не раз читали отрывки из книги и всегда делали полезные замечания.

Моя жена Керстен поддержала мое начинание, а когда работа пошла полным ходом, ее жесткая критика помогла мне не сбиться с правильного пути.

Вашингтон, 1987 год

Глава 1

«Я хочу создать группу...»

Профессор Юрий Орлов стоял около Большого театра и ждал. Ровно в два часа дня Людмила Алексеева вышла из метро. Прищуриваясь в лучах яркого солнца, она осмотрелась. Невысокого роста мужчина, с копной рыжих кудрявых волос, стоял в самом центре маленького сквера: справа от него был Большой театр, сзади — ярко желтый фасад Малого театра.

— Юра! — окликнула его Алексеева.

— Люда! Спасибо, что согласились прийти.

Этот день, 30 апреля 1976 года, выдался необычайно теплым и ясным. Свежая зелень радовала глаз. Из громкоговорителя лилась патриотическая музыка, напоминая о приближающемся празднике Первого мая.

Два часа назад Орлов позвонил Алексеевой, с которой был едва знаком, и предложил «прогуляться». Чтобы добраться с юго-запада, где они оба жили, до центра, надо было проехать через полгорода.

— Я поняла, что это важно, — сказала Алексеева.

Она была выше ростом, и чувствовала себя немного неловко рядом с Орловым.

В отличие от Алексеевой «ветерана» самиздата Орлов относительно недавно вошел в круг диссидентов, но уже познакомился с главными его участниками, включая Андрея Сахарова. Он хорошо знал Андрея Амальрика, историка-самоучку, который написал эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». За эти свои размышления он пять лет провел за решеткой, зато и опус, и его дерзкий автор стали «хорошо известны в узких кругах», в том числе и на Западе. Орлов, физик, часто встречался с Валентином Турчиным — коллегой, другом и соседом, ставшим недавно главой московского подразделения

«Международной амнистии». Поддерживал он отношения и с другим соседом, Александром Гинзбургом. Худощавый, бледный, бородатый, тот выглядел, как стареющий хиппи. Он работал с Нобелевскими лауреатами Сахаровым и Солженицыным. Александр Исаевич, к тому времени уже высланный за рубеж, создал Фонд помощи семьям политических заключенных и пригласил Гинзбурга быть его распорядителем. Сахаров взял его на работу в качестве личного секретаря.

Уже несколько месяцев Орлов говорил о необходимости «заставить власть вступить в диалог с обществом». Именно этого более десяти лет добивалась небольшая группа московских интеллигентов. Они заявляли об этом где только могли, и устно, и письменно — в обращениях к советским руководителям, к Организации Объединенных Наций, просто к «людям доброй воли», — пытаясь донести до властей идеи, которые в кругу вечно единомышленных членов Политбюро не могли быть даже озвучены.

Театральная площадь — одно из самых оживленных мест в центре Москвы. Небольшой сквер, с фонтаном и скамейками, служит местом встречи гомосексуалистов. Здесь из-под полы продают дефицитные билеты на «Лебединое озеро» или «Спартак» и здесь же назначают свидания влюбленные.

Незанятой оказалась только одна скамейка — ближе к Детскому театру.

«Мы сели и стали оглядываться вокруг: нет ли за нами «хвоста», — вспоминает Алексеева. — Потом посмотрели друг на друга и рассмеялись. Два солидных человека. Мне сорок восемь, ему пятьдесят два. Мы не спекулируем билетами в Большой театр, не распиваем спиртное, не продаем краденое. Чего бы нам опасаться?»

— Люда, вы читали Заключительный акт Хельсинкских соглашений?

Речь шла о документе, состоящем из тридцати тысяч слов, который девять месяцев назад подписали Соединенные Штаты Америки, СССР и еще тридцать три страны. Продукт периода «разрядки», этот документ призывал заложить основы более безопасного мира, закрепив положения о неприкосновенности существующих границ, сокращении вооружений, расширении экономического сотрудничества, свободном обмене информацией и большего уважения к правам человека.

Документ рассматривался как важная веха в борьбе за мир и был целиком опубликован в центральных советских газетах.

— Весь его я не осилила, — сказала Алексеева.

— А-ю-да!

— Я пыталась. Но он такой длинный и скучный.

— Вы хотя бы знаете, о чем он?

— Все, что касается прав человека, я прочитала. И что?

— Вы понимаете, что это первый документ, в котором сохранение мира напрямую увязывается с уважением прав человека? — спросил Орлов. — Я хочу создать группу, она должна выглядеть совершенно лояльной. Назвать ее можно «Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР».

— «Содействия» — звучит красиво.

Алексеева подумала, что это слово будет восприниматься как насмешка. Вот уж что меньше всего нужно властям от таких людей, как она и Орлов, так это содействие.

— Да, содействия. Что в этом плохого? — спросил профессор.

— И чем же будет заниматься эта ваша Группа содействия? — спросила Алексеева.

— Будем собирать информацию о конкретных случаях нарушения прав человека, составлять документы и отправлять их правительствам тридцати пяти государств, подписавших соглашение.

— Документы?

— Документы об известных нам фактах: психиатрические больницы, эмиграция, лишение верующих родительских прав, вмешательство в переписку и телефонные переговоры.

Просмотр и перехват писем диссидентов, прослушивание и отключение телефонов — это было обычной практикой властей.

— Почему писать о вмешательстве в переписку и телефонную связь, когда существуют политические заключенные? Ради них стоит рисковать свободой. Но переписка и телефонные разговоры? В самом деле, Юра...

— Мы можем писать и о политических заключенных, но о них ничего не говорится в Хельсинкских соглашениях. А о вмешательстве в переписку и телефонные разговоры написано черным по белому.

Помолчав, Орлов добавил:

— Подумайте об участии в работе группы.

«Содействие» — интересное слово, — думала Алексеева. — Если советская власть решит выполнять свои обязательства в области прав человека, она будет вынуждена прекратить репрессии и, следовательно, прекратить свое существование. Вряд ли это реально».

— Группа объединит самых известных диссидентов, — продолжал Орлов. — Никакого голосования, процедуры принятия членов или жесткой структуры — ничего такого не будет. Достаточно трех подписей, чтобы принять документ, и тогда не нужно тратить время на поиск согласия по каждому вопросу.

Алексеева размышляла о практической стороне дела. На пишущей машинке можно за один раз изготовить максимум девять страниц — оригинал и восемь копий на папиросной бумаге. Значит, для того чтобы все тридцать пять стран, подписавших Хельсинкские соглашения, получили по экземпляру, нужно перепечатать каждый доку-

мент четыре раза. Это хоть и трудно, но вполне осуществимо. Правда, посылать письма, к примеру, в Болгарию — все равно, что отдать их прямо в КГБ, хотя эта организация в любом случае получит свой экземпляр.

Алексеева уже знала, что согласится.

О чем она не знала, так это о том, что была первой, кому Орлов предложил войти в состав Группы. Не могла она предвидеть и того, что «содействуя» советской власти, Орлов в результате объединит небольшие группировки граждан, очень разных, но одинаково недовольных режимом — демократов, сионистов, русских националистов, этнических сепаратистов, католиков, баптистов, пятидесятников, Адвентистов седьмого дня, — и что подобные группы возникнут в Украине, Литве, Грузии, Армении, Чехословакии и Польше. Ей и в самых фантастических снах не привиделось бы, что Конгресс США создаст комиссию, которая фактически будет выполнять ту же работу, что и члены хельсинкских групп в странах Восточной Европы.

Сидя на скамейке возле Большого театра, Алексеева, естественно, не представляла, что этот рыжеволосый физик, который только что рассказывал о своей идее содействовать советскому правительству, окажется во главе правозащитного движения в самый драматический его период.

В середине 70-х на зарубежных радиостанциях, вещающих на Советский Союз, прозвучало слово «диссидент». Кто-то из переводчиков предпочел это английское слово громоздкому русскому эквиваленту «инакомыслящий», и вскоре его можно было услышать в разговорной речи, как будто оно всегда существовало в русском языке. Появились термины «диссидентство», «диссидентская кампания», «диссидентское движение». И вот уже «Правда», ТАСС и сам глава государства Леонид Ильич Брежнев стали критиковать «так называемых диссидентов».

В то же время в Англии и США, говоря о пытающихся эмигрировать евреях, отказниках, стали употреблять слово «*рефьюзник*», прибавив русский суффикс к английскому глаголу *refuse* (отказывать). Автором нового термина был не то Майкл Шербурн, школьный учитель из Лондона, не то Луи Розенблюм, еврейский активист из Кливленда, а может, и они оба. Розенблюм относит первое упоминание этого слова к 1 февраля 1974 года — дате выхода издаваемого им бюллетеня, но не уверен, услышал ли его впервые от Шербурна или придумал сам. Как бы там ни было, слово переключалось на страницы газет и заняло свое место в общественно-политическом лексиконе.

Детант — политика разрядки, проводимая президентами Никсоном и Фордом, пробудила интерес Запада к тому, что происходит в Советском Союзе, и, естественно, привлекла внимание к диссидентскому движению. В рамках американской политической концепции

ситуация с правами человека в СССР рассматривалась прежде всего как еврейский вопрос, связанный, главным образом, с проблемой эмиграции. В 1974 году Конгресс принял поправку Джексона-Вэника к Американско-советскому торгово-экономическому соглашению. Для получения статуса наибольшего благоприятствования в торговле с США от Советского Союза требовалось расширить возможности эмиграции. Автор поправки сенатор-демократ от штата Вашингтон Генри Джексон предложил Советскому Союзу простой обмен: отпустить людей взамен на льготы в торговле.

В Соединенных Штатах выражение поддержки советским евреям принимало подчас экстремальный характер. Особо темпераментные активисты закладывали взрывчатку в представительство «Аэрофлота» и в нью-йоркский офис импрессарио Сола Хурока, который организовывал гастроли советских артистов. На выставках советского искусства и балетных спектаклях распространялись листовки об отказниках. Напротив посольства СССР в Вашингтоне чуть ли не ежедневно выстраивались молчаливые пикеты.

Более уравновешенные и педантичные звонили отказникам, узнавали об арестах, судах и обвинениях своих собратьев в СССР. Записывали имена и адреса, чертили схемы проезда к домам. Знали что нужно посылать. В 1976 году самыми популярными вещами были шубы из искусственного меха, джинсы, пластинки «Битлз», учебники иврита и молитвенники. Для заключенных — открытки с голографическим изображением красавиц: при повороте под определенным углом они оказывались в той или иной стадии раздевания, но не полностью обнаженными. Такие «сувениры» хорошо шли на взятки охранникам.

Посещая Москву, американские конгрессмены пользовались случаем, чтобы встретиться с отказниками и диссидентами, а по возвращении рассказывали соотечественникам о своих впечатлениях. Некоторые из них привозили подарки, письма, помогали советом. Но на встречах с советскими официальными лицами лишь немногие задавали «щекотливые» вопросы. Про таких гостей Брежнев говорил, что их преследуют «навязчивые идеи».

В 1975 году мало кто из правозащитников и на Западе и в СССР воспринимал подписание Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе как значительное событие. Документ не являлся ни договором, ни международным соглашением. Он не предусматривал ни механизмов исполнения, ни сроков, ни критериев для оценки его соблюдения, просто декларировал благие намерения. Даже название — «Заключительный акт» — звучало как-то уклончиво.

Оппоненты Генри Киссинджера, скептически относившиеся к политике разрядки, называли этот документ «предательством», «второй Ялтой», имея в виду итоговые документы Ялтинской конференции

1945 года, которые утвердили советское господство в Восточной Европе. Критики говорили, что Запад, опьяненный обещаниями, данными в период разрядки, сдал Восточную Европу русским.

Журнал «Тайм» опубликовал любопытные факты, связанные с подписанием Заключительного акта: переговоры длились 22 месяца, в них участвовали 375 дипломатов, а итоговый документ состоит из четырех основных частей, которые по неизвестным причинам стали называть «корзинами».

В последнюю минуту Советский Союз пошел на компромисс, согласившись включить раздел под названием «третья корзина», в котором говорилось о правах человека. Критики не склонны были рассматривать это как уступку. Этот раздел являлся по сути лишь ссылкой на Всеобщую декларацию прав человека, принятую Организацией Объединенных Наций в 1948 году, — еще один многообещающий документ, который никак не повлиял на ситуацию с правами человека в Советском Союзе.

Однако скепсис в отношении Заключительного акта разделяли не все. «Это был слабый документ, слабее, чем Всеобщая декларация прав человека, но более важный, — говорил Юрий Орлов, вспоминая, как он отреагировал на подписание документа. — Если советское руководство заявило, что это важный документ, значит, он действительно важный. Само правительство предоставило нам то, на чем основывалась наша работа».

По сути, идея Орлова заключалась в том, чтобы заставить западные страны потребовать от советского правительства прекращения репрессий в отношении своих граждан. Но, при всем желании, выдвигать такие требования за столом переговоров — это уже слишком. А как можно нажать на Советы без угрозы нарушить детант? Большинство диссидентов, считающих себя специалистами в данном вопросе, склонны были считать, что советскую власть нужно осуждать снова и снова, пока не наступит тот славный день, когда в результате международного давления она будет вынуждена сдаться.

Единственный способ увидеть предел терпения советской власти это довести ее до предела.

Глава 2

Научный метод

Казалось, профессору Орлову не на что было жаловаться. Он провел детство в российской глубинке, но сумел поступить в Московский университет — лучший вуз страны, стал известным специалистом в области физики элементарных частиц. Здоровый, мускулистый, с пышной шевелюрой, с хорошей зарплатой и молодой привлекательной женой, он производил впечатление вполне благополучного человека.

Но его постоянно обуревали мысли, далекие от физики. С присутствующим ученому стремлением все анализировать и продумывать план действий, он размышлял над фундаментальными вопросами: как получилось, что в России столько жестокости, как можно изменить ситуацию?

В молодости Орлов искал ответы на подобные вопросы в произведениях классиков марксизма. Он читал Толстого, вникая в рассуждения русского пророка о путях спасения России. Еще будучи студентом, познакомился с трудами Николая Бердяева, оригинального русского философа, который на рубеже веков, разочаровавшись в марксизме, обратился к мистицизму и был выслан из страны в 1922 году после попытки убедить в своей правоте Дзержинского. К главе ВЧК его вызвали по делу, не связанному с религией или философией, но он в течение часа объяснял «железному Феликсу», что большевистская революция противоречит божественному замыслу.

«Я не коммунист. Я, скорее, социалист», — эту фразу Орлов произнес впервые еще в 1946 году и неоднократно ее повторял. Правда, позднее стал добавлять: «Чудо, что меня еще не убили».

Несмотря на такие взгляды, Орлов оставался в коммунистической партии до марта 1956 года. В те дни во всех учреждениях обсуждался

доклад генерального секретаря ЦК Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, осуждавший культ личности Сталина. На партийном собрании Института теоретической и экспериментальной физики Академии наук Орлов выступил с критикой сталинизма и требованием демократизации, что выходило далеко, слишком далеко, за пределы резолюций съезда и терпения партийного начальства.

«В своей речи я высказал идею, что развитие общества — сложный процесс, не подчиняющийся простейшим законам, — рассказывал Юрий Орлов. — Это противоречило марксистско-ленинской теории, утверждавшей, что общественное развитие следует по пути, predetermined историческими законами — теми, которые открыл Маркс и развил Ленин. Но исходя из высказанной идеи, можно сделать заключение, что наше общество, построенное в сталинский период, не является единственно возможной формой существования социалистического общества. Следовательно, есть и другие разновидности социализма, и мы должны построить новый — демократический — социализм».

Выступление Орлова и троих поддержавших его коллег расценили как антипартийную позицию. Их раскритиковали в газете «Правда», исключили из партии и уволили с работы.

«Если вы знали, что делали и на что шли, то вы герои. Если нет — дураки», — сказал им директор Института академик А. И. Алиханов. Орлову удалось найти работу в Армении. В столице республики Ереване были неплохие условия для физика, и Орлов провел там пятнадцать лет, сделав свою ссылку максимально продуктивной. Он защитил докторскую диссертацию, сконструировал ускоритель, был избран членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР.

Любознательность профессора не ограничивалась физикой. Его интересовала природа человека — его биологическая и духовная сущность. Орлов прекрасно осознавал роль личности в истории: известный человек, к которому прислушиваются, способен навсегда изменить мир.

Орлова восхищал Иисус Христос. Не Иисус Христос — Сын Божий, не Иисус Христос — Сын человеческий, а Иисус Христос как историческая личность, изменившая мир, так, как сам он изменял поведение частиц в ускорителе.

«Естественные науки — это общение с Богом и ничего более, — говорил Юрий Федорович. — Когда осуществляется научный эксперимент, ученый часто не отдает себе отчета, с какими колоссальными трудностями ему придется столкнуться. Поэтому многие просто отказываются продолжать эксперимент, признавая свое поражение. Но встречаются настоящие ученые — они не сдаются: бывает, потому что недооценивают предстоящие трудности, а бывает, просто не боятся их».

Орлов считал, что то же самое характерно для общественных экспериментов. «В условиях советской системы невозможно что-либо предсказывать на рациональном уровне, — говорил он. — Большею частью мне приходилось полагаться на волю случая. В таких обстоятельствах я был вынужден действовать, не задумываясь о последствиях».

Единственное, что было ясно с самого начала, это то, что эксперимент Московской Хельсинкской группы будет мучительным: «Когда пытаешься иметь дело с таким огромным сообществом как западный мир — с его множеством интересов, разнообразием устремлений, с его внутренними противоречиями — как можно на него повлиять? Как можно на него повлиять, кроме как взойти на Голгофу? Другого пути нет. Только нести свой крест. Вот и все».

В 1972 году Юрий Орлов вернулся из Армении и в скором времени поселился в кооперативном доме сотрудников МГУ, в юго-западном микрорайоне Беляево-Богородское. От дома до метро добирались автобусом номер 226, в котором большинство пассажиров ученого вида знали друг друга в лицо и не таясь читали самиздатские и тамиздатские новинки.

Летними вечерами из открытых окон слышались передачи «Голоса Америки», Би-би-си, «Радио Свобода» и других радиоголосов. По соседству с Орловым жили Турчины и Гинзбург с женой Ариной, двумя их малышами и приемным сыном-подростком — пятеро в однокомнатной квартире.

Каждый день к дому Гинзбургов подъезжали иностранные машины. Жены дипломатов и корреспондентов посещали уроки русского языка, которые давала Арина. Это нарушало правила, установленные для иностранцев — пользоваться только теми платными услугами, которые оказывают специально созданные МИДом службы. Однако это не беспокоило ни посетителей, ни хозяев, ведь это было мелочью по сравнению с основным занятием Александра Гинзбурга — распределять материальную помощь женам и детям политзаключенных.

Можно сказать, что история советского инакомыслия началась после двух эпохальных событий — смерти Сталина в 1953 году и разоблачения культа личности Хрущевым спустя три года. Но был и другой, не столь известный ключевой момент.

Как-то раз, году в 1959, студент Александр Гинзбург, находясь в уборной, обнаружил — в коробке с бумагой (используемой взамен дефицитной туалетной) — черновики со стихами, рассказами и историческими заметками. Тогда-то ему и пришла идея собрать молодые таланты — поэтов, писателей — и, минуя всякую цензуру, выпускать журнал «Синтаксис». Наполнить портфель оказалось несложно — в

Москве уже хватало свободных художников и неформальных литераторов.

У памятника Маяковскому молодые поэты читали свои неопубликованные стихи и выкрикивали угрозы в адрес социалистического реализма. Кроме любопытных и милиции, их слушали сочувствующие и единомышленники, среди них — молодые художники, отвергавшие официальное искусство. Они предпочитали рисовать не джарок и сталеваров, а черных кошек, телевизионные антенны, кубы, сферы и фаллосы. Некоторые их творения даже напоминали произведения искусства, многие были просто проявлением бунтарства, но почти все обладали сильной энергетикой.

«Синтаксис» стал одним из первых самодеятельно изданных журналов. Впоследствии подобного рода неофициальные публикации получили название «самиздат». Для Гинзбурга результатом этого первого опыта стало исключение из университета. Вскоре его обвинили в подлоге — он сдал экзамен за другого студента. За это мелкое правонарушение суд вынес необычайно строгий приговор — два года лагерей.

Отсидев срок, Гинзбург не потерял старые связи и интерес к самиздату. Он дружил с Андреем Синявским, литературоведом и писателем, который публиковал свои книги на Западе под псевдонимом Абрам Терц. В 1965 году Синявского и его друга, тоже печатавшегося за рубежом писателя Юлия Даниэля (псевдоним Николай Аржак) арестовали по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде». По просьбе жены Синявского Марии Розановой, Гинзбург составил неофициальный сборник материалов по этому судебному процессу.

Суд над Синявским и Даниэлем стал переломным моментом в истории советского диссидентского движения, и споры, которые он вызвал, продолжались еще долгое время.

В феврале 1987 года поэт Евгений Евтушенко высказал новую версию о подоплеке этого дела.

В 1966 году, вскоре после суда, Евтушенко оказался с визитом в США и был приглашен к сенатору Роберту Кеннеди, в его квартиру на Манхэттене. Во время беседы Кеннеди провел гостя в ванную комнату, где — включив воду и понизив голос — изложил свою просьбу: передать советскому правительству, что это американские агенты раскрыли советским коллегам фамилии писателей, скрывавшихся за псевдонимами Терц и Аржак. «Из-за войны во Вьетнаме наше положение пошатнулось как внутри страны, так и за границей, — якобы сказал Кеннеди. — Нам нужен был какой-то пропагандистский противовес».

Если рассказанное Евтушенко правда, то на все связанные с этим делом события можно посмотреть под другим углом. Практически все главные достижения советского диссидентства — помощь заключен-

ным, гласность, появление Сахарова на политической сцене — можно рассматривать как последствия суда над Синявским и Даниэлем. Видимо, всей правды мы никогда не узнаем, но в версии Евтушенко есть некоторые неувязки. «Если наши агенты сообщили их агентам о Синявском и Даниэле, тогда их агенты должны были бы доложить своему работодателю, то есть советскому правительству, что американцы используют писателей, — пишет в «Нью рипаблик» Дональд Джеймсон, бывший сотрудник ЦРУ, руководивший операциями в СССР. — Зачем Кеннеди нужно было передавать советским властям информацию, которой они уже располагали?»

В рассказе Евтушенко есть и другое слабое место. Для многих в Москве псевдонимы Синявского и Даниэля не были секретом. Например, Людмила Алексеева, знакомая с ними и их женами, знала об этом года за три до ареста писателей, причем, не от Даниэля, с которым она дружила, и не от его жены, Ларисы Богораз, а от общих друзей: «В нашем кругу было около ста человек и, думаю, не меньше половины из них были в курсе. Если ЦРУ выдало их имена КГБ, то кагебэшники не узнали ничего нового».

Примерно через два года после суда над писателями Гинзбурга обвинили в клевете на советский строй за составление сборника материалов о процессе Синявского — Даниэля, изданного на Западе под названием «Белая книга».

В то время в самиздате уже выходила «Хроника текущих событий» (часто ее называли просто «Хроника»). Это уникальное изобретение советских диссидентов: никаких призывов к революции или рецептов «коктейлей Молотова» — ничего, кроме летописи всех форм проявления инакомыслия в СССР. С точностью телефонной книги, но в то же время ярко и живо, «Хроника» приводила факты преследования верующих — баптистов, адвентистов, пятидесятников; описывала суды над активистами национальных движений в Украине, Литве, Латвии, Эстонии, Грузии, Армении и собственно в России; общала об умерших в лагерях и о счастливых случаях освобождения заключенных. Нередко на страницах «Хроники» рассказывалось о судебных процессах над ее редакторами.

Вскоре после возвращения Гинзбурга из лагеря, в 1972 году, с ним захотел поговорить Солженицын. Встречу организовала жена писателя Наталья Светлова. С ней Гинзбург давно был знаком. Солженицын, только что награжденный Нобелевской премией по литературе, решил выделить четверть полученной суммы на помощь семьям политических заключенных и предложил Гинзбургу работать распорядителем будущего фонда.

Это был выдающийся период в истории правозащитного движения с его неписанным моральным кодексом и чем-то, отдаленно похожим на идеологию. Суть движения сводилась к требованию, чтобы

государство уважало собственные законы и действовало открыто. На допросах и судах правозащитники заявляли, что если следовать букве закона, то издавать книги за рубежом, собирать информацию из открытых источников, выступать с критикой в адрес государства и нанимать западных адвокатов в случае конфликтов с властями — все это не является нарушением советского законодательства.

Встречаясь в своих компаниях, они имели обыкновение произносить тосты «за тех, кто не может выпить с нами» (потому что находился в заключении) и «за успех нашего безнадежного дела». Юрий Орлов не был в восторге от второго тоста. «Если бы я считал наше дело безнадежным, я бы занялся чем-нибудь другим», — возражал он.

После унижительных обысков или нападок в газетах некоторые подавали жалобы на действия КГБ, аргументированно утверждая, что статьи 70 и 190 прим Уголовного кодекса РСФСР, карающие за «антисоветскую пропаганду» и «клевету на советский государственный и общественный строй», эти статьи — антиконституционны, поскольку основной закон страны гарантирует свободу слова. Орлов и его соратники выступали только от своего имени. У них никогда не было политической платформы или политических целей. Они считали себя нравственной оппозицией и были уверены, что политические цели ее недостойны. Они сражались по-рыцарски — с открытым забралом: под письмами и обращениями стояли подписи; демонстрации проводились в самых людных местах (включая Красную и Пушкинскую площади); в информации, передаваемой западным корреспондентам, указывались источники ее получения. Диссиденты считали, что чем больше о них будут писать в зарубежной прессе, тем меньше вероятность, что власти их арестуют.

«Я хотел бы следующие пять лет посвятить примирению со своей гражданской совестью», — сказал Юрий Орлов друзьям, вернувшись в Москву.

Возможность представилась в сентябре 1973 года, когда газеты развернули оскорбительную кампанию против Сахарова, называя его предателем и «агентом реакционных сил, пляшущим под дудку империализма». Возмущенный Орлов написал открытое письмо Брежневу — в форме тринадцати вопросов, затрагивающих наиболее острые темы: отставание науки и застой в экономике, недостатки марксистской теории, пренебрегающей естественными духовными потребностями и качествами человека. Вследствие этого, по мнению Орлова, наш подход к человеку и его месту в обществе примитивен и не соответствует реальным нуждам людей. Говоря об отношениях власти и оппозиции, он сравнил использование психиатрии для подавления инакомыслия с нацистской практикой устранения неудобных. В то же время автор письма подчеркивал, что он не противник

социализма, а сторонник постепенной демократизации советского общества.

Вскоре Юрию Федоровичу сообщили, что в связи с недостаточным финансированием и сокращением штата научных сотрудников его увольняют. Найти новую работу было непросто, и он подумал, что следует принять предложение академика В. А. Амбарцумяна о постоянной работе в Армении. Он вернулся в Ереван, но президент Армянской академии наук его не принял, сообщив через подчиненного: «Бывают ситуации, когда и академик бессилен».

Чтобы как-то свести концы с концами, ученый-физик мирового уровня был вынужден давать уроки школьникам и студентам. Среди его учеников был сын высокопоставленного прокурора. Однажды в его квартире Орлов столкнулся с незнакомым человеком, который обратился к нему со словами:

— Прокурор хорошо к вам относится и просил передать, что власти мирятся с тем, что вы пишете обращения и подписываете письма протеста, но они не потерпят никаких организаций.

«Я его выслушал и пошел по своим делам, как будто ничего не произошло, — вспоминает Орлов. — Это меня не испугало. Я могу бояться высоты, диких зверей, воды, но не людей, кроме, пожалуй, бандитов. Если работа должна быть сделана, ее нужно делать, и если не я, то кто?»

Орлов расценил предупреждение как нечто большее, чем простая доброжелательность. Оно говорило о том, что КГБ воспринимает его серьезно. «Отчасти это было из-за моей речи в 1956 году, отчасти — из уважения к моим званиям: член-корреспондент Армянской Академии наук, доктор наук, профессор».

В 1975 году Орлов и Турчин организовали секцию «Международной амнистии» в СССР. Целью этого эксперимента было проверить, что произойдет, если группа граждан попытается вовлечь свою страну в деятельность международного правозащитного сообщества. Руководители «Амнистии» предупредили Турчина, что он не должен вмешиваться в политику. Согласно принципам этой организации, ее члены не занимаются проблемами родной страны. Так что советские участники не могли высказываться о политических заключенных в СССР, им поручалась поддержка узников совести в Югославии, Испании и Шри-Ланке.

В марте 1975 года, Орлов написал свою единственную статью для самиздата — «Возможен ли социализм не тоталитарного толка?»

«Как известно, серьезное обсуждение этой темы не приветствовалось. Это может закончиться семью годами лагерей или помещением в психиатрическое учреждение», — писал Орлов. Система карает своих противников, потому что она не может этого не делать; тотали-

тарное социалистическое государство неспособно мириться с теми, кто выпадает из его норм.

На первый взгляд, эти нормы могут показаться странными: «У человека нет стимула к труду, ему прощают незначительные проступки. В результате, крестьяне практически ничего не делают, ученые делают совершенно бесполезную работу, месяцами не появляясь на работе, и каждое утро огромное число пьяных рабочих приходят на заводы. Тем не менее, эти расхлябанные рабочие обеспечены постоянной зарплатой, бесплатной медицинской помощью и относительно надежным пенсионным содержанием. Абсолютная лояльность — это единственное, что государство требует взамен. Диктатура процветает, когда средний гражданин испытывает комплекс вины и благодарен государству за то, что оно прощает ему его недостатки».

По словам Орлова, такой извращенный общественный договор, при котором демонстрация лояльности делает простительными отсутствие способностей и лень, лежит в основе социализма. И это устойчивая основа. Устойчивая, потому что инертная. «Все составляющие тоталитарного социализма сплетены в тугий узел», — писал Орлов. Государство не смогло бы завязать этот узел, не владей оно средствами производства и не имея в результате этого контроля над рабочей силой. Чем больше участие государства в процессе производства, тем больше ему приходится беспокоиться о дисциплине, тем больше оно стремится контролировать все аспекты жизни наемных работников, тем сильнее оно подавляет любую критику, превращая рабочих, крестьян и интеллигенцию в ленивых, но лояльных пьяниц.

Глава 3

«Кому вы помогаете?»

Увольнение с работы, отказ в получении выездной визы — у этих неприятностей была и обратная сторона. Порой отказники получали какую-то помощь от зарубежных еврейских организаций. И диссидентов, и отказников приглашали иногда в посольства на культурные мероприятия вроде показа нового кинофильма или на открытие международных выставок. Столкнувшись там лицом к лицу с высокопоставленными чиновниками, они с удовольствием наблюдали, как те при виде их пытались скрыть бессильную ярость — это было едва ли не большим развлечением, чем просмотр американского боевика. Бывали пресс-конференции, какие-то неофициальные встречи и знакомства — возникали контакты с внешним миром.

Юрий Орлов решил улучшить свой английский. Его знаний хватало на чтение зарубежных научных журналов, а хотелось читать еще и газеты, овладеть навыками разговорной речи. В начале 1976 года он начал брать уроки английского у Анатолия Щаранского.

Невысокий, полноватый, рано польсевший, с бакенбардами в стиле Элвиса Пресли двадцативосьмилетний Щаранский целыми днями носился по Москве. Близкие друзья называли его «Пузырь», потому как «он маленький, круглый и всегда на виду». В холодную погоду его уже издали можно было узнать по свитеру из эквадорской ламы — пожалуй, единственному во всей столице. Свитер был ему маловат, но зато это был подарок: одну американскую туристку настолько растрогала встреча с настоящим отказником, что она оставила ему на память первое, что попало под руку.

Впервые Щаранский подал заявление на выезд в 1973 году, но ему отказали. Тем временем он женился на Наталье Штиглиц, высокой, статной и решительной. Она получила разрешение на эмиграцию и

в Израиле поменяла имя на Авиталь. Попытки Щаранского воссоединиться с женой оставались безуспешными.

К тому времени когда Щаранский встретился с Орловым, он успел уже окончательно опротивить советским властям. Мало того что он открыто делал заявления для западной прессы и выступал в роли переводчика на организуемых еврейскими активистами пресс-конференциях, он еще поддерживал связи с иностранными корреспондентами, зачастую помогая им с репортажами, ничего общего не имеющими с еврейской эмиграцией.

К обучению желающих английской грамматике Щаранский подходил творчески. Вместо скучных предложений типа «Джейн шла домой, Джейн идет домой, Джейн пойдет домой, если освободится пораньше», он объяснял спряжение глаголов и согласование времен на таких фразах, как «Если бы я был Брежневым, я разрешил бы евреям эмигрировать в Израиль». В скором времени немало тетрадей его учеников будет конфисковано.

Среди учеников Щаранского был давний друг Орлова ученый-синолог Виталий Рубин, худощавый пятидесятидвуухлетний мужчина с пристальным взглядом. Уже четыре года ему отказывали в разрешении на эмиграцию якобы по той причине, что он располагал информацией, составляющей государственную тайну. Сколько ни размышлял Рубин — специалист по китайской философии XII века — над этой формулировкой, он так и не нашел в ней логики. «Единственные тайны, которые мне известны, это тайны Конфуция», — с горькой иронией говорил он друзьям. Когда его спрашивали, где он работает, ответ ставил чиновников в тупик: «В Еврейском университете Иерусалима». Это была правда. Университет действительно зачислил его в штат. В своей квартире в Москве Рубин проводил семинары по еврейской культуре, много времени отдавал чтению тайно ввезенных работ Мартина Бубера, Абрахама-Джошуа Хешеля, Гершомо Шолема, Франца Розенвейга и других еврейских мыслителей XX века.

Еще одним учеником Щаранского был друг Орлова и Рубина Андрей Амальрик. Он только что вернулся, отбыв пять лет в лагере и ссылке — это наказание он получил в том числе и за эссе «Просуществует ли СССР до 1984 года?» (где выражал твердое убеждение, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным). Интересно, что именно Рубин предложил название эссе. Оно вышло на Западе отдельной брошюрой и сделало Амальрика знаменитым.

Амальрику нравилось, что его называли в советской прессе провокатором. Он не только пренебрегал осторожностью в политике, но и игнорировал мнение окружающих. Любитель эпатажа, он мог при людях упрекать свою жену-художницу за то, что она тратит слишком много денег. Однажды, вскоре после того, как Гинзбург женился, он сказал Арине: «Как ты могла выйти за него? Он же дурак».

К изучению английского Амальрик подходил своеобразно и меньше всего напоминал прилежного студента. Лидия Воронина, подруга Щаранского, которая тоже посещала занятия, вспоминает упорные попытки Амальрика найти английской грамматике наглядное объяснение: «Давай нарисую», — говорил он всякий раз, когда товарищи по учебе бывали ошарашены сконструированной им фразой.

Помимо изучения языка Орлов, Рубин, Амальрик и Щаранский немало времени проводили за обсуждением волнующих их политических тем. И вот в начале марта Щаранский сформулировал первый «проект».

Сначала представители советской интеллигенции предложат западным коллегам провести семинары и дискуссии по вопросам, связанным с правами человека. Затем, после того как на Западе будут созданы дискуссионные группы, советские граждане, которые инициировали этот процесс, организуют подобную группу у себя в стране. Группа начнет регулярно проводить в Москве международные семинары. Цель этого движения — высвободить из-под контроля правительства вопросы, связанные с правами человека, и придать им публичность, исходя из обязательств по Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

«Если правительства не могут выработать общие критерии, это сделают гражданские объединения, — говорил позже Щаранский. — Там, где не получается у правительства, получится у граждан».

План включал в себя некоторые меры предосторожности: форма семинара была выбрана случайно. Люди скорее согласятся участвовать в «семинаре», чем в «организации», «партии» или «группе». В советском законодательстве оказался пробел — там ничего не сказано о публичных семинарах. Значит, и преследовать не за что. Кроме того, семинар должен был стать частью международной сети, и властям придется с этим считаться.

Амальрику эта идея понравилась, вспоминает Щаранский. «Провокатор» сочинил обращение с призывом организовывать семинары на Западе. Он предложил поставить под обращением двадцать пять подписей и уже назвал его «Письмо двадцати пяти». Втроем они решили, что каждый отвечает за пять подписей: Щаранский — от евреев-отказников, Орлов — от ученых, Амальрик — от писателей и художников. Еще десять подписей планировалось собрать среди друзей и знакомых — таким образом, будет представлен «широкий спектр политических взглядов».

Щаранский сразу подписал обращение и быстро нашел еще четверых желающих. Амальрик не принес ни одной подписи, а Орлов, казалось, колеблется. В течение месяца Щаранский периодически интересовался, когда закончится составление письма.

— Да-да, я об этом думаю, — отвечал Орлов.

На Амальрика стали оказывать давление с тем, чтобы заставить его эмигрировать. Он решил, что сейчас самое время отправиться в путешествие по России и одолжил на это деньги у Эрнста Неизвестного. Поскольку скульптор тоже планировал отъезд, долг нужно было вернуть уже «там», в твердой валюте.

Прошел апрель, а ответ Орлова на вопросы Щаранского оставался прежним. Он все еще думал об этом.

«Я понимал, что кого бы мы ни уговорили подписать обращение, никому в Европе не будет до этого дела, — вспоминает Орлов. — Мы не получили бы никакого ответа. Все, что их в Европе интересует, это разоружение, и они не думают ни о чем другом, что не имеет к этому отношения. И теперь я точно знаю, что был прав, думая так о европейцах. Поэтому я решил, что если мы хотим выполнения обязательств по Заключительному акту, мы сами должны за этим следить. Если мы хотим, чтобы была создана группа, именно мы должны ее создать. Никто не сделает это за нас».

Орлов решил, что группу нужно сформировать в Москве. Она должна сосредоточить внимание на Заключительном акте Хельсинкского совещания, и войти в нее должны хорошо известные диссиденты.

В начале мая Орлов показал Щаранскому написанный от руки проект документа — в нем объявлялось о создании Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Это отличалось от идеи Щаранского. Позже он вспоминал: «Юра сказал, что нужно сделать именно так. Я заметил, что это гораздо рискованнее того, что предлагал я, но — поскольку это я навел его на эти мысли, мне ничего не оставалось, как присоединиться к этой группе».

Отношения между активистами еврейского движения и правозащитниками были вполне доброжелательными, но обе стороны хотели избежать стратегии «объединенного фронта». О различиях между ними писал в своем дневнике Виталий Рубин 27 июля 1975 года:

«...не был российским демократом. При всем моем уважении и даже восхищении этими людьми я никогда не чувствовал в себе желания примкнуть к ним, потому что с детства видел в этой стране страну рабства, понимал, насколько вся она сверху донизу пронизана антисемитизмом и не испытывал никакого стремления жертвовать собой ради врагов моего народа...»

Русских демократов в последний раз я видел на чьих-то проводах в доме Надежды Марковны. Меня поразила в них черта, которой раньше я не замечал, — какая-то забубенность... Видно было, что их дело потеряло всякий смысл. Оно не нужно в этой стране никому, кроме них самих, оно никому не в состоянии помочь и никого не может осчастливить. При всем моем уважении и даже преклонении перед этими людьми, у меня никогда не было желания к ним присоединить-

ся, потому что с самого детства я видел, что это страна рабства. Я понимал, что сверху донизу она пропитана антисемитизмом, и не хотел жертвовать собой ради врагов своего народа...

...Если цель сохранить себя в чистоте, не лгать, по крайней мере выполняма, если человек готов на жертвы, которых требует такой образ жизни здесь, то невозможно добиться для народа того, что ему не нужно и за что он не собирается бороться.

На днях я подумал, что было бы со мной, если бы я, так относясь к о всему советскому, не был бы евреем. Мне пришлось бы делать так, как многие русские — просить кого-то о вызове из Израиля, примазывать к евреям. Для человека с моим чувством собственного достоинства это было бы мучительно. Слава Богу, я еврей!»

Меньше чем через год Рубин принял предложение Орлова вступить в Хельсинкскую группу. Нет, еврейский патриот не стал вдруг русским демократом — он присоединился к Группе, чтобы представлять еврейское движение за эмиграцию. И поскольку это движение происходило в русле Заключительного акта, у Орлова и Рубина было поле для совместной деятельности.

Мальва Ланда сказала «нет». Она никогда не присоединится к чему-либо, что называется Общественная группа содействия... Ведь такое название подразумевает сотрудничество диссидентов с государством в выполнении положений международного документа, который советские власти считают важным в своей внешней и внутренней политике.

— Ваша группа только облегчит задачу властям! — заявила Ланда — геолог, недавно вышедшая на пенсию. Она много лет помогала политическим заключенным, еще до того, как стали поступать средства от Солженицына: — Хельсинкские соглашения — это их рук дело, чтобы обманным путем заставить Запад признать послевоенное господство СССР в Восточной Европе».

— Мальва, неважно, как называется группа, — пытался возразить Орлов. — Главное — кто в нее входит».

И все равно ответом Ланда было категорическое «нет». Перспектива «содействовать» советскому правительству, даже если бы слово «содействие» использовалось иронически, приводила ее в ужас. «Содействие» противоречило ее заветной мечте — дожить до суда над большевиками за преступления перед человечеством. Однажды на допросе в КГБ она отказалась отвечать: «Только после Нюрнберга».

Татьяна Ходорович, диссидент и друг Орлова, не согласилась присоединиться к Группе по той же причине. Но Орлов продолжал настаивать на таком названии. «Я не хотел, чтобы в названии слышался вызов правительству, — говорил он позднее. — Мы не хотели заранее вступать в конфронтацию. Мы — просто наблюдательная группа.

Если они нарушают Заключительный акт, мы об этом сообщаем. Если достигнут какой-то прогресс, мы пишем, что достигнут прогресс.

Ланда и Ходорович не понравился мой ход с названием Группы. Они были уверены, что следует избегать всего, что хоть как-то напоминает политику, но я считал, что элемент игры в политику нужен».

Валентин Турчин отклонил предложение войти в Группу: «Международная амнистия» предостерегала его от участия в политике.

Привлечь Гинзбурга тоже оказалось нелегко. Он был очень занят — уже два года занимался фондом Солженицына, передавал деньги семьям осужденных. Кроме того, много времени уходило впустую. Отсидев за «Белую книгу» после суда над Синявским и Даниэлем, он лишился московской прописки. Это означало, что он мог находиться в столице не более семидесяти двух часов. Гинзбург старался не нарушать этого правила. Обычно за час до истечения срока он садился в поезд, ехал четыре часа до Тарусы, где был прописан, и оставался там какое-то время, пока приставленный к нему надзиратель не убедится, что он на месте, после чего возвращался в Москву.

В конце концов его уговорила Арина:

— Да, у тебя нет времени, но когда дело коснется заключенных, ты не сможешь остаться в стороне и все равно присоединишься. А в тюрьме окажешься независимо от того, состоишь ты в Группе формально или неформально. Так сделай это формально.

Михаил Бернштам, которого Орлов привлек к работе в Группе, вынашивал планы более радикальные, чем созыв общественного трибунала. Демограф-самоучка, тридцати двух лет, рыжебородый, в очках, он возлагал надежды на военный переворот, после которого последовала бы казнь двадцати тысяч человек. Эта цифра, по его оценкам, соответствовала числу ключевых фигур в партийном аппарате. После их ликвидации, утверждал Бернштам, Россия будет готова к демократическим преобразованиям. В ходе споров — а без них не обходилась ни одна встреча — Бернштам говорил, что новый Нюрнберг, о котором некоторые мечтают, нецелесообразен. Он только отложит на время неизбежное кровопролитие.

Орлов познакомился с Бернштамом, когда того выпустили из психиатрической больницы. Попал он туда за попытку подсчитать, сколько людей было убито после большевистской революции. Результаты своего исследования он собирался представить специалистам-демографам, но вместо них появились люди со смиренными рубашками.

После освобождения Бернштам принялся за сборник эссе «Через топь», в котором жестко критиковал интеллигенцию. Он делал его по образцу Солженицыновского сборника «Из-под глыб». Среди отобранных им работ была статья Орлова «Возможен ли социализм не тоталитарного толка?»

Когда Бернштам рассказал Ланда о своем решении присоединиться к созданной Орловым Группе, она пришла в ужас:

— Ты хотел бы повесить большевиков на фонарных столбах. Так зачем же ты будешь им в чем-то содействовать?! — возмущалась она.

Орлов получил согласие и от Анатолия Марченко. Рабочий тридцати шести лет, первый раз он попал за решетку в девятнадцать лет, получив два года за драку. Затем предпринял неудачную попытку пересечь советскую границу и снова загремел в лагерь. Там познакомился с писателем Юлием Даниэлем. Отбыв второй срок, Марченко написал книгу «Мои показания» — обо всем, что пережил и понял в лагерях хрущевской поры.

Еще одним членом группы стал Анатолий Корчак — физик, который раньше не был связан с диссидентами.

Орлов хотел привлечь в Группу бывшего генерала Петра Григоренко. Его военная карьера прервалась в 1964 году, когда он создал подпольную организацию, члены которой использовали тактику большевиков — печатали листовки — и требовали возвращения СССР к ленинским революционным принципам. Искренние попытки Григоренко защитить ленинизм закончились помещением его в психиатрическую больницу. В 1968 году его лишили воинского звания — за то, что он протестовал против вторжения советских войск в Чехословакию. В 1974 году, когда Григоренко снова оказался в психиатрической лечебнице, один «неофициальный» поэт назвал его «счастливецem, рожденным в смиренной рубашке».

В апреле 1976 года, Григоренко встретился с Орловым в квартире у Сахарова. Орлов произнес свою обычную речь. Генерал слушал, не проявляя интереса.

«Я плохо себя чувствовал и, возможно, поэтому не видел ничего нового в рассуждениях Юры, — вспоминает Григоренко в своих мемуарах, изданных на Западе вскоре после его высылки. — Конечно, эта организация положит начало новой тенденции, но это будет та же самая правозащитная деятельность, которая осуществлялась раньше. Мне не показалось, что во время той беседы Юра пытался предложить мне вступить в новую группу».

Глава 4

Эксперимент

В 1975 году, вскоре после вручения Андрею Сахарову Нобелевской премии мира, к нему потянулся поток посетителей с жалобами, просьбами и предложениями. Каждый день в его маленькой квартире на улице Чкалова появлялось до тридцати человек. Академика, превратившегося в борца за справедливость, просили выступить от их имени, написать письма чиновникам, организовать встречи с иностранными корреспондентами. Взамен давали благословение, а иногда приносили дефицитные лекарства. На некоторые просьбы он откликался, но чаще просил Гинзбурга встретить ходока за порогом квартиры и сказать, что Сахарова нет дома. Обычно Гинзбург предлагал посетителям побеседовать у него в Беляеве.

Сахаров начал выступать в защиту прав человека восемь лет назад и к 1976 году написал десятки посланий лидерам разных стран. Вместе с несколькими другими учеными он участвовал в работе Комитета прав человека — это был первый опыт создания в СССР независимой общественной организации. К середине семидесятых по разным причинам Комитет прекратил свою деятельность.

После этого эксперимента Сахаров стал избегать членства в каких-либо организациях и отказывался от всех подобных предложений.

«Из-за своих психологических особенностей и убеждений я не могу быть лидером какого-либо движения», — сказал Сахаров в интервью «Вашингтон пост» в 1986 году.

Орлов и Амальрик тоже внесли свою лепту в обрушившийся на Сахарова шквал предложений. За несколько месяцев до того, как возникла идея создать Хельсинкскую группу, они принесли Сахарову проект обращения к новым членам Политбюро, которые будут избраны на предстоящем в феврале 1976 года XXV съезде партии.

«Во многих странах коммунистические партии переходят от конфронтации к диалогу с остальными общественными группами. Пришло время положить конец нетерпимости и прислушаться к словам инакомыслящих. Осознавая это, мы протягиваем руку представителям КПСС и предлагаем им встретиться с представителями демократического движения».

Сахаров отказался подписать это обращение. Когда Орлов и Амальрик показали ему другой, менее официальный вариант, приглашающий членов Политбюро начать диалог с обществом, Сахаров снова ответил, что он не хочет подписывать коллективные письма.

Теперь Орлов собирался просить Сахарова возглавить Общественную группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

«К тому времени я достаточно хорошо знал Сахарова и его мнение о группах и создаваемых ими документах, поэтому я знал, что он откажется, — говорил Орлов позднее. — Но с моей стороны было бы невежливо не предложить ему возглавить Группу. Это предложение было просто знаком уважения, но, конечно, если бы он согласился, это было бы замечательно».

Утром 12 мая 1976 года Орлов получил повестку — в тот же день явиться в Черемушкинский районный отдел КГБ. Он понял, что органам уже известно о его планах основать Группу и они попытаются это пресечь. Первым делом — официально предупредить о юридических последствиях: обвинение в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй (статья 190 прим УК РСФСР — три года лагерей и пять лет ссылки) или в антисоветской пропаганде (статья 70 — семь лет лагерей и пять лет ссылки). Третий и худший вариант — обвинение в государственной измене и высшая мера наказания — смертная казнь.

Орлов решил проигнорировать повестку и остался дома, обдумывая, как бы ускорить объявление о создании Группы, запланированное на 15 мая. В оставшиеся три дня он собирался связаться со всеми предполагаемыми участниками. Ему хотелось, чтобы организатором первой пресс-конференции Группы выступил Сахаров — на мировую знаменитость журналисты слетятся гораздо охотнее. Но надо еще успеть их пригласить.

После трех часов дня пришла еще одна повестка. Следующим шагом мог стать привод на допрос силой. Значит, о создании Группы надо объявлять немедленно.

Орлов стал обзванивать потенциальных участников. Ему удалось застать дома Бернштама.

- Ты не мог бы зайти ко мне? — спросил Орлов.
- Прямо сейчас?
- Да.

Ночью и весь день с утра Бернштам писал статью, он почти закончил и сейчас собирался помыться и передохнуть.

— Мне надо принять душ.

— Это важно.

— Если очень важно, я приду, — сказал Бернштам.

Орлов встретил Бернштама на лестничной площадке и предложил выйти на улицу (квартира прослушивалась).

— Меня вызывают в КГБ, — сообщил Орлов.

— Значит, надо объявить сегодня?

— Стратегически это неверно, но по политическим причинам лучше объявить.

У членов будущей Группы пока не было случая обсудить хотя бы ближайшие планы и первые документы. Теперь придется все делать на ходу, но не объявлять — было бы слишком рискованно, рассуждал Орлов. В ближайшие дни на потенциальных членов Группы наверняка посыплются предупреждения, угрозы и предложения пойти на сделку с органами. Неудивительно, если некоторые из согласившихся войти в Группу, скажут, что передумали.

— Я хочу, чтобы к нам обращались как к Группе, а не к каждому поодиночке, — сказал Орлов.

— Что ты хочешь от меня услышать? — спросил Бернштам. — Я вижу, ты решил, и я согласен.

Бернштам пошел к Гинзбургу, принял душ, потом позвонил Сахарову из телефонной будки и спросил, могут ли они с Орловым зайти к нему позже.

Вечером Бернштам и Орлов снова встретились. Орлов предложил взять такси, что показалось Бернштаму странной идеей. Однако, когда они подъехали к дому, где жил Сахаров, то поспорили, кто заплатит таксисту четыре рубля.

— Я тут получил за уроки. К тому же это была моя идея взять такси, — настаивал Орлов.

— Мне человек только что заплатили за диссертацию, которую я ему написал, — возражал Бернштам.

Заплатить поровну ни тот, ни другой не хотели. Победил более настойчивый Бернштам.

Около десяти вечера Бернштам и Орлов вошли к Сахарову. Нужно было связаться с Григоренко и с Щаранским. Последний в это время гостил у родителей, в Истре.

У Сахарова дома Орлов внес несколько изменений в текст документа о создании Группы.

Название было абсолютно лояльным: *Общественная группа (их тысячи) содействия (очень доброжелательно) выполнению Хельсинкских соглашений в СССР (почему бы гражданам не помочь своей стране?)*. И все остальное было совершенно лояльным:

«Принимает непосредственно от советских граждан письменные жалобы, касающиеся их лично и имеющие отношение к нарушению указанных статей, и в краткой форме переадресовывает их всем главам правительств, подписавших Акт, а также общественности; подписанный автором оригинал Группа оставляет у себя...»

В некоторых случаях, когда Группа будет сталкиваться с конкретной информацией об особенных проявлениях антигуманности, например,

- изъятие детей у религиозных родителей, желающих воспитывать детей в своей вере;*
- принудительное психиатрическое лечение с целью изменения мыслей, совести, религии, убеждений;*
- наиболее драматические случаи разделения семей;*
- случаи проявления особой антигуманности по отношению к узникам совести, —*

Группа намерена обращаться к главам правительств и к общественности с просьбами образовать международные комиссии для проверки информации на месте, так как Группа не всегда будет иметь возможность производить собственную прямую проверку столь важной и ответственной информации.

Группа надеется, что ее информация будет учитываться при всех официальных встречах, предусмотренных в Заключительном акте пунктом «Дальнейшие шаги после Совещания».

В своей деятельности члены Группы содействия исходят из убеждения, что проблемы человечности и информационной открытости имеют прямое отношение к проблемам международной безопасности, и призывают общественность других стран-участниц Совещания в Хельсинки образовывать собственные национальные Группы содействия, способствующие полному выполнению Хельсинкских соглашений правительствами своих стран.

Мы надеемся, что в будущем будет образован также и соответствующий Межнациональный комитет содействия».

— Это серьезный документ, — сказал Сахаров прочитав написанный от руки черновик.

Но Нобелевский лауреат добавил, что он по-прежнему не собирается ни присоединяться, ни возглавлять какую бы то ни было группу. Это не в его характере, снова повторял Сахаров. Группы — значит, встречи, дебаты, вспыльчивость, детали.

В результате был достигнут компромисс: Сахаров не присоединяется к Группе, но организует первую пресс-конференцию, на которой объявит, что он полностью поддерживает Группу. Жена Сахарова, Елена Боннэр, может присоединиться, но не будет выполнять какую-то определенную работу.

«Должна сказать, что я присоединилась к Группе только формально, — вспоминала Боннэр позднее. — Я с самого начала сказала, что не буду ничего делать. Но я «предоставила» свое имя, чтобы люди не подумали, что Сахаров был против Группы».

Орлов не считал присоединение Боннэр к Группе чем-то выдающимся. *«Я был счастлив, что к Группе присоединился еще один человек, но не считал, что Елена Георгиевна сможет заменить Андрея Дмитриевича, — говорит Орлов. — Я очень ее уважаю, но она такая же, как и все мы, — обычный диссидент, так сказать».*

Боннэр начала печатать написанный Орловым документ о создании МХГ будучи уверенной, что это будет ее первое и последнее задание.

Прежде чем приглашать журналистов, Орлов позвонил Петру Григорьевичу Григоренко.

Из мемуаров Григоренко:

«— Петр Григорьевич, я хочу объявить о создании Группы. На вас тоже рассчитываю.

— Юра, зачем я вам со своими болезнями? Вряд ли я сейчас способен принести какую-то пользу.

— Имя ваше нужно.

— Ну, если это действительно такая ценность, то давайте перенесем этот разговор на завтра.

— Нет, это невозможно. Я звоню из квартиры Андрея Дмитриевича. Здесь уже и корреспонденты. Если я не объявлю сегодня, сейчас же, то, очевидно, не объявлю никогда. За мной уже неделю гоняются «наши лучшие друзья».

— Ну, тогда включайте!»

Корреспондентам западных СМИ по своему списку контактов стал звонить Сахаров.

Телефоны в большинстве новостных бюро не отвечали — уже поздно для пресс-конференции. Пришел только один репортер — из агентства Рейтер.

Скорее всего, когда Орлов сказал Григоренко, что «иностранные корреспонденты уже здесь», он надеялся, что их будет больше. Но, возможно, Григоренко неточно воспроизвел ту беседу.

Пресс-конференция началась в одиннадцать часов вечера 12 мая. На следующее утро «Голос Америки», Би-би-си, Радио «Свобода», «Немецкая волна» распространили полученное от агентства Рейтер сообщение о создании Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

Два физика, три историка, педиатр, журналист, рабочий, ставший писателем, и генерал, ставший диссидентом, взяли на себя обязательство документировать все случаи нарушения правительством

гуманитарных статей Заключительного акта. «Это опасно, — предостерегали Щаранского его знакомые-евреи. — Для *них* люди, которые хотят изменить систему, опаснее, чем просто евреи».

Именно став членами созданной Орловым Группы, Щаранский и Рубин действительно стали диссидентами, а не просто евреями, которые хотят уехать.

Вскоре после того, как новость о создании Группы дошла до Запада, Гинзбург получил письмо от Натальи Светловой. «Вы сумасшедшие», — писала она.

Глава 5

«Предупреждение провокатору»

У Орлова были свои соображения о том, как лучше освещать создание Группы в западной прессе.

В первый день следовало бы опубликовать краткое сообщение в обыденном тоне о создании новой организации. На второй день вообще не нужно об этом упоминать, пусть новость поутихнет. А на третий день, он хотел, чтобы в газетах появились статьи с привлекающими внимание заголовками, например, «Диссидента, основавшего Группу, задержали. Ему сделано предупреждение».

Орлов понимал, что КГБ, прислав две повестки, не будет присылать третью. Его задержат на улице и препроводят к следователю, который вынесет «официальное предупреждение», после чего отпустят. Во времена Сталина человек с подобными замыслами просто исчез бы, но в 1976 году органы вынуждены были соблюдать правила и процедуры.

Орлов решил исчезнуть из Москвы на сутки. В четыре утра 13 мая, пока агенты немного расслабились или вздремнули в ожидании смены, он открыл окно, выпрыгнул и растворился в сумерках. «Это был тактический ход», — позднее объяснял он.

Но вызвала ли новость о создании Группы шумиху на Западе?

— Ты слышала о какой-то новой Группе содействия чему-то там или что-то в этом роде? — спросил Людмилу Алексееву ее приятель.

«Как! Уже сообщили! А я не рассказала ни маме, ни мужу», — подумала Алексеева. Сама она не успела послушать радио.

— Кто в ней состоит?

Приятель припомнил несколько фамилий — Гинзбург, Марченко, Григоренко, Боннэр, Орлов. Остальных, в том числе и Алексееву вро-

де бы не назавали — может, просто потому, что их имена неизвестны на Западе. «Слава богу, что так получилось!» — подумала она.

Щаранский слушал радио дома у родителей в Истре, и хотя не услышал своей фамилии, не сомневался, что тоже является членом Группы.

На следующий день в Москве его озадачил вопрос Рубина:

— Толя, ты что, передумал в последний момент?

В тот же день фамилия Щаранского была добавлена в список членов Группы, который теперь насчитывал десять человек.

На следующее утро после сообщения по радио Григоренко посетовал, что у него даже не было времени обдумать происходящее.

Генерал действительно рисковал. Он прошел через принудительное лечение в психиатрических больницах, поэтому власти могли просто прислать к нему людей в белых халатах и объявить, что его состояние внезапно ухудшилось.

— Я хотел бы, чтобы у нас было больше возможностей для планирования наших действий, — сказал он Орлову и внес контрпредложение: распустить Группу и создать кооператив, который бы «производил» документы.

Кооперативы разрешены советским законодательством, а «группу» могут назвать антисоветской организацией.

Орлов и Алексеева поняли, что подобное предложение неслучайно. Генерал, видимо считал, что его принудили вступить в Группу.

Вскоре выяснилась и еще одна оплошность.

Оказалось, что Анатолий Марченко не давал согласия на вступление. Алексеева передала ему предложение на словах через знакомого, который собирался увидеться с ним в Сибири, где жили его родители. Но, вероятно, из-за «испорченного телефона» сообщение и ответ Марченко были искажены. Но все же Марченко согласился остаться в Группе.

Известие о создании Группы не вызвало большого интереса у американских издателей.

14 мая в редакции «Нью-Йорк таймс» и «Лос-Анджелес таймс» поступило сообщение Рейтер о создании диссидентами «наблюдательного совета», который будет следить за выполнением в их стране обязательств по Заключительному акту. В организацию, говорилось в сообщении, вошли генерал-майор Петр Григоренко и Андрей Сахаров. «Нью-Йорк таймс» поместила это сообщение на восьмую страницу; «Лос-Анджелес таймс» — на девятнадцатую. В «Вашингтон пост» об этом вообще не упоминалось.

В этот же день одна газета в Лос-Анджелесе поместила репортаж из московской жизни, который, с точки зрения редакторов, должен был вызвать большой интерес:

«ПО ЧЕТВЕРГАМ В МОСКОВСКИХ РЕСТОРАНАХ НЕ БЫВАЕТ МЯСНЫХ БЛЮД

Москва (ЮПИ)

Советское правительство запретило есть мясо по четвергам в большинстве московских ресторанов и кафе. Чтобы это нововведение воспринималось как положительное, на дверях и витринах появились объявления: «Четверг — рыбный день». Таким образом, неписанное, но известное всем советским гражданам правило, получило подтверждение. Западные аналитики считают, что это стало результатом плохого урожая зерновых в прошлом году.

Сотрудница Московской службы общественного питания подтвердила наличие такого запрета. По ее словам, он касается всех московских ресторанов, за исключением тех, которые обслуживают иностранных туристов или специализируются на национальной кухне.

Простенький рассказик о «рыбном четверге», очевидно, должен был добавить изюминку в богатый клетчаткой, но пресный завтрак жителей Лос-Анджелеса. История о Хельсинкской группе — это как-то слишком нагружает. Все те же диссиденты создают организацию, дают ей пространное название в советском стиле и собираются отслеживать исполнение какого-то невнятного документа из тридцати тысяч слов, в котором даже не предусмотрен механизм контроля за исполнением обязательств.

Чтобы адекватно оценить значение создания Хельсинкской группы, газетчикам пришлось бы описывать диссидентское движение в СССР как политическое явление, анализировать все обстоятельства, вникать в подтекст происходящих событий. Но заслуживает ли малочисленная группа московских интеллигентов таких усилий? Чтобы написать об основании Группы — даже просто понять, что эта новость достойна внимания — нужно было бы уметь читать между строк, на языке, которым большинство западных журналистов не владели.

«Я думал, эта новость будет широко освещаться, — говорил Орлов позднее. — А оказалось, про нас написали на двадцатой странице».

Утром 15 мая Орлов вернулся домой. Он был готов к тому, что вот-вот придут его забирать. Но Бернштам и Мальва Ланда появились раньше.

Ланда сказала, что слышала передачу о Группе и решила все-таки подумать над приглашением. Ей по-прежнему не нравится название, а идея о «содействии» советской власти вызывает отвращение. И тем не менее она согласна стать членом Группы при условии, что у нее будет возможность делать от своего имени оговорки в документах, которые будут передаваться в прессу.

«Гуманитарные статьи Хельсинкского Соглашения представляются мне недостаточно определенными, иногда неудовлетворительными, — писала она в письме. — Я вступаю в Группу, название и некоторые претензии которой меня не удовлетворяют, в надежде более действенно и эффективно участвовать в сборе и передаче информации, разоблачающей антигуманные действия советской администрации».

Таким образом, в Группе стало одиннадцать членов, и большинство в то утро собирались к Алексеевой — на первое заседание, где планировалось выработать стратегию действий.

Орлов, Бернштам и Ланда решили пойти вместе. Только они вышли из дома, как рядом остановилась черная «Волга». Из нее выскочил сотрудник в штатском, быстро (так что темпераментная Ланда не успела даже крикнуть или замахнуться сумкой) затолкал Орлова на заднее сиденье, и машина сразу же тронулась. «Мальва, которая непременно стала бы кричать, будь у нее возможность, была такой возможности лишена», — вспоминает Орлов.

Орлова привезли в отделение КГБ в Черемушках.

— Итак, вы нас опередили и объявили о создании Группы, но к нам не явились, несмотря на две повестки, — сказал сотрудник, не потрудившись представиться

— Я не знал, о чем вы хотели со мной беседовать, — сказал Орлов.

— Никто не имеет права ставить под сомнение искренность намерений советского правительства при подписании Заключительного акта в Хельсинки, — заявил сотрудник КГБ, — Поэтому руководство считает группу незаконной и антиконституционной.

Орлов ответил, что вопросы законности относятся к компетенции суда, и не КГБ это решать. Орлова отпустили, но не успел он покинуть здание КГБ, как ТАСС распространил следующее сообщение:

«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРОВОКАТОРУ

Как стало известно корреспонденту ТАСС, сегодня органы государственной безопасности официально предупредили некоего Юрия Орлова о недопустимости его антиконституционной деятельности.

Орлов, который некогда занимался научной работой и был избран членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР, в последние годы полностью посвятил себя антисоветской деятельности. Стремясь снискать популярность среди противников разрядки международной напряженности и врагов Советского Союза, Орлов, в частности, стал сколачивать группу диссидентов под претенциозным провокационным названием организации по контролю над соблюдением Советским Союзом условий Заключительного Акта конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Трудно квалифицировать действия Орлова иначе как попытку поставить под сомнение в глазах международной общественности ис-

кренность усилий Советского Союза, направленных на неукоснительное проведение в жизнь принятых им международных обязательств, или как еще одну провокацию, имеющую целью препятствовать процессу ослабления международной напряженности.

15 мая Орлов был вызван в органы государственной безопасности, где он, в соответствии с советским законодательством, был официально предупрежден о недопустимости его противозаконных действий. Такое предупреждение преследует двойную цель: пресечь провокационную деятельность Орлова и предотвратить совершение Орловым и связанными с ним лицами действий, наказуемых законом».

Орлову и его товарищам стало ясно, что КГБ относится к наблюдению за выполнением Заключительного акта весьма серьезно, и создание Группы не воспринимается как очередная попытка диссидентов бороться с ветряными мельницами.

«Эта история с сообщением ТАСС помогла нам. Она помогла осознать [западным] журналистам важность события, — говорил позднее Орлов. — Во-первых, они [КГБ] отдали должное моим званиям: член-корреспондент Армянской академии наук, доктор наук, профессор, хорошо известный в научных кругах. Во-вторых, они хорошо меня знали. Даже среди диссидентов я не был уж очень известен. Но благодаря моей речи 1956 года, которую пусть и осудили в «Правде», в КГБ меня стали ценить высоко».

На следующий день в «Нью-Йорк таймс» появилось сообщение о том, что 15 мая трое в штатском задержали лидера Группы Юрия Орлова и увезли его в КГБ, где, по сообщению ТАСС, ему сделали предупреждение и потребовали прекратить диссидентскую деятельность.

«Кремль осудил попытки Запада осуществлять мониторинг соблюдения СССР своих обязательств как вмешательство во внутренние дела СССР, — говорилось в статье. — Однако перспектива наблюдения за действиями властей самими советскими гражданами, причем в официальной форме, представляет собой более серьезную проблему для Москвы. Сегодняшний инцидент свидетельствует о том, что власти хотят нейтрализовать эту угрозу, представив ее просто как антисоветскую деятельность, то есть — как уголовное преступление».

На этот раз статья о Московской Хельсинкской группе была помещена на третьей странице и занимала больше места, чем сообщение Рейтер от 13 мая. Благодаря КГБ история стала более понятной и потому более «продаваемой»: хорошие диссиденты против плохого КГБ. Чтобы попасть на третью страницу «Таймс», диссидентам хватило «официального предупреждения». Чтобы появиться на первой странице, нужно было бы что-то посерьезней — обвинение в валютных операциях, терроризме и государственной измене, нужны аресты и угроза смертной казни.

Все это и произойдет в ближайшие девять месяцев.

Покинув здание КГБ, Орлов направился к Алексеевой, где уже собрались члены Группы для обсуждения первых ее шагов.

Щаранский готовился написать о «восоединении семей» как обосновании эмиграции, Гинзбург и Ланда — об условиях содержания политических заключенных. Орлов говорил о нарушении тайны переписки и об отключении телефонов у отказников и диссидентов.

— У нас полно политических заключенных, в том числе женщин, а мы будем жаловаться, что у кого-то отключили телефон, — критиковал Бернштам выбранные Орловым приоритеты.

— Но эти действия прямо противоречат Заключительному акту, — ответил Орлов.

— Я бы его не подписывал, — парировал Бернштам.

У него был свой вариант документа. Историк и демограф, он был недоволен решением Орлова заниматься только вопросами нарушений прав человека. Бернштам хотел заниматься также военной и торговой проблематикой, например, распространить информацию о военных маневрах СССР недалеко от финской границы. Он расценивал это как поддержку Советским Союзом кандидата в президенты Урхо Калева Кекконена и считал, что проведение маневров является вмешательством во внутренние дела суверенного государства.

— Что такое Хельсинкская группа? Мы политическая оппозиция? Если да, то мы не должны ограничиваться «третьей корзиной» Заключительного акта! — горячился Бернштам.

— Мы не политическая организация, — спокойно отвечал Орлов. — Мы правозащитная организация.

Когда речь зашла о президентских выборах в США, Бернштам снова оказался в меньшинстве, заявив:

— Я поддерживаю Рейгана. Я хочу, чтобы Рейган обошел Форда и Картера.

— Но Рейган не интеллигент, — возразил Гинзбург. — Я не хочу, чтобы ковбой-актер руководил великой страной.

— А чем актер хуже юриста или школьного учителя? — упорствовал Бернштам.

Остальные члены Группы хотели бы видеть президентом США или сенатора Генри Джексона, автора поправки, которая расстроила американо-советское торговое соглашение, или Джимми Картера, который, хоть и был простым фермером из Джорджии, обещал сделать уважение к правам человека приоритетом американской внешней политики.

— Смотрю я на вас, слушаю и не пойму куда попала: это что, заседание теневого российского правительства? — вмешалась Галина Соколова, подруга Бернштама.

— Так оно и есть, — сказал Рубин.

Через пять дней Рубин написал в дневнике: *«Вчера Юра Орлов правильно говорил о том, что образование группы — подъем диссидентского движения на новую ступень. Пока официальная реакция покаывает крайнее раздражение, в конечном счете создающее рекламу Группе».*

Одной из первоочередных задач Группы было успокоить Григоренко. Генерал явно был недоволен тем, что его поторопили с принятием решения о вступлении в Группу, но давал понять, что у него есть свой интерес к Группе.

Этот интерес был связан с документом по поводу Мустафы Джемилева, активиста крымско-татарского движения, которого за три недели до этих событий приговорили ко второму тюремному сроку по обвинению в антисоветской пропаганде. В среде московских правозащитников тридцатитрехлетнего Джемилева очень ценили — приятный в общении, мыслящий, смелый молодой человек. Григоренко называл его сынком.

Но как связать приговор Джемилеву с Заключительным актом? Ведь он вынесен в соответствии с советским законодательством, а в Заключительном акте признается неприкосновенность законодательства стран-участниц соглашения. Это была непростая задача, и Орлов попросил Григоренко составить первый документ Группы вместе с Бернштамом.

Согласно подготовленному документу, который был представлен на пресс-конференции 18 мая, спустя шесть дней после создания Группы, обвинение, предъявленное Джемилеву, было неправомерным именно исходя из советского законодательства. А поскольку обвинение нарушило советский закон, оно противоречит Заключительному акту.

*«Факт нарушения в данном деле советского законодательства делает невозможным применение положения Хельсинкских соглашений о невмешательстве во внутрисударственные дела, так как оно обяывает уважать **законы** стран, подписавших акт, а не **беззаконие**, прикрываемое фальсификацией».*

Этот документ из 1200 слов не вызвал резонанса в мире. Как новость он не котировался — запутанное теоретизирование с целью сравнения советского законодательства с международной декларацией, не имеющей обязательной силы. Кроме того, западная пресса уже кое-что писала об обстоятельствах суда над Джемилевым.

Если этот суд чем-то запомнился, то только тем, что в этот день его Сахаров ударил по лицу охранника, когда его попытались вывести из вестибюля здания суда. В ходе этого же инцидента Боннэр ударила двоих милиционеров. Их обоих задержали на несколько часов. Позже, во время пресс-конференции в квартире Сахарова, было видно, что

происшествие привело его в некоторое замешательство. По сути он совершил уголовно наказуемые действия, за которые предусмотрено до пяти лет тюремного заключения.

— Я не отрицаю произошедшего, — сказал он журналистам, а затем добавил: — По-моему, милиционеры должны быть на стороне закона, а не на стороне тех, кто его нарушает.

Для диссидентов вынесенный Джемилеву приговор был открытой раной, для газетчиков — историей «второй свежести». Крупнейшие американские издания ничего не сообщили об этом документе.

Понимая, что письма, подготовленные главам тридцати пяти государств, бессмысленно посылать по почте, Орлов стал искать другие пути передачи информации о результатах исследований Группы. На одном из приемов он обратился к дипломату из ФРГ. Тот сразу отказался.

— Почему нет? — поинтересовался Орлов.

— Ваша Группа объявлена вне закона советским правительством. Мы не имеем права контактировать с подобными организациями, — именно так четко, по воспоминаниям Орлова, ответил дипломат.

— А кто в вашей стране несет ответственность за контроль над выполнением Советским Союзом своих обязательств по Заключительному акту? — продолжал Орлов.

— Никто.

— Так почему бы вам не принимать документы от нас?

— Потому что вы неофициальная организация, а раз так, то мы не имеем права общаться с вами.

Американские дипломаты отнеслись к предложению Орлова с большим пониманием. Знакомый чиновник среднего звена разъяснил, что установленные правила запрещают посольству принимать документы от советских граждан. Но он предложил способ обойти эти правила: Орлов мог бы передавать документы Группы американским гражданам (скажем, журналистам), а те направляли бы их непосредственно в посольство. Американские служащие затем передавали бы документы в посольства Великобритании и Канады.

*«Они не сказали, что не могут принимать от нас документы» — вспоминает Орлов. — Они сказали, что не могут принимать от нас документы **официально**».*

Глава 6

Палач Киссинджера

17 мая 1976 года, спустя два дня после вынесения Орлову «официального предупреждения», женщина высокого роста и аристократической внешности обратилась к своим коллегам — членам Конгресса США.

— Уважаемый господин спикер, приближается момент, когда мы должны принять решение о создании Комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе для наблюдения за выполнением обязательств, изложенных в международном соглашении, подписанном в Хельсинки, — немного хриплым голосом начала Милисент Фенвик, член Палаты представителей от Республиканской партии штата Нью-Джерси.

Палата представителей была готова рассмотреть проект Фенвик, согласно которому в предполагаемую комиссию войдут шесть сенаторов, шесть членов Палаты, а также представители Госдепартамента и двух министерств — обороны и торговли. Этот гибрид законодательной и исполнительной ветвей власти критики тут же прозвали «политическим евнухом».

Однажды во время встречи за завтраком госсекретарь Генри Киссинджер сказал Фенвик, что она создает «опасный прецедент». Опасный, потому что в результате Конгресс получит право голоса в вопросах внешней политики, а это исключительная прерогатива исполнительной власти. Но Фенвик не намерена была отказываться от своей идеи, и Киссинджер стал в шутку называть даму-конгрессмена из Нью-Джерси своим «палачом».

Фенвик представила свой проект еще девять месяцев назад, но из-за сопротивления администрации он надолго застрял в Сенате и Комитете по международным отношениям нижней палаты, и только в конце апреля прошел через эти инстанции.

Этот законопроект появился неслучайно. Фенвик, с ее независимым характером и изысканным английским была неординарной личностью, и не только потому, что курила трубку. Ее всегда волновали человеческие проблемы. Всех угнетенных и обездоленных она называла «бедняжки» и бралась за решение острых проблем, касающихся прав человека и гражданина.

Летом 1975 года Фенвик побывала в СССР в составе официальной делегации Конгресса США. Впечатления от встреч с десятками диссидентов и отказников лишний раз убедили ее, что новый законопроект, направленный на защиту гражданских свобод в мире, должен и может помочь конкретным людям.

— Думаю, мы должны принять во внимание, что недавно несколько диссидентов, евреев, католиков и других — может быть, всего десяток человек — создали в Советском Союзе Группу, чтобы заниматься тем же самым, — говорила Фенвик. — Здесь, у себя в стране мы свободны, но в той стране одного из членов Группы, Юрия Орлова, задержали прямо на улице и несколько часов допрашивали о его участии в этой деятельности. Виталий Рубин, известный ученый-синолог, тоже вошел в Группу. Они, как и мы, надеются, что новые международные соглашения не станут очередным бесполезным клочком бумаги.

Здесь и сейчас у нас есть возможность сделать первый шаг в сторону выполнения обязательств по данному соглашению. Уважаемый господин спикер, принятием данного законопроекта мы продемонстрируем приверженность тем принципам, которые в течение многих лет отличали нашу страну. Ничего не изменилось в отношении Америки к другим народам. Когда я была ребенком, в Китае произошло страшное наводнение, когда вышла из берегов Желтая река, Янцзы. Тогда множество маленьких церквей в Огайо, Нью-Джерси и Колорадо направили гуманитарную помощь в Китай. Именно такой нацией мы были всегда.

Уважение человеческого достоинства всегда было для нас одним из важнейших принципов, так же, как и права человека и право иметь собственное мнение, о чем так красноречиво говорится в инаугурационной речи Томаса Джефферсона.

Уважаемый господин спикер, озабоченность такого рода является неотъемлемой чертой Америки и должна быть основой наших международных отношений. Именно об этом мы должны говорить миру: забота о других людях, осознание того, что мы все одна семья, независимо от расстояний, убеждений и других препятствий; защита их права на свободу совести, свободу передвижения и права воссоединения с семьей. Вот о чем этот законопроект.

В России Фенвик пообщалась с отказниками и поняла, что более отчаявшихся людей никогда не видела. Они лишились работы и не

боялись разговаривать с иностранцами в надежде на помощь из-за рубежа. Она не раз рассказывала о своей поездке, выступая в Конгрессе, встречаясь с избирателями и прессой: *«Они приходили к нам в гостиницы, в Москве и Ленинграде, поздно вечером. Я спрашивала, как же они решились на это, и все одинаково объясняли: „Это наша единственная надежда. Мы виделись с вами. Теперь КГБ знает, что вы о нас знаете“»*.

В Москве к Фенвик пришла Лилия Ройтбурд из Одессы. Одиннадцать месяцев назад она и ее муж Лев подали заявление на выезд в Израиль. Им отказали. Льва, инженера, уволили с работы и назвали в местной газете «марионеткой в руках империалистов». Затем задержали в одесском аэропорту с обращением, которое он хотел передать сенаторам Эдварду Кеннеди и Джекобу Джавитсу. Его арестовали и обвинили в сопротивлении сотруднику милиции.

«Она вынула из сумки фотографию, на которой изображена она с мужем и сыном. С фотографии смотрела молодая здоровая женщина с густыми черными волосами, — вспоминала Фенвик. — Я спросила, когда была сделана эта фотография — я думала, что пять или даже десять лет назад. Она ответила, что это было шесть месяцев назад. Я смотрела на ее худое, постаревшее лицо, обвисшие волосы и не могла сдержать слез. Мне до сих пор снятся кошмары из-за этого».

В последний день пребывания в Москве Фенвик без сопровождения отправилась в Беляево-Богородское. Журналист из «Нью-Йорк таймс» дал ей адрес Валентина Турчина.

«Я никогда не видел американского конгрессмена, а тем более женщину-конгрессмена», — вспоминал Турчин.

Они с женой послали сына за Орловым, а тем временем Татьяна быстро приготовила чай.

Фенвик, которая, казалось, сошла со страниц журнала «Вог» сороковых годов (в котором работала редактором), закурила трубку и завела разговор с Татьяной: сколько у кого детей и что-то такое же, житейское. Выяснили, что у Татьяны двое сыновей, а у Миллисент восемь внуков.

— Какой замечательный чай, — сказала Фенвик, и Татьяна подарила ей пачку индийского чая «со слоном».

Никакие важные политические вопросы не обсуждались.

О встрече с Орловым у Фенвик почти не сохранилось воспоминаний. Она помнала Турчиных, их «скромную маленькую квартирку» в новом районе, чай с клубничным вареньем и то, что «там был кто-то еще». В сознании Фенвик все воспоминания затмил образ убитой горем Лилии Ройтбурд.

В последний день делегацию принимали на высшем уровне в Ялте. Фенвик воспользовалась случаем и попросила генерального секретаря Брежнева обратить внимание на некоторые гуманитарные про-

блемы, о которых она узнала. Советский лидер ответил, что это ее «навязчивая идея».

В случае с Фенвик утверждение генерального секретаря было далеко от истины. Она так об этом говорила, как будто ее преследует образ Лилии.

«Я продолжала думать, что мы должны что-то сделать для Лилии. Мы должны что-то сделать».

После этой поездки Фенвик стала сторонницей диссидентской теории о том, что международное давление может повлиять на советское руководство: чем большее давление оказывать, тем больше можно добиться.

Через несколько дней после возвращения, 5 сентября, Фенвик представила свой законопроект о создании Комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе — намного более амбициозный, чем поправка Джексона — Вэника, которая увязывала право на эмиграцию с режимом благоприятствования в торговле, но не затрагивала вопроса о соблюдении прав граждан, которые не пытаются покинуть СССР.

17 ноября сенатор Клиффорд Кейс (республиканец от штата Нью-Джерси) предложил свою версию, рассмотрение которой заняло еще несколько месяцев. За это время Фенвик пришлось пойти на компромисс и согласиться с тем, что новую комиссию возглавит Данте Фассел (демократ от штата Флорида).

— Я всегда говорю: получи наличными, а потом доверяй, — прокомментировала Фенвик эту договоренность.

Наконец, 17 мая 1976 года, в день, когда Фенвик сообщила коллегам о создании Московской Хельсинкской группы — законопроект получил окончательное одобрение, а 3 июня, в присутствии Фенвик и Кейса, президент Форд поставил под ним свою подпись.

Создание Комиссии стало приятным сюрпризом для Орлова. Ему это казалось невероятным совпадением: член Конгресса, с которой он встречался девять месяцев назад, создала комиссию, и у этой комиссии те же цели, что и у Московской Хельсинкской группы.

В сентябре, когда в новую комиссию Конгресса набирали сотрудников, Фенвик получила письмо от Орлова, где сообщалось, что теперь Московская Хельсинкская группа будет направлять свою информацию в эту комиссию. *«Диссидентов можно сравнить с людьми, которые открыто бросаются на колючую проволоку в надежде, что найдутся другие, которые пройдут через эту проволоку по их телам»*, — писал Орлов 5 сентября.

В конце ноября Орлов получил ответ из Хельсинкской комиссии от Данте Фасела: *«Мы ожидаем, что в наступающие месяцы мы получим больше документов Общественной группы».*

Позже КГБ конфисковало это письмо и использовало его как доказательство того, что Орлов получал инструкции из США. Из материа-

лов своих уголовных дел Орлов и Щаранский узнали, что следователи госбезопасности утверждали, будто создание Московской Хельсинкской группы было инициировано комиссией Фенвик.

В поисках следов международного заговора сыщики из КГБ, видимо, не обратили внимания на то, что во время встречи будущего основателя Хельсинкской комиссии Конгресса США и основателя Московской Хельсинкской группы ни один из них не сказал ничего такого, что другой посчитал бы достаточно важным, чтобы запомнить.

Глава 7

Парни из «Сэд-Сэма»

В мае 1976, когда было объявлено о создании Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, западные журналисты отреагировали на это скептически.

«Это не показалось важным. Просто было слишком много другой шумихи», — вспоминал Роберт Тот, корреспондент «Лос-Анджелес таймс». К создателям «шумихи» он причислял сотни диссидентов всех мастей, которые открыто выступали, проводили пресс-конференции, распространяли заявления и все время чего-то требовали.

«Просто организовать группу из тех же людей — этого недостаточно», — говорил Питер Оснос, корреспондент московского бюро «Вашингтон пост» в 1974 — 1977 годах. Он, мягко говоря, не пользовался симпатией у московских диссидентов, а его утверждения будто история о них раздута западной прессой, вызывали откровенное раздражение. Иногда кое-кто не мог сдержаться и, разговаривая с Осносом, переходил на крик, а Амальрик, например, мог целый вечер перебивать ему косточки.

— За нашими спинами журналисты рассуждали так: «Кто такие диссиденты? Это небольшая группа. Но как насчет простых людей? Поддерживают ли они диссидентов?» — говорил Орлов после выхода статьи Осноса. — Мы действительно были небольшой группой. Но неправы те, кто полагают, что малочисленные группы не имеют никакого веса. Складывается впечатление, что некоторые считают, что важную роль в истории играют только государственные лидеры. Видимо, на Западе это очень распространенный взгляд на историю.

Отношения между советскими диссидентами и западными журналистами всегда были непростыми. Первое знакомство состоялось

в 1966 году возле здания суда, где и те и другие ждали новостей по делу Синявского и Даниэля. Постепенно общение становилось более тесным. Журналистам нужны были сюжеты, диссидентам нужно было, чтобы мир их услышал. Нередко устраивались совместные посиделки с выпивкой, но полного взаимопонимания никогда не было.

Наверное, нет журналиста, который не слышал бы от знакомого диссидента что-то вроде: «Вы должны рассказать об этом, потому что это хоть как-то нам поможет». Как правило, бесполезно было говорить в ответ, что как-то помогать — это не то, ради чего западных журналистов командировали в СССР.

Иногда журналистов упрекали в незнании русского языка и непонимании русской истории, в том, что те, похоже, забывают, что они свободные люди, и прислуживают советским властям.

Тем не менее связь с западными журналистами была исключительно важна для диссидентов. Их сообщения и заявления, сделанные в Москве, уже через несколько минут направлялись по телетайпу в редакции «Голоса Америки» в Вашингтоне и «Радио Свобода» в Мюнхене и в тот же день звучали в радиопередачах на русском языке. Между самим событием и сообщением о нем на коротких волнах проходило обычно около двух часов. Гораздо меньше о деятельности диссидентов сообщалось в газетах, теле- и радиопрограммах в самих Соединенных Штатах. Большинство диссидентских историй казались слишком специфическими. Они мельком упоминались в зарубежной хронике, уместаясь в три строки, или просто вычеркивались редакторами.

В 1965 году Амальрик собирался написать пародию в стиле Гоголя о том, как западного журналиста вызвал к себе министр иностранных дел, обвинил его в систематической антисоветской деятельности и выпорол. И вот журналист обдумывает дилемму: с одной стороны, быть высеченным неприятно, но, с другой стороны, нужно уважать давние российские традиции. Кроме того, если бы он вздумал сопротивляться, русские могли начать защищаться — они ведь очень чувствительны к вмешательству в свои внутренние дела. Обращаться к закону тоже бесполезно. У журналистов нет дипломатического иммунитета. Выставлять напоказ голый зад было бы неудобно. Нельзя идти на поводу у эмоций, которые может вызвать вид этой сильно высеченной части тела. Нужно, напротив, детально и беспристрастно рассмотреть все плюсы и минусы. Журналист это понимает — более того, он понял это во время самой порки.

Эта пародия так и не была написана. Она сохранилась только в виде короткого пересказа в мемуарах Амальрика. В другом его рассказе описывался один день из жизни западного корреспондента в Москве. Начинается все с того, что тот просит своего переводчика, который, как ему известно, является сотрудником КГБ, перевести ему

статьи из «Правды» и «Красной звезды». Корреспондент воспринимает прочитанное как официальную точку зрения. Затем заходит в гости к соседу, чтобы обсудить прочитанное с таким же иностранцем, как он сам, и цитирует его слова как мнение «независимого наблюдателя». Изредка он обращается за комментариями к «человеку с улицы», в роли которого выступают его домработница или шофер. После этого корреспондент решает, является ли тот или иной случай свидетельством «либерализации» режима или «возвращения к сталинизму».

Амальрику не нравились не только корреспонденты, но и редакторы западных газет. Когда «Нью-Йорк таймс» заплатила ему 150 долларов в качестве гонорара за статью, он назвал эту сумму символической и предложил газете отдать эти деньги своим «пенсионерам». Позже он узнал, что ему заплатили не меньше, чем любому внештатному автору, а ушедшие на пенсию сотрудники «Нью-Йорк таймс» достаточно хорошо обеспечены.

К 1976 году руководители средств массовой информации в США уже подустали от историй об отчаянии людей, живущих за «железным занавесом». Чтобы история хорошо продавалась, нужен был неожиданный поворот событий, новый взгляд.

Получив извещение о назначении в Москву, корреспондент «Лос-Анджелес таймс» Роберт Тот сразу повеселел. В последние годы его работа была не лучше, чем у ночного полицейского патруля. Он освещал деятельность Белого дома, что в период событий, связанных с «уотергейтом», подразумевало отслеживание официальной реакции на обвинения президента и администрации в совершении противозаконных действий и написание статей, начинавшихся словами: «Во вторник Белый дом опроверг...»

После Белого дома он год восстанавливал силы в Гарварде, получив стипендию Нимана для журналистов, прослушал курс по генетике и подробнее узнал о трагикомичной истории академика Трофима Денисовича Лысенко, который в тридцатых годах клеймил генетику как буржуазную псевдонауку. Генетика, утверждал Лысенко, противоречит марксизму, согласно которому эволюция растительного и животного мира определяется условиями внешней среды, а не наследственными факторами. Это «открытие» привело к уничтожению советской генетики.

В Гарварде Тот освежил свои знания по инженерии, которую «проходил» будучи студентом, и стал набивать руку в написании научных статей — вернувшись к специальности, которую забросил, попав в вашингтонское бюро «Лос-Анджелес таймс».

Предложение ехать в Москву было неожиданным — руководство срочно искало замену уже подобранному кандидату, Джо Алексу Моррису, у которого обнаружили рак. На подготовку к новой работе

оставалось неполное лето — времени явно недостаточно, чтобы выучить русский язык. Тот составил довольно смелый план на три года. Он не собирался описывать советскую экономику или отслеживать работу Кремля, он будет писать статьи о советской науке, медицине, технике — сферы деятельности, которые западные корреспонденты никогда раньше не исследовали. План весьма амбициозный, если учесть, что советское руководство всегда проводило различие между «секретной» и «открытой» информацией по непонятным критериям. Тот знал, что научное сообщество в СССР находилось под давлением со стороны властей. Сотни ученых, инженеров, врачей еврейского происхождения добивались разрешения на эмиграцию в Израиль. Многие получили отказ и одновременно потеряли работу — им недостаточно доверяли в СССР, чтобы позволить продолжать там работать, и считали слишком осведомленными, чтобы позволить им уехать.

Ученые других национальностей тоже теряли работу, если открыто выступали с критикой в адрес власти, и становились изгоями, что потенциально делало их ценными источниками информации. Многие советские граждане избавились от предубеждений и уже не боялись общаться с западными журналистами. Евреи и неевреи созывали пресс-конференции, распространяли заявления, проводили демонстрации. Некоторые их «пресс-конференции» были открытыми мероприятиями, где можно было завязать знакомства и почерпнуть полезную информацию, не имеющую отношения ни к эмиграции, ни к инакомыслию.

Вскоре после приезда Тота в Москву прошел слух, что, в отличие от многих бесцеремонных американских журналистов, новый руководитель бюро «Лос-Анджелес таймс» — человек интеллигентный и тонкий. Он умел слушать, не пытаясь втиснуть рассказ собеседника в формат «перевернутой пирамиды», который изучают в школах журналистики. Благодаря своему кругу интересов и образованию он легко нашел общий язык с интеллигенцией.

В июле 1974 года Тот пришел на пресс-конференцию, проходившую в квартире Александра Лунца — математика, отказника, ставшего «рупором» собратьев по несчастью и выступавшего от их имени где только можно. Тот обменялся несколькими фразами с лысоватым мужчиной переводчиком, а позже упомянул о нем в статье, напечатанной в «Лос-Анджелес таймс» и «Интернешнл геральд трибьюн». Вскоре у Тота с переводчиком состоялась еще одна, более запоминающаяся встреча.

— Если вы хотите использовать мое имя, пишите его правильно. Через «Щ», а не через «Ш», как вы написали.

Но чтобы не показаться придирчивым и занудным, Щаранский добавил:

— Хотя оно никогда не станет широкоизвестным.

Чтобы стать вхожим в научные круги, Тоту нужен был переводчик, который согласился бы заключить с ним неформальную или, лучше сказать, негласную сделку: немного паблсити за небольшую переводческую и консультативную помощь.

Вскоре после их второй встречи Щаранский стал звонить Тоту домой, в его квартиру на Садово-Самотечной улице, дом 12/24. Жившие там иностранные корреспонденты прозвали этот дом «Сэд-Сэм». Поскольку телефон прослушивался, Тот обычно выходил из дома, пересекал Садовое кольцо и ждал под часами у Театра кукол Образцова. Иногда он брал своих троих детей. В такие дни четверо Тотов и Щаранский прогуливались по Цветному бульвару — мимо редакции «Литературной газеты», Центрального рынка, старого цирка и кинотеатра «Мир».

Во время одной из таких прогулок Тот заговорил о своей работе и определенных ограничениях, с которыми приходится считаться. По словам Тота, «Лос-Анджелес таймс» направила его в Москву не для общения с диссидентами. Редакторы хотят, чтобы он писал обо всем, что происходит в России, — о науке, культуре, людях. Щаранский внимательно его слушал.

После нескольких таких встреч он удивил Тота, рассказав ему о нескольких событиях, не связанных ни с диссидентами, ни с эмиграцией. Круг сюжетов охватывал науку, медицину, политику, юмор.

Однажды они вместе поехали на дачу к Сахарову. Щаранский выполнял роль переводчика.

*«Он понимал, что помогая мне находить сюжеты, которые мне интересны, он может рассчитывать на большую заинтересованность с моей стороны его идеями и рассказами о диссидентском движении, — говорил Тот позднее. — Это была негласная сделка *quid pro quo*».*

В результате 26 мая 1976 года читатели «Лос-Анджелес таймс», которые дошли до седьмой страницы, прочитали статью о проблемах эмиграции, с которыми столкнулась Лидия Воронина, русская женщина, которая хотела уехать в Израиль. В то время Щаранский и Воронина жили вместе. Это была восточноевропейская история в духе Кафки, но в немного натянутой американской обработке:

«Исключительный случай

МАТЬ НЕ РАЗРЕШАЕТ ДОЧЕРИ ЭМИГРИРОВАТЬ

Москва. Дело Лидии Ворониной — это исключительный случай. Именно так ответили ей советские чиновники.

— Ваш случай — исключение, которое никак не регулируется законодательством, — сказал один из них при отказе, без всякого правового обоснования, выдать ей разрешение на эмиграцию в Израиль для воссоединения с мужем.

— Только если мать разрешит вам уехать, — процитировала слова чиновника Воронина.

Ее мать — высокопоставленный и влиятельный сотрудник Министерства юстиции. Даже дочь не знает точно, какую именно должность она занимает.

— Будучи всю жизнь убежденной коммунисткой, она является олицетворением советской власти, — говорит Лидия. — Она никогда не разрешит мне уехать, потому что для нее это означало бы отречься от всей своей жизни.

Этот случай является примером того, как советский бюрократ может использовать незаконные методы даже спустя двадцать лет после смерти Сталина...»

Тоту не сообщили несколько необычные детали этой истории: Воронина была в разводе и в своем заявлении причиной отъезда назвала «воссоединение с бывшим мужем».

Когда Щаранский пытался пересказать Тоту истории, которые, по мнению журналиста, не были достаточно необычными, чтобы их удалось продать редакции в Лос-Анджелесе, он говорил:

— Разве две недели назад уже не было чего-то подобного?

И Щаранский сдавался.

«Он понимал это и пытался найти обходные пути, — говорит Тот. — Может быть, это была одна из его главных отличительных особенностей».

Их отношения выходили за рамки журналистики. Как правило, Тот соглашался использовать свои связи в посольстве для отправки на Запад обращений, писем и рукописей отказников.

В мае 1976 года Щаранский рассказал Тоту о том, что в ближайшее время планируется создание одной правозащитной организации — Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Тот не воспринял эту новость как нечто особенное — протокольные сообщения публиковали на последней странице газеты, если вообще публиковали. Тот приехал в Москву ради более интересных дел.

Советское руководство, казалось, прекратило практику выдворения корреспондентов, которых считало особенно неудобными. Последний раз подобный случай имел место в 1976 году перед визитом Никсона в Москву. После этого корреспонденты постепенно перестали бояться КГБ.

В начале 1976 года агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило о том, что Джордж Крымский решил написать рассказ об обычном дне из жизни советского солдата. Крымский, которому тогда было тридцать четыре года, сообщил своим знакомым отказникам и диссидентам,

что хочет познакомиться с молодым человеком, недавно отслужившим в армии. Ему будет гарантирована анонимность, а вопросы будут касаться только образа жизни военных: что значит начальная военная подготовка? есть ли у них отпуск? пьют ли они? курят? существуют ли там неуставные отношения?

Впоследствии Крымский признался, что попытка написать статью о советской армии была ошибкой.

В отличие от Тота Крымский достаточно хорошо говорил по-русски, у него было интуитивное чувство языка. Приехав в СССР, он сразу стал заносить в записную книжку короткие фразы, которые слышал на улице. Тематика этих записей была довольно любопытна: от особенно уродливых канцеляризмов до уличного сленга и профессионального жаргона.

Русский вариант фразы «новые виды оружия массового поражения» он уловил в речи Брежнева. Фразу «пожалуйста, избавь меня от своего присутствия» он выучил в менее формальной обстановке. «Да здравствует Великая Октябрьская Социалистическая революция, которая открыла новую эру революционного переустройства мира, перехода от капитализма к социализму» — эту фразу он прочитал в музее Ленина. «Бесовщина», «демонизм» — эти слова он услышал на пресс-конференции. Особенно ему понравилось выражение: «Век живи, век учись — дураком помрешь».

В отличие от большинства коллег в московском журналистском сообществе у Крымского не было выдающихся академических заслуг. В Москве — городе, где начиналась карьера будущих руководителей рынка новостей — он выглядел чужаком: грузный, неопрятный, довольно неуклюжий, постоянно прикуривающий, он принадлежал к тому типу людей, которых подпитывает адреналин, никотин, энтузиазм и кофеин.

Фамилия досталась Крымскому от деда — русского еврея. Джордж рос на Лонг-Айленде и западном побережье. Изучал политологию и психологию в Миддлбери, откуда был исключен после двух лет обучения и обратно так и не вернулся. Чтобы избежать призыва на менее оплачиваемую службу, он пошел добровольцем в Военную школу иностранных языков в Монтеррей. И выбрал язык, который меньше всего хотел бы изучать, — русский.

После двух лет прослушивания советских передач по западноберлинской радиостанции неэлегантный и не имеющий опыта работы Крымский устроился в «Рипаблкан энд американ» в Уотербери, штат Коннектикут.

В течение двух лет писал о жизни Уотербери и окрестностей, а хотелось освещать события, происходящие в СССР. Он отправил резюме в Ассошиэйтед Пресс, приложив свою фотографию, сделанную во время туристической поездки в Москву: американец Джордж Крым-

ский улыбается на фоне Крымского моста. Его приняли в бюро Ассошиэйтед Пресс в Лос-Анджелесе.

В один из первых дней в Москве на прощальной вечеринке в честь покидающего пост предшественника появились два незваных гостя. То были Андрей Сахаров и Елена Боннэр. Иностранцы очень удивились, увидев, как они проходят через милицейский пост у входа в «Сэд-Сэм». Сахаров — неофициальный «мозговой центр» инакомыслящих, который писал обращения в высокие инстанции, стоял возле зданий судов, где проходили политические процессы, — никогда еще не совершал ничего столь же вызывающего, как появление на вечеринке, которую устраивали западные журналисты.

Диссиденты, кажется, уже перестали бояться. Именно такое заключение сделал Крымский. Это означало, что можно будет найти любопытные источники информации.

Прошло несколько недель после первой попытки найти через диссидентов источник для написания статьи о советской армии, когда Крымскому позвонил отказник Леонид Цыпин и сообщил, что может устроить ему встречу с одним подходящим человеком. Им оказался бывший военнослужащий двадцати с небольшим лет, в джинсах и джинсовой куртке, с хорошим английским. Он представился как Игорь Глебов.

«Он оказался человеком мягким как чистая „Столичная“, — вспоминал Крымский.

Чтобы наконец узнать все о советской армии, Крымский пригласил его к себе домой. Молодой человек легко принял приглашение — он не боялся быть замеченным милицией. Жена Крымского, Пола, приготовила ужин. Крымский выставил водку. К тому времени, когда журналист начал задавать вопросы, он уже был не очень трезв, как, впрочем, и его гость.

«Нет нужды рассказывать, сколько водки было выпито в тот вечер: достаточно. На следующее утро я не мог пошевелиться», — вспоминал Крымский.

И все же ему удалось вспомнить несколько фрагментов из рассказов своего гостя:

«Все советские солдаты носят форму, пропитанную раствором для химического оружия... Девяносто процентов сержантского состава советской армии — украинцы...»

Крымский не мог понять, к чему это все. Ведь его интересовали отпуска и неуставные отношения.

Потом он припомнил, как довез молодого человека до метро. Когда они садились в машину, тот сказал примерно следующее:

— Я хотел бы снова с вами увидеться, но работа моя достаточно секретная.

Крымский предложил выход: пароль.

— Позвоните мне в офис Ассошиэйтед Пресс и скажите, что вы Джон, затем назначьте встречу. Если вы говорите «в среду в 16-00», это будет означать «в четверг в 15-00». Крымский даже написал это на бумаге.

Примерно через неделю он столкнулся в буфете американского посольства с сотрудником аппарата военного атташе и спросил:

— Правда, что девяносто процентов сержантского состава — украинцы?

— Господи, нет, конечно, — был ответ.

Советское руководство, естественно, опасалось укрепления связей между диссидентами и прессой. Особенное беспокойство вызывала эта новая порода диссидентов с их обширными связями. Вот этот Щаранский — центральная фигура еврейской эмиграции и правозащитного движения. Его связи простирались от Минска до Вашингтона, и ему ничего не стоило установить любые контакты внутри этой сети.

Он принимал иностранцев, показывал им город и не возражал, когда его фотографировали или цитировали. Он был на короткой ноге с чиновниками посольств, помогал репортерам находить материалы для статей.

Известные люди, приезжавшие из Америки, часто пытались оказать ему какую-нибудь услугу. Так, сенатор Патрик Лихи, демократ из Вермонта, передал Щаранскому письмо от Авиталь.

Поскольку слово «разрядка» было по-прежнему очень важным для Вашингтона, Москва не могла обрушить репрессии на нескольких правозащитников и их друзей-журналистов. Не желая портить отношения с Западом, советское руководство вело себя сдержанно. В мае 1976 года все еще не было известно, чья администрация одержит верх в Вашингтоне — Форда и Киссинджера или президентом станет демократ — скорее всего, Картер. В такой атмосфере неопределенности репрессии в отношении диссидентов и выдворение корреспондентов было бы слишком радикальной мерой. Поэтому советские власти решились обойтись полумерой — угрозами.

Одна из таких угроз появилась в «Литературной газете» на девятой странице в номере от 27 мая 1976 года. Статья называлась «Поправка ЦРУ к Конституции США» и содержала обвинения в шпионаже в адрес троих американских журналистов — первое подобное обвинение за последние пять лет.

«Первую поправку к конституции США давно уже нарушили аккредитованные в Москве корреспонденты „Ассошиэйтед Пресс“ Крымски, представитель „Нью-Йорк таймс“ Рен, журналист из „Ньюсуик“ Френдли, лояльность которых к их истинному хозяину — ЦРУ удивительным образом сочетается с их обязательствами перед „свободной прессой“.

В качестве доказательства «Литературная газета» предъявила письма от советских граждан из Москвы, Тбилиси и Таллина. В них подробно и убедительно описывался враждебный характер работы в СССР этих джентльменов, «корреспондентов в штатском», их повышенный и больше чем просто журналистский интерес к некоторым военным документам и объектам.

Все трое репортеров немедленно опровергли эти обвинения.

У Френдли, истекал срок работы и почти не оставалось времени, чтобы подать в суд на «Литературную газету». К тому же «Ньюсуик» не был в этом заинтересован, а Ассошиэйтед Пресс и «Нью-Йорк таймс» не поддержали иск Френдли.

Прочитав статью, Крымский начал подозревать, что эти обвинения могли быть сфабрикованы с помощью его источника из «вооруженных сил». Спустя месяц в «Литературной газете» была опубликована еще одна разгромная статья о западной прессе:

«Редакция „ЛГ“ получила письмо, подписанное четырнадцатью американскими журналистами, аккредитованными в Москве. По своему содержанию — это протест, по форме — ультиматум. Возражая против опубликования в нашей газете... статьи „Поправка ЦРУ к... конституции США“, авторы письма „решиительно протестуют“, „возмущаются“ и „отвергают“.

Они требуют „сатисфакции“: газета должна принести извинения. Или... Один бог ведает, что будет иначе. Во всяком случае при чтении письма воображение рисовало нам образ 14 оскорбленных в лучших чувствах... мушкетеров, которые, вцепившись в эфесы своих наполювину выхваченных из ножен шпаг, угрожающе застыли в ожидании ответа...»

Ответ газеты состоял из перечисления вопросов Рена, которые тот задавал во время поездок по СССР и целью которых, по мнению «Литературной газеты», было выяснить, каким образом Якутская ГЭС поставляет электроэнергию на военные цели и каков численный состав вооруженных сил в Алдане; Рен даже фотографировал в Усть-Илимске «запрещенные для съемок объекты».

Френдли, который к тому времени составил иск, обвинили в том, что он интересовался «наличием войск» в Хорезмской области.

Главным же героем истории был Крымский:

«Видимо, почувствовав, что поза „оскорбленной невинности“ никак не соответствует данному моменту, третий член „святой троицы“ — корреспондент „Ассошиэйтед пресс“ Крымски счел за лучшее совсем не обращаться в редакцию со своими претензиями... В распоряжении редакции уже тогда имелось следующее письмо:

„Уважаемый товарищ редактор!

Если Вы решите опубликовать это письмо, прошу не указывать мою фамилию, адрес и место работы. Обо всем этом я сообщу офи-

циальным властям и попрошу рассматривать мое заявление как... чистосердечное раскаяние. К тому же мое имя прекрасно известно корреспонденту „Ассошиэйтед пресс“ в Москве Джорджу Крымски.

Я познакомился с ним месяца полтора тому назад. Узнав, что я служил в Советской Армии и работаю на одном из военных объектов, он проявил интерес к жизни „простых солдат“ Советской Армии. Затем мы встречались еще несколько раз и каждая встреча сопровождалась настойчивым угощением меня спиртными напитками, к которым, кстати, Джордж весьма неравнодушен.

Вначале мне импонировало такое его внимание, попытки, как мне показалось, получить объективную информацию о жизни нашей страны. Он много говорил о роли „свободной печати“, о ее влиянии на политику стран Запада. Мне казалось, что Джордж — искренний и честный человек и между нами могли установиться дружеские отношения, если бы своим дальнейшим поведением он не вызвал бы у меня подозрений.

Так, на одной из встреч, которая происходила в квартире Джорджа, после угощения он предложил отвезти меня домой на своей машине. Затем, остановившись в Лялином переулке, в течение полутора часов расспрашивал меня о службе в армии, о морально-политическом состоянии войск, о дисциплине, об отношениях между подчиненными и командирами и о многом другом. Затем, после долгой и непонятной езды по городу, продолжавшейся больше двух часов, он написал на листке своей рукой условные выражения, которые я должен применять при разговорах с ним по телефону. Джордж сказал мне, что будет теперь называть меня „Джоном“, и просил в разговорах с ним использовать это имя. И снова расспросы об армии, настойчивые уточнения и т. д.

Как мы уславливались, я должен был звонить Джорджу каждый понедельник. 24 мая я не сделал этого, а написал два письма. Одно — официальным властям, так как я со всей очевидностью понял, куда втягивал меня назвавшийся другом американский журналист, представитель официального информационного агентства. Почему я пишу Вам? Потому, что Ваша газета уделяет много внимания пропаганде решений Хельсинки, развитию контактов, обмену духовными ценностями.

24 мая 1976 г.

П. С. Чтобы не возникло у Вас сомнений в искренности моего рассказа, посылаю записку (или правильно — инструкцию), которую подписал для меня корреспондент „Ассошиэйтед Пресс“ Джордж Крымски“.

Вспоминая позже о своем промахе, Крымский сказал: «У всех журналистов были разные способы защиты своих источников, но с моей стороны было глупостью сделать эту записку».

Эта статья вышла во вторник 22 июня. В течение следующих семи дней Крымский составлял хронологию атаки КГБ на его репутацию.

Сохранились его черновые записи — с сокращениями и строчными буквами:

«среда, 23 июня — день был беспокойный, весь состоящий из телефонных звонков от всяких разных русских... нескольких русских, все странные, говорили, что хотят протестовать против литгазеты от моего имени. Я сказал, что ни они, ни я ничего не можем изменить, но они могут делать что хотят.

Этой ночью я встретился с А. [Леонидом Цыпиным], который представил меня легендарному „Джону“. Он рассказал мне, что Джон попросил меня организовать встречу, что Джон рассказал ему, что его допрашивали и в КГБ, и в Министерстве обороны и он дал им ложные показания о том, что причиной общения было его желание купить западный магнитофон. Я сказал А., что это было абсолютным враньем. Тот парень был сотрудником КГБ — доказательством тому служит то, что он приложил к своему так называемому покаянному письму раскаяния записку о нашей „договоренности“ (о времени и дате), которую я написал. А. Был сильно шокирован этим и сказал, что получил хороший урок.

четверг, 24 июня — когда я работал ночью, позвонил какой-то русский и спросил по-английски: „Это шпион?“ — я устало ответил, что да, и потом узнал голос „Джона“. Я спросил, что он хочет. Он сказал, что хочет встретиться. Я сказал, что это очень смешно, зачем он хочет со мной встретиться? „Я хочу вступить в ЦРУ“, — ответил он. Я сказал ему, что не работаю в ЦРУ и никогда напрямую не общался с этим учреждением. Я сказал ему, что он плохой актер и попросил его больше не звонить. Потом я повесил трубку. Этот разговор убедил меня в том, что на самом деле был не мучимый стыдом и раскаявшийся гражданин, каким он представлял себя в письме, а „агентом-провокатором“ КГБ, который не мог послушаться приказа.

Таким образом диссиденты и журналисты получили предупреждение о том, что им следует держаться друг от друга подальше. Предупреждение было сделано в два этапа. Советским гражданам объяснили, что не следует доверять западным журналистам, даже тем, которые казались «искренними» и не «злоупотребляли спиртными напитками». Журналистам посоветовали держаться подальше от советских граждан, поскольку те могли сообщить о них в КГБ. После публикации в «Литературной газете» от Цыпина, который свел Крымского с «представителем советских вооруженных сил», отвернулись практически все отказники. 17 мая 1977 года «Вечерняя Москва» опубликовала письмо Цыпина, в котором он извещал ОВИР, что отзывает свое заявление об эмиграции в Израиль.

Глава 8

Разлад в благородном семействе

— Кто такой Бернштам? — спросила Елена Боннэр, позвонив Алексеевой.

— Я не очень хорошо его знаю. По-моему, он друг Гинзбурга.

— Он антисемит! У меня есть его письмо!

В тот день Марк Азбель, редактор самиздатского журнала «Евреи в СССР», показал Боннэр письмо Бернштама в журнал.

В нем он помимо прочего обвинял журнал в подготовке «анти-русского погрома», «принижении великой классической русской литературы» и разжигании «идеологической войны против русского народа, против истории Отечества и, самое главное, против Русской православной церкви, которая призвана спасти мир...» Более всего Бернштам был недоволен редакторской правкой его статьи «Христианский трактат» и особенно изменением ее названия.

История осложнялась еще и тем, что в нескольких местах послания, занимавшего одиннадцать страниц, Бернштам, игнорируя грамматические правила, не заключил в кавычки название журнала «Евреи в СССР». Получалось, что гнев автора обрушивается не на журнал, а на всех евреев, проживающих в СССР. Именно так расценили это те, кого Азбель ознакомил с письмом. Боннэр была возмущена.

— Нужно что-то делать! — кричала она в трубку. — Я не хочу быть в одной Группе с таким человеком!

Алексеева считала, что Группа не должна заниматься «еврейским вопросом» и предложила поговорить на эту тему с Орловым.

Боннэр сказала, что пыталась, но не смогла с ним связаться.

В тот же день, несколько позже, Сахаров спросил Гинзбурга, насколько хорошо тот знает Бернштама.

— Как ты думаешь, он антисемит?

— Нет, конечно. Он же не идиот, — сказал Гинзбург.

Как вспоминает Бернштам, вечером того же дня Гинзбург зашел к нему расспросить о письме.

Годом раньше Бернштам узнал через диссидентов, что одна женщина, работавшая в журнале «Евреи в СССР», наговаривала на него друзьям. Он решил пресечь клевету и отправился к одному из редакторов.

«Послушайте, она слишком много болтает, — вспоминает Бернштам свой разговор с редактором. — Но она женщина, а вы мужчина. Вы несете ответственность. Остановите ее.»

Редактор не хотел вмешиваться, Бернштам рассердился и написал письмо.

Конечно, уверял он Гинзбурга, он не хотел оскорбить всех советских евреев, когда обвинял журнал. (Кстати, Бернштам, родившийся в еврейской семье, был крещен по христианскому обычаю.)

— Ты идиот, — ответил на это Гинзбург. — Знаешь, кто для меня самый отвратительный персонаж в романе «По ком звонит колокол»? Андре Марти. Знаешь, почему? Потому что во время гражданской войны он ищет врагов среди своих.

— Ты прав, Алик — ответил Бернштам. — Это глупо и отвратительно. Мне стыдно.

«Его слова подействовали на меня, как холодный душ, — говорил позднее Бернштам. — Он вернул меня из помешательства в нормальное состояние.»

Чтобы уладить разногласия, Бернштам сочинил еще одно открытое письмо и отправил его в журнал «Евреи в СССР» и лично Боннэр. В нем объяснялось, что первое письмо не было направлено против «людей еврейской национальности, проживающих в СССР».

«Люди еврейской национальности, проживающие в СССР», — эта формулировка появилась во времена сталинских репрессий в отношении евреев. Подразумевалось, что евреи не являются полноценными гражданами СССР, а просто здесь проживают. Бернштам утверждал, что сознательно употребил эту фразу — чтобы показать Боннэр, насколько абсурдны ее обвинения. Ведь он критиковал еврейский журнал, а не всех евреев.

«В своем разъяснении я использовал сталинское клише намеренно, — писал он. — Я хотел показать, что я не идиот и придал письму оттенок сарказма.»

Увидев в письме-извинении Бернштама сталинский термин, Боннэр выразила еще большее неудовольствие и потребовала, чтобы Бернштама исключили из Группы. Это был не тот случай, когда все можно сделать тихо: она хотела, чтобы Орлов опубликовал коллективное заявление, осуждающее антисемитизм, и чтобы оно было передано западной прессе.

«Я не испытывал особо сильных эмоций по этому поводу, — вспоминает Орлов. — Я мог понять обиду Елены Григорьевны, но не хотел выполнять ее просьбу насчет публичного осуждения Бернштама. Я считал, что она предлагает неправильную стратегию. Я не хотел, чтобы Группа начинала с обсуждения затронутых Бернштамом тем, поскольку меня интересовало другое. Лучшее, что мы могли сделать — просто замять это дело. У нас были другие цели.»

Но проблема с Бернштамом оставалась.

Боннэр позвонила по крайней мере одному журналисту.

«Это было их внутреннее дело, — рассказывал Крымский. — Для новостей история не годилась, но, черт побери, эти люди были моими друзьями, и я отправился к Орлову — расспросить подробности.»

Орлова это привело в ужас.

«Журналистам нужны были сенсации, — вспоминает Орлов. — Они предвкушали скандальный материал: разлад в благородном семействе диссидентов.»

Он понимал, что нужно что-то решать насчет Бернштама, сделать что-то, но без шума и, по возможности, вежливо.

В конце концов Бернштам еще раз поставил Орлова в неловкое положение.

В то время как шли споры вокруг антисемитского письма Бернштама, сам он написал проект документа, осуждающего военные маневры СССР на финской границе. Через свои источники в Ленинградском военном округе Бернштам узнал, что в этой операции участвовали шестьдесят тысяч солдат.

«Я считал, что Группа должна заниматься подобными делами, — говорил Бернштам. — Орлов так и не убедил меня в том, что мы являемся сугубо правозащитной организацией, и я продолжал рассматривать Группу как политическую организацию. Это была моя позиция, и я ее защищал.»

Орлов считал такую позицию неприемлемой.

«Это противоречило нашей декларации и это было просто опасно, — говорил он. — Он якобы знал, какова численность вооруженных сил! Не знаю, откуда он взял цифры. Я считал, что мы не имеем права заниматься делами из „первой корзины“ [контроль над вооружениями] Заключительного акта. Действовать таким образом означало бы навлечь на себя обвинения в шпионаже. Это все равно что подложить под себя бомбу.»

Разногласия между Бернштамом и другими членами Группы были настолько серьезными, что Орлов решил, что нет необходимости его исключать. Вызванные действиями Бернштама противоречия должны были естественным образом привести к тому, чтобы он сам решил покинуть Группу. Все должно закончиться откровенным разговором и, возможно, соответствующим заявлением.

Тем временем Бернштам продолжал настаивать на своем.

— Разве мы не публикуем иногда документы с одной-двумя подписями? — спрашивал он Орлова.

— Публикуем.

— Так почему бы нам с вами не подписаться?

— Мы не должны этого делать.

— Тогда почему бы не опубликовать документ Хельсинкской группы, подписанный только мной? — предложил Бернштам.

— Это выглядело бы как оппозиция, меньшинство в Группе.

— Если не выпустить его как документ Группы, он станет обычным «диссидентским воззванием», а воззвания я не хочу писать, — сказал Бернштам, все больше убеждаясь, что противоречия между ним и Группой неразрешимы.

Через несколько дней Орлов принес Бернштаму сложенный вчетверо лист бумаги.

— Закрытое письмо Михаилу Бернштаму от Юрия Орлова, — прочитал Бернштам, развернув листок.

Он улыбнулся, поняв прозрачный намек на два его «открытых письма», которые привели к конфликту с Боннэр: не пиши больше открытые письма.

«Занимайся своей научной работой, — советовал Орлов, — потому что когда ты выступаешь с политическими комментариями, это может быть не так понято, а тогда и всех нас могут не так понять, и мы все будем выглядеть идиотами».

— Юра, я думаю, все это нанесло уже достаточно вреда, — сказал Бернштам, прочитав письмо. — Я не понимаю русский язык Елены Георгиевны, а она не понимает мой. Я хочу выйти из состава Группы.

— Нет, — сказал Орлов. — Не выходи. Если ты этого хочешь, просто перестань работать в Группе.

Глава 9

Сенсация номер один

27 мая больше десятка репортеров собрались в квартире Алексеевой, для обсуждения второго документа Группы.

«Орлов опаздывал на полчаса, когда Крымский сказал: „Если Орлова арестовали, это будет сенсация номер один“, — пишет в своем дневнике Рубин. — Вскоре Орлов появился, и Толя [Щаранский] сказал: „Сенсации не произошло“».

Журналисты держали в руках документ, который был ни чем иным как сенсацией: в нем критиковались действия властей, направленные на воспрепятствование телефонным переговорам диссидентов.

«Согласно Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, государства-участники ставят своей целью облегчать более свободное передвижение и контакты между людьми, — этими словами начинался документ. — В условиях СССР „свободное передвижение“ советских граждан в другие страны мира и обратно невозможно... Поэтому почтовая и телефонная связь играют исключительно важную роль в установлении более прямых контактов между людьми и в обмене гуманитарной информацией...»

31 августа 1972 года Совет Министров СССР принял специальное постановление о дополнении к статье 74 Устава связи СССР, в котором говорится: *„Запрещается использование телефонной связи (междугородной, городской и сельской) в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку“.* На практике это дополнение применяется таким образом, что после нескольких разговоров по телефону с иностранными абонентами, во время которых передается любая информация, не совпадающая с официально одобренной (например, сведения об узниках совести, о преследованиях инакомыслящих, тексты заявлений в защиту преследуемых, инфор-

мация из-за границы о реакции западной общественности на те или иные политические события в СССР), — телефон отключается даже без предупреждения.

Обычно телефон отключается на полгода, а затем включается с предупреждением не использовать его впредь для разговоров с заграницей, но нередки случаи, когда телефон отключается навсегда, и его номер передается другому абоненту».

К документу прилагались списки одиннадцати «лиц, у которых были отключены телефоны после подписания Заключительного акта Европейского Совециания» и тридцати двух «лиц, телефоны которых были отключены до подписания Заключительного акта, но не были включены после его подписания и не включены до сих пор». В списке значились Орлов, Турчин, писатель Владимир Войнович, Нина Буковская, мать заключенного диссидента Владимира Буковского, а также практически все активисты еврейского движения отказников, которые впоследствии стали известны на Западе. Фигурировала в списке и Лидия Воронина, героиня статьи Тота. Оказалось, именно ее мать-юрист готовила упомянутое постановление.

Журналистам этот документ нужен был только для того, чтобы подшить его в дело — такой своеобразный перечень советских диссидентов. Для газетного материала он был скучноват.

В пятницу, 29 мая, Рубин записал в дневнике: «Вечером я получил письмо с требованием немедленно позвонить [в ОВИР]. Что бы это значило? Если бы в нем не было указано «немедленно», у меня не было бы вопросов — они просто снова мне отказали. Узнаем в понедельник».

«Похоже, письмо мне прислали не просто так, — писал он три дня спустя. — Кажется, скоро придет Великий День. Они попросили меня принести документы и фотографии. Похоже, они собираются разрешить мне уехать, хотя они этого и не сказали. Кажется, скоро начнется новая жизнь, хотя у меня нет такого ощущения. Но ему уже пора появиться».

Я помню, какой это шок — получить отказ на заявление об эмиграции. Тогда я все еще считал, что у них нет причин мне отказывать, поскольку я не занимаюсь никакой секретной работой. После этого я часто вспоминал один эпизод из „Стены“, когда человека, который идет на свой собственный день рождения, задерживает нацист и силой приводит на какую-то встречу с руководством варшавского гетто. Он пытается убедить всех, что это несправедливо, но кто-то ему говорит: „А почему ты решил, что здесь вообще может идти речь о справедливости?“ То же самое произошло со мной. Сначала я почувствовал, что со мной происходит что-то ужасное — что-то чудовищно несправедливое. Потом я убедился (даже меня нужно было убеждать!), что здесь не может идти речь о справедливости. Потом я успокоился, смирился с судьбой и постарался сделать как можно больше полезно-

го, находясь здесь. Наверное, я не сделал все, что мог. В конце концов я понял, что я совершенно не контролирую ситуацию, поэтому я старался что-то делать здесь, а не просто мечтать об эмиграции».

В ОВИРе действительно намеревались оформить Рубину выездные документы. Всю неделю, встречаясь с друзьями, он повторял, что власти наконец уступили давлению международного сообщества, а теперь «хватаются за соломинку», потому что не могут допустить, чтобы такой известный человек как он участвовал в работе Хельсинкской группы.

Перед отъездом Рубин рекомендовал в Группу своего преемника: доктор Саня Липавский, выдающийся активист движения отказников. Липавский мог организовать телефонные переговоры из квартиры своих родителей. Мог достать заграничные лекарства и медсправку, устроить аборт без формальностей и консультацию любого специалиста. Липавский всегда был готов помочь, даже в нерабочее время.

Позднее Рубин напишет в дневнике, что он и его жена Инна знали, что начиная с лета 1975 года Липавский передавал информацию американцам, а главным контактным лицом был сотрудник американского посольства Мелвин Левицкий, с которым Рубины были знакомы. Рубин считал эти контакты опасными, но его записи 1976 года изобилуют восторженными отзывами о Липавском как о еврейском герое.

Перед тем как порекомендовать Липавского Орлову, Рубин рассказал о своем намерении Щаранскому и Дине Бейлиной, активистке еврейского движения, которая не была членом Хельсинкской группы.

«Мы с Диной сказали: „Кто такой Липавский? Он врач и шофер, не более того“. И забыли об этой идее», — вспоминал Щаранский.

Орлов вспоминает, как Рубин, незадолго до отъезда, представил ему Липавского и сказал, что тот хорошо осведомлен о еврейском движении в Москве и что у него есть машина, которой Орлов, конечно же, мог бы пользоваться.

«Он не понравился мне с самого начала, — говорит Орлов. — Я оцениваю людей по лицу, а у него было нехорошее лицо. Я его никогда не приглашал и никогда ни о чем не просил».

Вместо Рубина в Группу вошел Владимир Слепак, бородатый инженер-электрик, находившийся в отказе уже шесть лет. Что касается Липавского, то его окутанную мраком тайну еще предстояло разгадать.

Документ № 2 Хельсинкской группы был почти в два раза больше Документа № 1. Испугавшись такой тенденции, Алексеева начала ворчать. К тому же ее первоначальные расчеты о тридцати пяти экземплярах каждого документа оказались неверны, нужно делать сорок пять копий — тридцать пять для стран, подписавших Хельсинкские

соглашения, девять для прессы и одну для архива, который она хранила у себя дома. Копировальные машины в СССР были редкостью, и доступ к ним строго контролировался. Ни в одном учреждении нельзя было скопировать даже страничку без визы ответственных за цензуру чиновников — они решали, соответствуют ли копируемые материалы «государственным интересам». Оставалось полагаться на машинисток самиздата. Алексеева поручала им печатать по сорок пять копий. Даже если делать закладку из девяти листков папиросной бумаги с восемью листами копирки, каждый документ нужно перепечатать пять раз.

Зная склонность своих друзей к многословию, Алексеева добивалась, чтобы документ не достигал объема в двадцать пять страниц или не превысил его: «Тут любой потеряет энтузиазм». Ее самые страшные опасения материализовались в Документе № 3.

Документ состоял из двадцати восьми страниц, включая четырехстраничное резюме, и описывал условия содержания политических заключенных, в том числе характеристику продуктов питания. В нем также приводился список заключенных Владимирской тюрьмы (тридцать один человек), которым был назначен «пониженный рацион питания», и список восьмидесяти семи свидетелей с указанием фамилии, имени-отчества, даты рождения, места пребывания, года ареста и числа лет, проведенных в заключении или ссылке. Авторы документа — Гинзбург и Ланда — привели выдержки из внутреннего распоряжения по исправительным учреждениям, которое предусматривало введение пониженного рациона питания для заключенных, не выполнявших трудовую норму.

В документе были примечания и таблица, иллюстрирующая пищевую ценность такого рациона в расчете на один день:

Хлеб ржаной	450 г
Мука пшеничная	10 г
Крупы разные	50 г
Рыба	60 г
Мясо	00 г
Жир (или растительное масло)	6 г
Картофель	250 г
Капуста	200 г
Томат-паста	5 г
<hr/>	
Общая калорийность	около 1400 ккал
Содержание белков	38 г

В примечании указывалось, что по данным Всемирной организации здравоохранения, человек, занятый физическим трудом, тратит в среднем от 3100 до 3900 калорий в день, а человек в состоянии покоя — около 2200 калорий. Ежедневная потребность в белках обычно

определяется из расчета один грамм на килограмм массы тела при соответствующей калорийности питания.

«Заключительный акт Хельсинкского совещания предусматривает осуществление гражданских, политических... и других прав и свобод, которые все вытекают из достоинства, присущего человеческой личности... (пункт VII часть А раздел 1), — указывалось в документе. — Приведенная информация... свидетельствует о грубых нарушениях советской администрацией положений пункта VII части А раздела 1 Заключительного акта. Поскольку Группа не считает применение пыток и жестокого, бесчеловечного обращения с политзаключенными формой «осуществления государством-участником прав, присущих его суверенитету» (пункт VI часть А раздел 1), постольку она не распространяет не распространяет на пытки и жестокое, бесчеловечное обращение, обусловленное этим суверенитетом, «невмешательство во внутренние дела» государств-участников Хельсинкского Совещания (пункт VI часть А раздел 1).

На этом основании Группа... считает необходимым создание Международной комиссии по расследованию заявленных нарушений, в первую очередь — пыток голодом, пыток карцером узников совести в СССР. Группа готова предоставить комиссии все имеющиеся в распоряжении Группы документы и материалы».

В первые тридцать восемь дней своего существования Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР издала около двух тысяч страниц документов (напечатанных через один интервал), адресованных руководителям тридцати пяти государств, получила предупреждение от КГБ, потребовала освобождения недавно осужденного политзаключенного, потребовала восстановить телефонную связь диссидентам и описала условия, в которых содержатся советские заключенные. Группа также призвала к созданию двух международных комиссий — одна из них следила бы за соблюдением Хельсинкских соглашений, а другая — за условиями в советских тюрьмах.

«Документы были написаны не в форме деклараций; в них не было много слов — в них было много фактов, — говорил позднее Орлов. — Подписываться под такими документами было просто. Они не были эмоциональными; они не отличались по стилю в зависимости от автора. Например, мой стиль суховат, а у другого человека — скажем, у Мальвы Ланда — стиль более эмоциональный, и если она будет составлять документ, я, возможно, чувствовал бы себя немного некомфортно, подписывая его, и, конечно, наоборот — она бы посчитала мой стиль слишком сухим. Но в отношении наших документов не могло быть и речи о стилистических разногласиях между людьми.

Когда речь идет о фактологическом, научном документе, вопрос упрощается: если вы согласны с фактами, вы подписываете документ. Если не согласны с фактами, вы его не подписываете».

На каждой пресс-конференции присутствовало обычно не меньше десяти журналистов, и члены Группы даже предположить не могли, что информация об их деятельности остается незамеченной на Западе, а журналисты приходят на пресс-конференции, чтобы поживиться новостями и фактами на другие темы. Если какие-то материалы Группы и фиксировались, то попадали они в основном только на радиостанции, вещавшие на СССР на коротких волнах.

Глава 10

«Гадючник» и другие источники

Миллионы советских граждан, которые каждый вечер настраивали приемники на зарубежные «голоса», услышали сообщение о создании Группы. Среди них был Микола Руденко, писатель и поэт, которому тогда было пятьдесят шесть лет. Через шесть месяцев Руденко объявил о создании Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

В Вильнюсе это сообщение услышал Викторас Пяткус — специалист по истории литовской литературы, работавший санитаром в больнице и церковным сторожем. К сорока семи годам он отсидел два тюремных срока общей сложностью в тринадцать лет. Спустя шесть месяцев он основал Литовскую Хельсинкскую группу.

Звиад Гамсахурдиа, которому тогда было тридцать семь, узнал новость в Тбилиси. Недавно его лишили должности профессора английского языка и литературы в Тбилисском государственном университете. 14 января 1977 года Гамсахурдиа основал Грузинскую Хельсинкскую группу.

В Ереване новости по радио слушал Эдуард Арутюнян, экономист сорока семи лет. В апреле 1977 года он основал Армянскую Хельсинкскую группу.

Сообщение по радио услышали тысячи крымских татар, которых Сталин обвинил в предательстве во время Великой отечественной войны и депортировал из стратегически важного Крымского полуострова в Среднюю Азию. Услышали эту новость и месхетинцы, которых тоже заподозрили в измене родине и также выселили из родных мест. Месхетинцы не только подвергались депортации, но и пережили своего рода культурную шизофрению. Одна часть этой этнической группы называла себя грузинами, другая — турками. Грузины

хотели вернуться в родные горы, турки считали, что Месхетию нужно присоединить к Турции. И те и другие посылали своих эмиссаров к Орлову.

О создании Группы узнали немцы Поволжья. Большинство их были потомками колонистов, переселившихся в российские степи в конце XVIII века. Многие чтили вероучение предков — меннонитов. Эта протестантская секта возникла в Европе в XVI веке и исповедовала отказ от насилия, смирение и нравственное совершенствование. В начале войны и верующих и атеистов, молодых и старых, здоровых и больных посадили в грузовики и перевезли в Казахстан. В 70-е годы многие российские немцы стали добиваться разрешения на выезд в Германию.

Коротковолновые радиостанции слушали баптисты, пятидесятники, адвентисты седьмого дня. Десятилетиями проявляли они открытое неповиновение власти — обращали в свою веру новых последователей, отказывались пройти государственную регистрацию, даже печатали подпольную религиозную литературу. В основном это были этнические русские, предки которых были обращены в протестантство американскими проповедниками на рубеже веков.

Около радиоприемника сидела и Ирина Маклеллан, русская, жена профессора из Университета Вирджиния Вудфорда Маклеллана. К тому времени они были женаты уже два года, но она так и не добилась разрешения на выезд в США для воссоединения с мужем. Услышав о создании Группы, Ирина связалась с Алексеевой, передала ей жалобу по своему делу и предложила Группе помощь в качестве машинистки.

Еще одним слушателем был Александр Ляпин, фотограф, живший в пригороде Ленинграда. В течение нескольких месяцев он дважды приезжал к Орлову, а впоследствии после суда над ученым в знак протеста он вышел на Красную площадь, облил себя бензином и поднес к одежде спичку. Ляпин выжил и был помещен в психиатрическую больницу.

Как-то в июне Валентина Афанасьевна Ефименко, семидесятилетняя мать Алексеевой, пошла в валютный магазин «Березка» и на гонорар за книгу по математике, соавтором которой была, купила маленький радиоприемник «Сони». Это был первый случай, когда она потратила свои скромные средства в валюте на себя, а не на внуков.

Алексеева всегда старательно скрывала от матери свою общественную деятельность. Лишь по случайности в 1971 году Валентина Ефименко узнала, что ее дочь подписывала открытые письма протеста и уже три года как исключена из партии и уволена из издательства «Наука», где работала редактором.

Летом 1976 года у Валентины Афанасьевны появилась любопытная привычка. Перед началом пресс-конференций Хельсинкской груп-

пы она прохаживалась по квартире, мимоходом бросая взгляды на журналистов, возвращалась в свою комнату и не выходила два-три часа, до тех пор пока не прослушает до конца программы новостей из Вашингтона, Лондона или Мюнхена, в которых сообщалось о пресс-конференции, только что проведенной в доме ее дочери. При этом мать и дочь оставались верны семейной традиции никогда не говорить о политике и не обсуждать события, относящиеся к Группе.

Тем летом, по мере того как Московская Хельсинкская группа становилась все более известной, Алексеева и ее муж, Николай Вильямс, неожиданно для себя обнаружили, что они просто завалены приглашениями на всякие вечеринки и приемы. Казалось, люди перестали бояться общения с ними. Алексеева в шутку называла себя «свадебным генералом» — по ассоциации с российской купеческой традицией приглашать генералов на свадьбы для пущей важности. Похоже, некоторые приглашающие так заманивали других гостей: «Приходите-приходите, будет Люда Алексеева. Она член Московской Хельсинкской группы».

На одной из вечеринок хозяйка отвела ее в сторону и сказала:

— Вы знаете, я дворянка.

Алексеева еле сдержалась, чтобы не сказать «поздравляю».

— Я убеждена, что всех большевиков надо расстрелять, — продолжал она.

— И что дальше? — спросила Алексеева в ужасе от перспективы истребления более пятнадцати миллионов человек, включая ее пожилую мать.

— А после этого мы станем жить по законам Христа.

Прохладным майским утром 1968 года в душевую мордовского лагеря 17А, который само начальство прозвало «гадючником», привели двоих молодых людей — худых и изможденных длительным путешествием. Постриженные наголо, они выглядели скорее как новобранцы в армии, а не как особо опасные государственные преступники, которые, как сообщалось в советских газетах, осуждены по Статье 70 Уголовного Кодекса РСФСР за антисоветскую пропаганду.

— Каких-то детей привели, — сказал пожилой заключенный солдагернику, Юлию Даниэлю.

«Детьми» были Александр Гинзбург, которому тогда было тридцать два года, и Юрий Галансков, двадцати девяти лет.

Гинзбург отбывал наказание в виде пяти лет лишения свободы за то, что освещал процесс над Синявским и Даниэлем. Галансков, мало кому известный поэт, был приговорен к семилетнему заключению за издание самиздатского журнала и незаконные валютные операции. Он пытался поменять на черном рынке полученные от кого-то из-за границы доллары, чтобы купить печатный станок, но операция про-

валилась: в обмен на свои доллары Галансков получил пачку горчи-
чников.

В результате всей официальной и неофициальной шумихи, вы-
званной судебным процессом, Гинзбург и Галансков сделались зна-
менитыми. Ко времени их прибытия в «гадюшник» обитатели лагеря
были наслышаны о них благодаря статьям в «Известиях», «Литера-
турной газете», «Комсомольской правде» и «Вечерней Москве»: там их
называли наймитами империализма и обличали, ссылаясь на пись-
ма читателей, которые — все как один — требовали для них сурового
наказания. В «гадюшнике» подобная репутация гарантировала ува-
жение контингента.

Лагерь был небольшой — около ста восьмидесяти заключенных,
все политические. Среди них были военные преступники, которые
досиживали свои двадцатипятилетние сроки, религиозные деятели
и националисты, приговоренные к срокам от трех до семи лет. Кроме
того, там находились дезертиры, осужденные на двенадцать-пятнад-
цать лет. Как правило, это были бывшие солдаты и моряки, которые
перешли советскую границу либо спрыгнули с корабля, но вскоре,
соскучившись по русским березкам, возвращались с повинной. В ла-
гере их называли «подберезовики». Многие из них сотрудничали с
начальством в надежде, что им на год-два скостят срок.

Фактически каждый третий обитатель «гадюшника» сотрудничал
с лагерным начальством, составляя отчеты о солагерниках в обмен
на различные поблажки. Администрации была одержима идеей аб-
солютного порядка и периодически приказывала узникам и охран-
никам вскапывать участки земли в зоне, чтобы убедиться, что никто
не припрятал запрещенную литературу, письма с воли или бутылку
водки.

Во время прогулок к Гинзбургу часто подходили пятидесятники,
баптисты, адвентисты седьмого дня и агитировали принять их веру.
Он вежливо отказывался, объясняя, что он православный.

В бараке Гинзбург познакомился с полуслепым слесарем Федором
Сиденко, отбывавшим пятилетний срок за попытку положить нача-
ло исходу пятидесятников из СССР. В 1965 году в дальневосточном
порту Находка, где он работал в гостинице «Восток» Сиденко пере-
дал гостю из Японии два паспорта — свой и друга. Кем был япо-
нец, Сиденко не знал. В написанной по-русски записке он просил его
передать документы в Организацию Объединенных Наций. «А там
должны, — думал он, — предпринять какие-то действия, чтоб они с
другом смогли покинуть СССР.

Позже, на суде, Сиденко узнал, что японский торговый представи-
тель был настолько ошарашен поступком слесаря, что, не задумываясь,
отнес документы администратору гостиницы, тот отдал в ми-
лицию, которая переслала их в КГБ. Несмотря на некоторую сварли-

вость, Сиденко произвел на Гинзбурга приятное впечатление, хотя нельзя было не заметить его чужаковости. Бывало, увидев, как заключенный разговаривает с охранником, Сиденко подходил, вставал между ними и, обращаясь к заключенному, начинал бормотать:

— Что ты делаешь? Что ты делаешь? Разве не видишь, у него рога?

Сиденко подробно объяснил, почему он хочет уехать. Он хотел эмигрировать не для того, чтобы облегчить себе существование. Его эмиграция предопределена Богом. Когда закончилась война, Святой дух воплотился в женщине из общины Сиденко и ее устами сообщил, что обрушит свой гнев на эту страну грешников, как обрушил его на грешный Рим. «Чума постоянно будет приходиться на русскую землю, карая безбожников смертью и разрушениями. Но перед тем как я обрушу свой гнев на эту страну, я пошлю своих слуг, чтобы те забрали евреев — мой избранный народ — и всех праведников, которые страдали во имя меня».

Казалось, пришло время для исполнения этого пророчества. Пятидесятники перенесли достаточно страданий. Их вера распространилась в России усилиями проповедника Ивана Воронаева. В начале века он уехал в Америку, где и принял эту веру, а в 1921 году вернулся в Одессу и стал проповедником. К 1928 году около двухсот тысяч россиян, в основном на юге страны, стали последователями Воронаева.

Они верили в духовную силу и значение пятидесятницы — ежегодного празднования пятидесятого дня после воскресения Христа, когда Святой дух снизошел на апостолов, и те стали говорить на разных языках, чтобы слово Божье услышали все народы. Обращение в веру расценивалось в СССР как нарушение закона. Когда власти потребовали, чтобы новые церкви прошли регистрацию в соответствующих государственных органах по делам религий, многие пятидесятники отказались. Первыми арестовали проповедника Воронаева. В 1930 году он умер в лагере.

К тому времени, когда Сиденко совершил свою отчаянную попытку обратиться к ООН, через репрессии, организованные большевиками и православной церковью, прошли уже три поколения пятидесятников. Большинство не могли получить высшее образование, так как отказывались вступать и в пионерскую и комсомольскую организации. Многие не знали своих дедушек и бабушек, загубленных в сталинских лагерях. Некоторые не знали даже родителей по той же причине. Зато они знали, что страна, в которой они живут, пытается построить рай на земле, в то время как они верили, что обретут истинный рай на небесах.

Естественное любопытство помогло Гинзбургу заметить высокого, крепкого сложения, бородатого пожилого человека со степенной походкой и сдержанными манерами. Он говорил спокойно и держался в стороне от других осужденных, более неуравновешенных и эмо-

циональных. Казалось, что всегда была очередь из желающих с ним поговорить. Только она заканчивал прогуливаться с одним заключенным, к нему сразу же подходил другой.

Заинтригованный появлением этого человека, Гинзбург расспросил о нем Даниэля. Оказалось, это был Владимир Андреевич Шелков, глава Церкви верных и свободных адвентистов седьмого дня. К тому времени он отсидел только несколько месяцев своего десятилетнего срока. Однажды во время прогулки Гинзбург подошел к Шелкову, улучив момент, когда тот был один.

— Владимир Андреевич, когда мы могли бы поговорить? — Шелков назначил время.

На совместной прогулке Гинзбург рассказал Шелкову несколько историй о христианах, с которыми встречался. Это была манера общения, которой Гинзбург научился в лагерях. Вместо того чтобы прямо задавать вопросы как следователь он рассказывал истории. Если ему доверяли, в ответ можно было услышать много интересного.

Шелков ответил небольшим рассказом о своей церкви. Она возникла в Америке в сороковых годах прошлого века и была основана на учении и взглядах пророчицы Элен Уайт, чье имя Шелков произносил на русский лад: Елена. Верные и свободные адвентисты седьмого дня считали, что отнимать жизнь — великий грех, нельзя убивать человека или животных. Он говорил о церкви, о государстве и о проблемах, которые возникают, когда они вмешиваются в дела друг друга.

— Что мне почитать, Владимир Андреевич? — спросил Гинзбург. — Я должен отсидеть еще три года. Прочту, как только освобожусь.

Список рекомендованной Шелковым литературы включал книги Элен Уайт, опубликованные до революции, несколько книг, подпольно изданных адвентистами, и несколько — тайно привезенных с Запада. Но где эти книги достать, Шелков не сказал.

Тюрьма в России больше чем тюрьма. Тюремная жизнь приобрела налет романтики, тюремный жаргон выплеснулся за колючую проволоку, проникнув и в рассказы-пересказы, и в песни-романсы и в литературные произведения. Возник самиздатский жанр своеобразной тюремной ностальгии, и многие отдали ему дань, а первый писатель ГУЛАГа Александр Солженицын удостоверял его право на существование личной печатью — фотографией в лагерной спецовке со своим регистрационным номером Ш-262. Заключенный номер такой-то. Или *зэк* — так короче. Это сокращение прочно вошло в обиход, как и уменьшительные формы словосочетаний, например: высшая мера наказания — *вышка*, психиатрические больницы — *психушки*.

Гинзбург был незаурядным зэком. Советские слушатели «Радио Свобода», «Голоса Америки», Би-би-си имели возможность следить за его схваткой с властями, в которой обе стороны напоминали сцепив-

шихся рогами баранов. А поводом стало семейное положение Гинзбурга. Он настаивал на том, что Арина Жолковская — его гражданская жена, и потому имеет право на свидания с ним в лагере дважды в год. Власти заявляли, для того чтобы принять ответственное решение о наличии брачных отношений, нужны доказательства, и единственным убедительным свидетельством таких отношений мог бы быть ребенок. А ребенка пока не было.

Гинзбург писал длинные саркастические жалобы; Жолковская писала короткие и гневные. Гинзбург объявил голодовку, к которой присоединился десяток его приятелей во главе с Даниэлем. И вот уже радиослушатели узнают, что власти сдались и разрешили Гинзбургу и Жолковской зарегистрировать брак в лагере. Далее любителей ночного эфира ждал настоящий сюрприз — аудиозапись с голосом Гинзбурга. Отрывок из двенадцатиминутного заявления Гинзбурга, сделанного в лагере, прозвучал в новостях американского канала Си-би-эс. Вскоре после этого Гинзбурга перевели во Владимирскую тюрьму.

Печальная история друга Гинзбурга, Юрия Галанскова, тоже получила огласку. Еще до ареста он страдал язвой желудка. Во время предварительного заключения, которое длилось год, заболевание не лечили и оно перешло в стадию обострения. Галансков постоянно испытывал сильные боли. В лагере должного лечения тоже не проводилось, от работы его не освобождали, и только когда язва открылась, фельдшер решил сделать ему операцию. Галансков умер на операционном столе 4 ноября 1972 года в возрасте тридцати трех лет.

Родственники хотели установить крест на его могиле на лагерьном кладбище. Администрация воспротивилась, не желая создавать прецедент — на могиле зэка полагалась только табличка с номером. Западная пресса поддержала требование родственников. После нескольких передач зарубежного радио власти уступили. Мать Галанскова и его вдову уведомили, что их просьба удовлетворена. Вместе с родственниками и друзьями Юрия они приехали в Мордовию и установили на его могиле большой крест.

Охранники «гадючника» тоже слушали радио и часто, хотя и скупно, делились информацией со знаменитыми узниками: «Эй, слышь, про тебя опять по „голосу“ говорили».

Чтобы переправить информацию из лагеря, требовалась большая изобретательность и везение. Так, Гинзбургу удалось записать свою речь (которую потом передавали по Си-би-эс), когда один из охранников, насыщенный о его талантах, попросил его починить магнитофон. Кусок пленки с записью он намотал на спичку и плотно завернул в презерватив. Оставалось найти надежного товарища, у которого скоро свидание с женой и который согласился бы проглотить эту упаковку. Далее она выйдет на волю естественным путем. Этот «физиологический метод» давно апробирован узниками во всем мире.

Именно таким способом была переправлена хроника голодовки Гинзбурга, благодаря чему удалось добиться разрешения на бракосочетание. В 1971 году эмигрантское издательство «Посев» издало эту хронику в виде книги «История одной голодовки».

В 1972 году Гинзбург освободился и это создало властям серьезную дилемму. Он, ясное дело, не перевоспитался, и ничего кроме новых неприятностей ожидать от него не приходилось. Но поскольку его хорошо знали на Западе, любые действия против него будут восприниматься как противоречащие «политике мирного сосуществования с капиталистическими странами» — разрядке. Вскоре Арину вызвали в КГБ и спросили, не хочет ли она подать заявление на выезд в Израиль.

— Вы ведь хотели уехать, не так ли? — спросили ее.

— Я хочу, но мой муж не хочет, — сказала она.

В тридцатых годах Гинзбурга бы просто уничтожили. Но в семидесятых человек не мог просто исчезнуть.

В КГБ знали, что Гинзбург намеревается и дальше вести «преступный образ жизни». Наверняка знали и о дружбе между женами Гинзбурга и Солженицына, и об «идеологически неустойчивых» научных работниках, живших по соседству. Через них он, конечно, свяжется с Сахаровым, еще одной большой головной болью КГБ.

Почти сразу после освобождения Гинзбург начал помогать Солженицыну передавать средства из его Нобелевской премии семьям политических заключенных. После высылки Солженицына в КГБ поняли, что Гинзбург, общаясь с зарубежными журналистами, переправлял на Запад архивы писателя. В 1974 году в Цюрихе Солженицын объявил о создании Русского общественного фонда помощи политзаключенным и считал это началом возрождения христианской благотворительности в России. Он назначил Гинзбурга распорядителем своего фонда в СССР. Чтобы передавать деньги политзаключенным, нужно знать, где они и в чем нуждаются. Чтобы справиться с такой работой, Гинзбург стал возобновлять старые лагерные связи.

К тому времени в семье появилось два малыша, и однокомнатная квартира стала слишком тесной. Арина подала в правление кооператива заявление с просьбой предоставить квартиру большей площади. Обычно ожидание в очереди на освобождающуюся квартиру длилось годами. Однако спустя несколько недель, Гинзбургам предложили переехать в двухкомнатную квартиру на седьмом этаже, владельцы которой отбыли в Израиль.

Они радостно согласились, не мешкая перенесли свои пожитки и отпраздновали новоселье. Наутро Гинзбург поймал себя на том, что ему не дает покоя вопрос, почему все получилось так просто и быстро. Через некоторое время один из членов правления кооператива упомянул, что человек, который жил прямо над ними, арестован за

экономические преступления, и кажется, в его квартире обосновалась группа сотрудников КГБ.

Гинзбургу стало очень любопытно, что происходит там наверху. Случай узнать это представился летом, когда из-за сильной грозы в доме отключилось электричество. Гинзбург взял фонарь, поднялся на восьмой этаж и постучал. Дверь приоткрыли.

— У вас тоже отключили электричество? — спросил Гинзбург, направляя луч фонаря в глубь квартиры. Прежде чем дверь захлопнулась, он успел увидеть большой магнитофон.

После выхода из лагеря к Гинзбургу стал наведываться человек, который называл себя «Вася, друг Владимира Андреевича».

Он был курьером подпольного издательства, основанного Шелковым, который в это время скрывался и находился в списке особо разыскиваемых КГБ. Вася был высоким крупным мужчиной. Иногда он приходил в компании человека, который называл себя Колей. Следуя неписанному правилу бывших зэков, Гинзбург никогда не интересовался фамилиями (или настоящими именами) Васи и Коли.

Вася приходил раза три в месяц, приносил «что почитать» Гинзбургу и медовые пряники детям. Это были книги, написанные Шелковым. В них звучали призывы к «бескровной борьбе за основные права и свободы человека и гражданина».

Бог создал человека по своему образу и подобию, но человек потерял божественный образ и стал действовать против веры, писал Шелков в одной из работ. Его больше всего интересовала проблема взаимоотношений церкви и государства: идеальное государство — это «чистое государство», то есть нейтральное по отношению ко всем религиям и идеологиям. Такое государство строит дороги, обеспечивает гражданам образование и заботится об их благополучии. Советский Союз не является «чистым государством». Он стоит на доктрине атеизма, который сам по сути является религией и отделяет себя от других религий, заставляя церкви регистрироваться в официальном, государством придуманном Всесоюзном совете церквей.

Шелков, будучи этническим русским, выступал также против русского национализма.

«Ныне господство диктатуры госатеизма создало идейный разброд и моральное разложение в стране. Раздаются голоса о необходимости восстановления национального самосознания русского народа и родной, русской православной церкви, по образцу истории прошлого России, и что только якобы это национальное возрождение и национальная церковь спасут страну от этого духовного краха. Но ведь русско-православная религия в прошлом уже была господствующей, государственной и запятнала себя человеческой кровью, подавляя свободу совести и веры и инакомыслящих и инаковерующих граждан.

Это была русская инквизиция, уничтожившая 12 миллионов старообрядцев и сотни тысяч евангельских христиан (сектантов).

Постепенно у Гинзбурга накапливались сочинения Шелкова: «Взаимоотношения религии и государственности», «Законодательство о культах», «Основы истинно свободной совести и равных прав», «Борьба за свободу совести», «Правовая борьба с диктатурой госатейзма за свободу совести». Все эти работы были напечатаны в издательстве «Верный свидетель», на печатном станке XIX века, который царапал бумагу. Шелков надеялся, что Гинзбург, используя свои контакты, передаст эти книги на Запад. Гинзбург делал что мог, но на Западе книги оказывались в разных архивах. Они были слишком узкими по тематике, и упоминания в прессе не удостоились.

Поскольку каждое слово, произнесенное в квартире Гинзбурга, слышали уполномоченные компетентными органами соседи, Вася, входя в квартиру, обычно спрашивал:

— Как дети? — и молча открывал большой портфель. Сделанный из толстой кожи, с застежками с обеих сторон, он напоминал портфель министра, но в нем было тайное отделение.

— Дети в порядке, — обычно отвечал Гинзбург. — Сезон простуд закончился.

— А я яблок принес, — говорил Вася, вынимая сверток бумаги или пару брошюр.

Во время одного из визитов, в конце июня 1976 года Вася вынул из секретного отделения «министерского» портфеля толстую пачку бумаги, не меньше тысячи листов, и протянул Гинзбургу. Вверху на каждом листе было напечатано: «Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР». Вася, довольный, улыбался. Это были бланки Группы, изготовленные «Верным свидетелем».

Как-то поздно вечером раздался стук в дверь.

— Кто там? — спросил Гинзбург.

— Алик! Это я, Федя!

По радиоголосам Сиденко услышал знакомую фамилию. Гинзбурга называли одним из членов какой-то Общественной группы содействия. Спустя больше десяти лет после неудачной попытки эмигрировать с помощью японского гостя из гостиницы «Восток» Сиденко был готов повторить попытку. На этот раз он хотел взять с собой тысячи своих собратьев.

Глава 11

Ходоки

Владимир Павлов, водитель автобуса, сорока семи лет, из маленького городка на Северном Кавказе, приехал в Москву, чтобы найти Юрия Орлова, и обратился в справочное бюро.

— Такой в Москве не проживает, — услышал он в ответ.

Справочные бюро не давали адреса диссидентов, а достать телефонную книгу было непросто.

Павлов решил пойти другим путем. Он вышел на улицу Горького и начал спрашивать прохожих, более или менее «ученого вида», не знают ли они, как попасть к Сахарову или Орлову. Способ не самый надежный, чтобы найти человека в восьмимиллионном городе, но Павлов не собирался отступать. Он хотел уехать из СССР. Шансов было мало, обстоятельства были против него: он не еврей, не немец, не армянин, у него нет родственников за границей и он, конечно же, не выдающийся ученый или всемирно известный писатель. По радио он услышал, что человек по имени Юрий Орлов создал группу, которая должна следить за тем, как Советский Союз выполняет свои обязательства по Хельсинкским соглашениям. Павлов решил, что эта группа может ему помочь.

— Вы не подскажете, как найти Юрия Орлова или Андрея Сахарова? — продолжал он спрашивать у прохожих.

— Нет, — отвечали некоторые.

— Не знаю кто это, — говорили другие.

Многие просто молча ускоряли шаг.

Наконец один прохожий поинтересовался:

— А зачем вы их ищите? О чем вы хотите с ними поговорить?

Павлов пустился в объяснения: 3 сентября 1971 года он был приговорен к трем годам лагеря за клевету на советский строй. Павлов был

не согласен со словом «клевета». Он говорил только, что в СССР нет демократии, что коммунистическая партия не способна справиться с экономическими проблемами в стране, что вторжение советских войск в Чехословакию в 1968 году было незаконным, что он хотел бы оказаться в самолете, угнанном в Турцию в 1970 году. В августе 1975 года, спустя год после освобождения из лагеря, Павлов прочитал текст Заключительного акта. В документе было сказано, что свободный обмен информацией не только разрешен, но должен всячески поощряться. Значит, заключил Павлов, больше нет такого понятия как клевета на государство. Он направил в Верховный суд заявление о снятии судимости. В мае 1976 года суд отклонил его жалобу, и Павлов решил просить Орлова помочь ему эмигрировать.

— Пойдемте, — сказал прохожий и привел Павлова к своему знакомому.

Тот попросил рассказать всю историю сначала. Видимо, будучи уверенным, что провокатор не стал бы использовать такой непродуктивный способ определить местонахождение основателя Московской Хельсинкской группы, он дал Павлову адрес Орлова.

Павлов был одним из «ходоков», которые приходили в Группу с самыми разнообразными жалобами, и оказался одним из тех немногих, чью историю можно было отразить в документах (по его делу был составлен Документ № 13). Хельсинкская группа здесь следовала русской традиции: чтобы добиться официального вмешательства, надо писать жалобы.

Веками русские люди приходили со своими бедами к барину или царскому чиновнику. После революции им сказали, что обращаться со своими проблемами к большевикам, на что их должна была вдохновлять знаменитая картина в стиле соцреализма «Ходоки у Ленина». Теперь Хельсинкская группа была готова сделать максимум возможного — обнародовать жалобу ходока, передать ее западным корреспондентам, разослать главам тридцати пяти государств, направить в комиссию Конгресса США.

Однажды к Алексеевой пришел фельдшер службы скорой помощи с жалобой на то, что он не может получить квартиру. Алексеева объяснила, что проблема несправедливого распределения жилой площади не рассматривается в Заключительном акте как компонент европейской безопасности и прав человека. Единственное, что она может сделать, это представить его западным журналистам, что и было сделано.

В другой раз к ней пришел белорусский крестьянин, который сообщил, что был исключен из колхоза и хочет быть восстановленным. Ему тоже объяснили, что эта проблема не имеет отношения к европейской безопасности, но посоветовали ему обратиться к одному московскому адвокату.

Некоторые истории ходоков звучали примерно так: «Я говорю начальнику бригады: „Почему так? Это неправильно!“ А он говорит: „Тогда иди жаловаться в райком“. А я говорю: „Ну и пойду“. А первая жена моего брата, которая уже не его жена, говорит: „Иди-иди. Ты что, не знаешь, чем это может кончиться?“ А я говорю: „А чем еще это может кончиться?“ Но она оказалась права».

Орлов, который почти каждый день принимал хотя бы одного ходока, мог часами слушать такие рассказы.

«Юра слушал столько, сколько они говорили, никогда не прерывая, — вспоминает Алексеева. — Он обладал словесным терпением».

Большинство посетителей были приезжие, многие из деревни, у них не было денег на еду и они с радостью оставались выпить чашку чая или съесть тарелку борща.

«Горячая еда — это лучшее, что я могла им предложить», — говорила Алексеева.

Одной из первых пришла в Группу украинская женщина с очень серьезной проблемой. 23 октября 1975 года, через три месяца после подписания Заключительного акта, решением суда у нее отняли детей. Она была баптисткой и не воспитывала детей «в духе морального кодекса строителя коммунизма», решил суд.

Мать протестовала, писала Брежневу, в Комитет советских женщин и в журнал «Советская женщина». Она просила у власти одно из двух: вернуть ей детей или разрешить ей с детьми эмигрировать в Канаду. Она грозила обратиться в «международные организации». Вскоре она получила неожиданный ответ из прокуратуры: *«Решение суда от 23 октября 1975 года не может быть приведено в исполнение. Дети останутся с вами».* Это был бюрократический прием: решение суда остается в силе, но исполняться не будет.

«Однако решение суда не отменено. Это значит, что над детьми висит приговор об изъятии у воспитывающей их матери», — говорилось в Документе № 5.

На этот раз Орлов и Группа воздержались от осуждения властей. Случай с баптистами был исключением, как указывалось в документе: *«Такая практика была широко распространена в 1964—1974 гг. После подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе... число постановлений о лишении родительских прав за воспитание детей в религиозном духе сократилось, вероятно, в связи с проникновением разоблачительной информации на Запад и реакцией мирового общественного мнения».*

«Если мы видели улучшения, мы их отмечали», — говорит Орлов.

Московская синагога, казалось бы, не самое подходящее место для бородатого русского крестьянина с посохом, в домотканой рубаше и мешковатых брюках, заправленных в резиновые сапоги. Этот по-

жилой мужчина выглядел так, как будто только что вышел с рынка, продав свою картошку, или с киностудии «Мосфильм», где снимался в картине о жизни дореволюционной деревни. Он подошел к синагоге и стал спрашивать выходящих, как ему найти Владимира Слепака.

Подойдя к Слепаку, одному из первых отказников, крестьянин представился как Григорий Варнавский. Он сказал, что он еврей, как и члены ста тридцати семей в его деревне Ильинке в Воронежской области. По крайней мере половина этих семей хотят эмигрировать в Израиль.

Всему этому было трудно поверить.

«Этот старик обиделся, что мы не поверили, что он еврей, — сообщил Слепак журналисту позже. — Он неграмотный, но умеет читать молитвы на иврите. Он более религиозен, чем большинство евреев в Москве».

В тот день в московской синагоге Варнавский, которому тогда был восемьдесят один год, рассказал, что жители Ильинки — потомки евреев, которые около ста лет назад ушли в среднерусские леса, спасаясь от погромов. После революции семьи объединились в колхоз и назвали его «Еврейский крестьянин». В период сталинских репрессий раввин и ритуальный забойщик скота были убиты, а «Еврейский крестьянин» присоединен к более крупному колхозу «Россия».

Но крестьяне сохранили веру. Они давали детям еврейские имена, которые звучали диссонансом с типично русскими фамилиями. Многие годы после убийства ритуального забойщика ильинские крестьяне не ели мясо. Позднее они пошли на компромисс и стали есть мясо только тех животных, которых вырастили сами. *«Это не кошер, мы знаем, но это единственное, что мы можем сделать»*, — говорил пожилой человек. Традиция обрезания также соблюдалась в Ильинке. В недельном возрасте мальчиков везли за тысячу километров на Северный Кавказ, где в горных деревнях жили еврей-сефарды, которые исполняли этот обряд.

В начале семидесятых восемь семей из Ильинки эмигрировали в Израиль и прислали официальные приглашения почти половине жителей Ильинки. Но была одна проблема. Письма с приглашениями попадали к председателю колхоза Виктору Тарасову, который прятал их под замок. *«Даже не надейтесь их получить, — говорил он жителям Ильинки. — Мы не хотим, чтобы вы уезжали к сионистам».* Потенциальные эмигранты нашли было способ обойти Тарасова — получить приглашения через родственников, живущих не в Ильинке. Но не тут-то было. Тарасов просто отказался выдавать обращающимся к нему справки о том, что они члены колхоза и не имеют задолженностей. А без этой справки заявления на выезд не принимались.

Московские евреи не менее скептически отнеслись к утверждению старика о том, что он является этническим евреем, а не потомком

русских крестьян, которые по каким-то причинам перешли в иудаизм. Участница еврейского эмигрантского движения Лидия Ворони-на вспоминает, как один московский еврей спорил с этим пожилым человеком:

- Вы не еврей, — сказал москвич.
- Совершенно точно я еврей.
- Вы не похожи на еврея. Как вы можете быть евреем?
- Я еврей, говорю вам, я еврей.

Узнав о рассказе пожилого человека, Щаранский отправился к Тоту, чтобы поведать журналисту о старике, который выглядит как русский, но утверждает, что в самом центре России, в деревне, откуда он приехал, живут одни евреи. Эти люди были обращены триста или четыреста лет назад, сказал Щаранский. Он спросил, не хочет ли Тот присоединиться к нему и поехать в Ильинку.

«Меня больше интересовала жизнь в этом заброшенном месте, а не евреи, которые хотели эмигрировать», — говорил Тот позднее.

Тот посмотрел на карту. Воронеж, ближайший к Ильинке город, не был закрыт для иностранцев. Годом раньше советские власти, действуя в соответствии с Заключительным актом, изменили прежние правила и журналистам больше не требовалось просить разрешение на поездки в «открытые» части страны. Они должны были только «зарегистрировать» поездку. Тот решил поехать в Ильинку и таким образом проверить, работает ли новая система. Он не спрашивал разрешения, он сообщил в министерство, что в соответствии с новыми правилами он информирует министерство о своей предстоящей поездке.

— Ваша поездка не зарегистрирована, — сообщил ему чиновник из министерства.

Раньше такой же чиновник сказал бы ему, что «поездка не разрешается». После Хельсинки слова изменились, но смысл остался прежним.

Роберт Тот сказал Щаранскому, что напишет статью с его слов. Конечно, Тот понимал, что без социологических данных об Ильинке ценность статьи сильно уменьшится и, возможно, она затеряется среди рекламных объявлений туристических агентств. Но это было лучше, чем возможные последствия нарушения правил Министерства иностранных дел.

Спустя несколько дней после визита старика в московскую синагогу Щаранский и Слепак отправились в Ильинку. Водителем машины, в которой они ехали, был Саня Липавский — усатый круглолицый врач, который всегда был готов отвезти отказников куда угодно на своей «Волге».

— Это затерянное, всеми забытое место без дорог, — рассказывал Тоту Щаранский, вернувшись в Москву. — Нам дали пять разных объяснений запрета на выезд, но так и не пропустили к жителям

деревни. Сначала сказали, что в селе есть подозреваемые в убийстве, потом — что они потенциальные жертвы убийцы, в другой раз — что мы помешаем колхозникам пропалывать поля сахарной свеклы. На вопрос, когда можно будет приехать в Ильинку, председатель колхоза Виктор Тарасов ответил: «Мы никогда не разрешим вам поехать туда. Вы, как и мы, знаете, какая там напряженная ситуация, и мы никогда не позволим вам усугубить эту напряженность»... Мы не знаем точно почему, но атмосфера там была недружелюбная. Люди, жившие по соседству с Ильинкой, говорили так, как будто эта деревня заражена чумой. А председатель колхоза рассказал нам антисемитский анекдот... Милиционеры были поражены, что нам удалось так близко подъехать на машине — только вездеходы и грузовики могли туда пробраться — и похвалили умелого водителя...

Их остановили километров за пять от Ильинки, продержали три дня, а затем они вернулись обратно, так и не побывав в деревне.

27 июня на двенадцатой странице «Лос-Анджелес таймс» появилась статья...

Приехав в Москву за помощью, Варнавский ничего не знал о Юрии Орлове и Хельсинкской группе. Он и предположить не мог, что через несколько недель статья о проблемах жителей Ильинки появится в «Лос-Анджелес таймс», что спустя пять месяцев Хельсинкская группа использует этот материал для Документа № 9 и что в последующие три года будут подготовлены еще два документа, в одном из которых будет сказано, что евреи из Ильинки фактически превращены в крепостных.

В последующие годы «Лос-Анджелес таймс», «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и «Балтимор сан» публиковали статьи о происходящем в этой деревне.

Такое повышенное внимание отвлекало председателя колхоза Тарасова от выращивания свеклы и другой повседневной работы. Ему пришлось неоднократно ездить в Москву, чтобы выступать свидетелем в судах над Орловым, Щаранским и Гинзбургом. При упоминании жителей Ильинки он говорил: «Эти евреи, как они сами себя называют».

В номере «Лос-Анджелес таймс» от 16 октября 1976 года на первой полосе вышла статья Тота о русской семье, у которой была нетипичная для России фамилия — Вильямс.

«Русская семья Вильямсов — это выдающаяся семья по нескольким причинам — начиная с фамилии, которая когда-то звучала как Уильямс...»

В статье рассказывалось об истории семейства Вильямсов — строителе мостов Роберте Уильямсе, который приехал в Москву из Америки в середине прошлого века, его сыне Василии, который стал од-

ной из жертв Лысенко, и его внуке Николае, который провел пять лет в сталинских лагерях. Автор упоминал и даже цитировал миссис Вильямс — Людмилу Алексееву, но о ее членстве в Общественной группе содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР не упоминалось.

Позднее Тот говорил, что эта деталь тогда не казалась ему важной.

Глава 12

Король Тасмании

Сидя на кухне у Алексеевой, Микола Руденко говорил о создании Хельсинкской группы на Украине. Он осознавал, насколько опасен его план, но это не могло его остановить. Слушая его, Алексеева размышляла о трагической иронии этой ситуации: этот круглолицый человек, сидящий напротив нее, говорит о будущем, зная, что будущего у него нет.

«Я сказала ему: „Вы смелый человек“, — вспоминает Алексеева, — но не стала говорить о том, как он рискует. Он знал это лучше меня».

Практически все известные украинские диссиденты к тому времени были арестованы. По неофициальным подсчетам семьдесят процентов всех политических заключенных в СССР составляли украинцы. Руденко был известным писателем, и власти не решились его арестовывать. Он потерял работу редактора в журнале «Днипро», членство в Союзе писателей, высокую зарплату, служебную машину, свое прошлое, и в сорок девять лет пошел работать ночным сторожем. У него оставалось достаточно времени, чтобы сочинять стихи — о любви, смерти и родной Украине. Любопытно, что не все привилегии отобрали сразу, и у сторожа остался загородный дом в правительственном дачном поселке под Киевом.

Организовать группу на Украине намного сложнее, чем в Москве. Там нет постоянно аккредитованных иностранных корреспондентов. Чтобы предать гласности документы Группы, нужно посылать курьеров в Москву. А это значит, каждый раз подвергать людей риску быть арестованными. Алексеева, конечно, предложила помощь в передаче документов из Украины на Запад и пригласила украинских коллег выступать на пресс-конференциях Московской группы. Перед тем, как попрощаться, Алексеева спросила:

— С кем вы собираетесь создавать группу? Все ваши диссиденты в лагерях. Остались одни женщины и дети.

— Вы правы, — ответил Руденко. — Иногда мне кажется, что я единственный оставшийся на Украине диссидент». Он пообещал вернуться со списком членов Украинской Хельсинкской группы и первыми документами.

План был не просто рискованный, а смертельно опасный, и Руденко об этом знал. Примерно в то время он написал поэму «Тасманский король»:

Я — один. Я — останній. То значить — король.
Є Тасманове море й тасманська земля.
А земля мусить мати свого короля, —
Так сказав мені той, хто давав оцю роль.
Кожен трон на кістках. Та не ради відзнак
Я споруджую трон із людських черепів.
А заради того, що народ мій терпів:
Ті людські черепи я відбив у собак.
У собак, у дерев... Ти заглянь у сади —
Кожна яблуна кров'ю підживлена там.
Нас вбивали для добрив. Здавалось катам:
З тіл людських виростають солодкі плоди.
Більше добрив немає. Збираю кістки
І споруджую з них піраміду страшну.
Скоро я за найвищі дерева сягну.
Я — король, підо мною — мої земляки.
І куди не погляну — мастки чужі.
Рідні душі — це тільки прудкі кенгуру.
В них живуть мої предки. А сам, як помру, —
Оживу серед них на зеленій межі.
Ген чужинці пливуть до моєї землі,
Щоб орати поля, закладати сади.
Є в них мито — ковток вогняної води:
Адже в них у пошані старі королі.
Я для них божевільний. Та це не нове.
Піраміда моя все росте і росте.
Я тримаю у серці пророцтво святе:
Ця споруда імперію переживе.
Хоч загинув народ, та повір'я старе
Залишилось мені від батьків та дідів:
Хто чекає із трупів солдатських плодів,
Той нічого, крім трупів, і сам не збере.

Україна — Тасманія. Руденко, «последний диссидент», — король, готовий пожертвовать жизнью ради своего народа.

На следующий день после ноябрьских праздников, 9 ноября, в окно загородного дома Руденко в элитном поселке в Пуще Водице, куда высокопоставленные чиновники приезжали поохотиться, полетели камни. Пол был усыпан битым стеклом и кусками кирпича. Один

«снаряд» попал в гостю Руденко Оксану Мешко. Ей тогда был семьдесят один год, шесть лет она провела в лагерях, ее сын отбывал десятилетний срок за «антисоветскую агитацию и пропаганду».

Акт вандализма был совершен именно в тот день, когда Руденко, Мешко и еще несколько человек собрались обсудить создание Украинской Хельсинкской группы. Руденко заявил об этом происшествии в милицию, но там отказались принять заявление. Через неделю, по-прежнему не принимая заявления, забрали осколки кирпича для «снятия отпечатков пальцев».

Игнорируя этот прозрачный намек-предупреждение, на следующий день Руденко и активист Украинской Хельсинкской группы Олесь Бердник, писатель-фантаст, отправились в Москву. Они намеревались привлечь в Группу еще нескольких человек и объявить на пресс-конференции о создании Группы.

11 ноября Руденко встретился с Петром Григоренко, украинцем, проводившим большую часть жизни в России, но не забывшим свои корни. Он пытался восстановить украинский язык и предпочитал, чтоб его называли на украинский лад Петро. Бывший генерал согласился присоединиться к Украинской группе, сохраняя свое членство в Московской Хельсинкской группе. В тот же день Бердник поехал в одну из московских больниц навестить Нину Строкатую.

Строкатая, пятидесятилетняя врач и микробиолог, была замужем за Святославом Караванским, правозащитником, многолетним узником лагерей, отбывавшим очередной десятилетний срок. В конце шестидесятых она была связующим звеном между украинским и московским общественными движениями. Отношения эти были тесными. В лагерях Караванский подружился с Юлием Даниэлем, а Строкатая познакомилась с его женой Ларисой Богораз, когда они обе приехали в мордовский лагерь на свидание к мужьям. На обратном пути она остановилась в московской квартире Богораз, где познакомилась с Алексеевой.

В последующие годы Строкатая присылала информацию о событиях на Украине, которые Алексеева направляла в самиздатский правозащитный бюллетень «Хроника текущих событий». К 1976 году Строкатая отбыла четырехлетний срок за антисоветскую пропаганду и жила под присмотром милиции в Тарусе, в доме, который построил Анатолий Марченко, второй муж Богораз. Пока Марченко отбывал ссылку в Сибири, в доме, кроме Строкатой, жили активист «Хроники» Кронид Любарский и родители Ларисы. Казалось, жизнь Строкатой как-то устроилась, но осенью дала о себе знать застарелая язва желудка. Не доверяя местным врачам, Алексеева попросила Липавского устроить Нину на лечение в Москву.

К тому моменту, когда у ее койки возник Бердник, Строкатая уже оптимистичнее смотрела на свои шансы выжить. В Москве, вдалеке

от убогих деревенских больниц и сомнительных врачей, она получала необходимое лечение и чувствовала себя лучше. Липавский, который все это организовал, произвел на нее приятное впечатление — жизнерадостный человек и внимательный врач.

Она будто заново родилась, а теперь Бердник, грузный усатый украинец, пришел предложить ей новый способ рискнуть жизнью. Не так давно в Тарусе она сказала Гинзбургу, что следить за тем, как Советский Союз выполняет обязательства по Заключительному акту, — это дело, ради которого можно пожертвовать жизнью. А Украина еще больше заслуживала такой жертвы.

Но были проблемы. Строкатая не жила на Украине с 1971 года, и вряд ли власти спокойно позволили бы ей вернуться туда. Даже для того, чтобы приехать в Москву на лечение, ей пришлось скрываться от милиции. И кроме этого, находясь вдали от Украины, она не сможет подписывать документы Украинской группы.

Обсудив ситуацию, они нашли выход: Строкатая написала письмо о том, что передает Мешко право подписываться от ее имени под документами Украинской Хельсинкской группы.

12 ноября в квартире Орлова Руденко сообщил иностранным журналистам, что несколько украинцев создали Хельсинкскую группу на Украине. Когда его попросили назвать членов Группы, он сказал, что полного списка еще нет. По этой же причине он не знает и их число. На вопрос, не собирается ли Группа сделать какое-либо заявление, он ответил, что оно еще не составлено.

«Было очевидно, что он поэт, но не организатор, — говорит Алексеева. — Объявить о создании Группы для него было важнее, чем действительно ее создать».

Чтобы компенсировать очевидную недоработку Руденко, Алексеева написала документ Московской Хельсинкской группы: *«Образование Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений является в условиях Украины актом большого мужества. В первый же день образования Группы был организован бандитский налет на квартиру Микола Руденко и была ранена камнем член Группы Оксана Мешко. Мы обращаем внимание на опасность использования уголовных методов по отношению к такой Группе, образование и деятельность которой строго соответствуют духу и букве Заключительного акта... Мы просим мировую общественность выступить в защиту Украинской группы и в дальнейшем не выпускать ее из своего поля зрения».*

Первый документ Украинской Хельсинкской группы был создан спустя три недели, 5 декабря. Написанный по-украински от руки, он занимал чуть не сотню страниц. Увидев эту увесистую пачку листов, Алексеева почти впала в панику. Встреча с человеком, через которого можно передать документ на Запад, назначена на завтра. В таком

виде документ, на украинском языке, не вызвал бы той общественной реакции, в какой нуждалась Украинская группа.

Учитывая, что украинский Комитет госбезопасности, несомненно, готовился принять меры против новой группы, возвращать документ в Киев, чтобы его там перевели на русский и перепечатали, было нереально. Документ нужно перевести в Москве — к завтрашнему дню. Но как? У Алексеевой даже не было украинско-русского словаря.

Чуть позже тем же утром к Алексеевой пришел Щаранский — провести урок английского языка.

— Урок английского отменяется, — объявила ему Алексеева, едва он успел переступить порог. — Будем учить украинский.

Щаранский вырос на Украине, в Донецке, и говорил по-украински. Он сел за стол и углубился в изучение «Меморандума № 1». Алексеева села за пишущую машинку.

Документ начинался с истории создания Московской Хельсинкской группы, потом шли краткие биографии каждого из десяти членов Украинской Хельсинкской группы и напоминания об огромных потерях Украины во времена коллективизации, войны и репрессий. Описывались подробности дела Левко Лукьяненко и Ивана Кандыбы, молодых юристов, которые, основываясь на Конституции, доказывали законность выхода Украины из СССР. Оба отсидели за это по пятнадцать лет и теперь присоединились к Украинской Хельсинкской группе.

«Тюрьмы и карцеры, концлагеря и психбольницы, строгий казёбистский надзор и полуголодное состояние — вот жестокая плата за горячую веру в святость духа и буквы Советской Конституции», — говорилось в документе.

Текст был написан очень эмоционально, но усталые переводчик и редактор отнеслись к нему без особого трепета, просто делали необходимые исправления, используя привычные клише, чтобы документ был похож по стилю на меморандум. Когда они дошли до последних абзацев, на улице уже стемнело.

«Цивилизация — это маленькая община, которая видна из Космоса, как на ладони, — печатала Алексеева. — Солнечный свет не признает границ на Земле. Человек — создание солнечного света; он — дитя солнца. И разве есть у кого-то право ограничивать его мышление, которое бесконечно? Во имя спасения жизни на Земле, во имя спасения наших внуков и правнуков мы говорим: „Хватит!“ Это не только наши слова — об этом говорится и во Всеобщей декларации прав человека и в Хельсинкских соглашениях, которые были подписаны советским правительством».

— Что бы мы без тебя делали, Толя? — сказала Алексеева Щаранскому. — Слава богу, что ты безработный.

Не прошло и месяца, как Миколу Руденко и еще одного члена группы, Олексу Тихого, арестовали.

Глава 13

Ревизор

В начале октября 1976 года к Гинзбургу приехал Томас Венцлова, литовский поэт, которого он знал со времен «Синтаксиса». Томас сказал, что хотел бы передать письмо своему другу, поэту Иосифу Бродскому, который эмигрировал в Соединенные Штаты.

— Зайди к Алексеевой, — сказал Гинзбург. — Она устраивает посиделки. Там будет Алла Натансон.

Речь шла об Эллин Нэтэнсон, вице-консule американского посольства, которая подружилась с диссидентами, и они стали называть ее Аллой.

Когда Венцлова постучал в дверь, Алексеева заканчивала готовить салат.

— Меня зовут Томас Венцлова. Алик посоветовал мне прийти к вам, — сказал на отличном русском языке круглолицый и коренастый литовец средних лет.

— Если Алик посоветовал, то заходите, — сказала Алексеева.

— Я хотел бы обсудить с вами одно небольшое дело, — сказал Венцлова, доставая записную книжку. Он понимал, что квартира прослушивалась, поэтому задал вопрос письменно: «Здесь будет Алла-американка»?

«Да, через полчаса», — так же письменно ответила Алексеева.

Натансон в тот вечер не появилась, но Алексеева и Венцлова долго разговаривали. Уже с первых слов Алексеева отметила, что ее гость обладает обаянием и может подшучивать над собой. Русская речь Венцловы был на редкость выразительной и четкой, как хорошая проза. Кроме того, в ней была некоторая напевность, как будто его голосовые связки были так устроены, что он растягивал гласные. Это был редкий акцент, из-за чего его русский звучал очень красиво.

Но о самом интересном они в тот вечер не разговаривали. Алексеева не упомянула о том, что в течение двух лет она помогала передавать на Запад «Хронику литовской католической церкви» — прибалтийский аналог «Хроники текущих событий». Ей удалось связаться с одним из сотрудников американского посольства, который был католиком и согласился переправлять литовскую «Хронику» в «Драугас», литовскую газету, издаваемую в Чикаго. При этом он признался, что нарушает правила поведения дипломата и рискует своей карьерой. Алексеева рисковала еще больше. Ее предшественник, Сергей Ковалев, который до нее помогал литовцам уже в качестве «курьера», отбывал лагерный срок по приговору суда.

Из осторожности Алексеева об этом умолчала. Если Венцлова будут допрашивать, гораздо лучше, если он сможет честно сказать, что ничего об этом не знает. И чтобы он подумал о женщине, которая, едва познакомившись, сказала бы ему о своем участии в том, что считается преступлением против государства?

Что касается Венцлова, он не рассказал, как несколько месяцев назад он и двое его друзей, Викторас Пяткус и Эйтан Финкельштейн, регулярно совершая прогулки вдоль реки Нярис в Вильнюсе, рассуждали, как можно использовать Хельсинкский Заключительный акт, чтобы заявить о нарушениях прав человека в Литве. Они обсуждали варианты — создать Литовскую Хельсинкскую группу или Балтийскую, в которую вошли бы еще эстонцы и латыши. Но пока договорились только об одном: попросить Московскую группу представить документ по Литве.

Венцлова и Алексеева в тот вечер совсем мало говорили о политике. Алексееву интересовало, что привело его к диссидентству. Причины были похожи и в то же время отличались.

Венцлова — артистическая натура, романтический мятежник, ищущий свободы в жизни и творчестве. Ее диссидентство было вызвано прежде всего обеспокоенностью проблемами правосудия и гражданских прав. Несмотря на различия, Венцлова и Алексеева были по одну сторону баррикад.

Томас Венцлова родился в 1937 году, за три года до оккупации Литвы советскими войсками. Его отец, Антанас Венцлова, который тоже был поэтом, приветствовал советскую власть, стал коммунистом и первым министром образования в советской Литве. Во время второй мировой войны Антанас находился в Москве, переживал за жену и сына, которые из-за стремительного вторжения немецких войск не успели эвакуироваться. Томас с матерью ждали прихода Советской Армии-освободительницы.

После восстановления советского режима Венцлова пошел в школу, являвшуюся частью системы, которую создал его отец. Он считал себя образцовым пионером, потом — образцовым комсомольцем.

Единственным отклонением от нормы был его интерес к поэзии, особенно поэзии, официально неодобряемой, которую в школе не изучали. Поначалу интерес к стихам был вполне невинный — ему нравились уроки литературы, на которых «проходили» Владимира Маяковского. Потом его привлек бунтарский вызов раннего Маяковского, потом — современники: Борис Пастернак, Осип Мандельштам, Анна Ахматова, Марина Цветаева.

Большинство произведений серебряного века русской поэзии если и были доступны, то лишь в виде тонких брошюр с пожелтевшими страницами, изданных тридцать и более лет назад. Почти ничего не было переведено на литовский, и молодой Венцлова начал переводить прекрасные стихи с одного красивого языка — русского — на другой красивый язык — литовский. В этом увлечении была некоторая ирония. Он знакомил Литву с поэзией страны, которая ее поработила.

Венгерские события 1956 года вызвали возмущение Венцлова. Даже вторжение в Чехословакию произвело на него не такое сильное впечатление. «Возможно, потому что в 1968 году мне уже было не девятнадцать», — говорил он.

В 1958 году, после того как его кумир, Борис Пастернак, получил Нобелевскую премию по литературе, Венцлова выступил на собрании, где литовские писатели осуждали Пастернака за публикацию романа «Доктор Живаго» на Западе. «Я не могу критиковать Пастернака за «Доктора Живаго», — сказал он. — Роман не был опубликован в СССР, и я уверен, что никто из сидящих здесь его не читал. Не знаю, как другие, а я не хочу осуждать то, чего не читал». Эта речь свела к нулю его шансы стать признанным писателем. Венцлова профессионально занялся переводами.

Позже один московский друг организовал Томасу встречу с Пастернаком в Переделкине. Молодой человек был представлен как переводчик, который переводил произведения Бориса Леонидовича на литовский язык, но Пастернак не хотел разговаривать ни о Литве, ни о переводах.

Он хотел поговорить о литературе. Писатели, говорил Пастернак, подразделяются на две группы: кузнецы слова и гениальные писатели. Один из самых известных кузнецов слова — это Томас Манн, с его тяжеловесными романами. Другой пример — его собственная ранняя поэзия.

— Мне ваша ранняя поэзия нравится больше, чем вам, — возразил Венцлова.

По-видимому, не желая продолжать дискуссию на эту тему, Пастернак сказал:

— Остаток своей жизни я хочу посвятить созданию настоящей литературы, как у Хемингуэя.

Пастернак умер спустя шесть месяцев.

Венцлова встречался и с Анной Ахматовой и читал свои переводы ее стихов на литовский. Не зная ни слова по-литовски, она прислушивалась к ритму, интонациям.

— Это звучит именно так, как мне хотелось бы, — говорила она об одних отрывках.

— А это — нет, — говорила о других.

В 1959 году в Вильнюсе Венцлова познакомился с Гинзбургом, который приезжал навестить их общего знакомого. Алик рассказал, что издает независимый журнал «Синтаксис» и хочет опубликовать произведения литовских писателей и поэтов. Венцлова, несмотря на свой прекрасный русский, писал стихи только на литовском, и предложил подстрочные переводы своих стихов. Гинзбург был уверен, что найдет кого-нибудь в Москве, кто сможет придать подстрочникам стихотворную форму.

— Я ленинист, — сказал ему Гинзбург. — Я хочу, чтобы все было, как при Ленине. Я борюсь с пережитками сталинизма.

— Боюсь, я уже прошел через это, — сказал Венцлова. — Я даже не ленинист. Пожалуй, меня можно назвать антикоммунистом.

Воспоминания заставили Алексееву и Венцлова остро почувствовать, как бежит время. Вторжение в Венгрию было двадцать лет назад. Литовский номер «Синтаксиса» так и не вышел. Сам Гинзбург с тех пор уже два раза побывал в заключении и давно пережил свой «ленинский период». Венцлова же дошел до точки. Раньше у него была спокойная жизнь — он в свое удовольствие переводил Элиота и Шекспира, гонораров на жизнь вполне хватало. Власти, зная о политической неблагонадежности, не трогали Томаса, пока был жив его известный отец. После смерти Венцлова-старшего в 1971 году Томас долго не мог найти работу. Но у него было приглашение от калифорнийского Университета в Беркли, и он хотел бы принять его.

«Литературный вечер» закончился тем, что Венцлова пригласил Алексееву и Вильямса приехать в Литву.

Когда Алексеева сообщила об этом Орлову, он обрадовался:

— Может, вы проведете там небольшое расследование?

От знакомых диссидентов Орлов знал, что из одной вильнюсской школе исключили семерых старшеклассников. Об истинной причине можно было только догадываться. Школьники регулярно ходили к мессе и навещали Виктораса Пяткуса, католика и правозащитника, который провел в заключении тринадцать лет. Некоторые московские диссиденты, включая Гинзбурга, встречались с ним в лагерях.

— Если ученики исключены из школы в связи с их религиозными убеждениями и дружбой с Пяткусом, то этот случай нужно отразить в документе Группы, — сказал Орлов.

Алексеева согласилась. Поездка на несколько дней с мужем и сыном стала тем, что члены Группы называли «объявленным визитом».

Это было одно из самых полезных изобретений Орлова. Каждый раз, когда кто-нибудь уезжал из города по делам Группы, об этом объявляли на пресс-конференции или просто сообщали корреспондентам по прослушиваемым телефонам. Если прессе известно о поездке и если КГБ знает, что пресса это знает, то члены Группы как-то застрахованы от «несчастных случаев» во время путешествия.

В пятницу утром, когда поезд прибыл в Вильнюс, Алексеева увидела Венцлова и двух мужчин, которых он представил как Пяткуса и Антанаса Терляцкаса, литовского диссидента и бывшего политического заключенного.

Были и другие встречающие. Четыре «хвоста» КГБ, на расстоянии примерно в пятнадцать шагов следовали за ними до гостиницы.

— Вон тот мой, — сказала Алексеева, указывая на человека, который ехал вместе с ней в поезде.

— Остальные — наши, — сказал один из литовцев.

Алексеева, Вильямс и сын Алексеевой Михаил зарегистрировались в гостинице, потом пошли в гости к Пяткусу. Это было не простое чаепитие с бутербродами. Стол в доме Пяткуса в Старом городе был покрыт накрахмаленной скатертью и на нем были разложены наглаженные салфетки — обязательный атрибут литовских трапез. На столе стояли традиционные литовские закуски, охлажденная водка и несколько бутылок литовского «Каберне».

Пяткус был предельно вежлив, как будто не провел трети жизни в заключении. На нем был костюм, белая рубашка и галстук. Он показал гостям свою обширную коллекцию литовской поэзии, отметив, что хотел бы собрать полную библиотеку официальной и неофициальной поэзии. Во время ужина Пяткус вносил разнообразие в беседу шутками и анекдотами. Все было так цивилизованно, так необычно, так «по-западному».

«В Москве мы не наряжались для встречи с иногородними диссидентами, — вспоминает Алексеева. — Мы их приглашали на кухню и предлагали вместе с нами поесть борщ».

Ситуация была несколько комичная. Алексеева от многих знакомых слышала жалобы на то, что в Литве не любят русских, прохожие игнорируют просьбы показать дорогу, а официанты и продавцы не хотят обслуживать приезжих. В таких рассказах слово «национализм» всегда имело негативный окрас, присказка «они ужасные националисты» подразумевала: «как можно не любить нас — великий русский народ».

Эта нелюбовь была вполне понятна. В 1939 году Гитлер и Сталин, не спросив их мнения, подписали пакт, по которому их страну отдали СССР. В 1940 году были введены советские войска. За этим последовали аресты среди литовской интеллигенции, затем пришли немецкие захватчики, которых многие литовцы восприняли как ос-

вободителей. Советские войска вернулись в 1944 году, из-за чего началась двенадцатилетняя партизанская война. Потери литовцев в той войне составили от 50 до 270 тысяч человек. Примерно 350 тысяч литовцев были сосланы в Сибирь.

Алексеева не несла ответственности за преступления своей страны. Напротив, ее приветствовал почетный караул литовского национального движения. Гостеприимство Пяткуса было известно даже в Москве благодаря торжественному ужину, устроенному им в честь Сахарова в декабре 1975 года. В те дни, когда объявили о присуждении Сахарову Нобелевской премии мира, он находился в Вильнюсе и простаивал дни у здания суда, где слушалось дело Сергея Ковалева.

«У русских есть возможность завоевать уважение литовцев, — думала Алексеева. — Нужно только отказаться от имперского духа и быть готовым умереть за свою и за их свободу».

Во время ужина Алексеева завела разговор о деле, из-за которого приехала в Вильнюс:

— Давайте поговорим о тех семи мальчиках. Я хотела бы с ними встретиться.

— Конечно, — сказал Пяткус. — Мы можем попросить их прийти в шесть.

— Недостаточно поговорить только с ними. Давайте поговорим еще с министром образования.

— Хорошо, — сказал один из литовцев.

Когда в тот же вечер Алексеева снова пришла к Пяткусу, семь юношей уже были там. Алексеева поставила два стула возле окна и присела на один из них, на второй по очереди садились мальчики и рассказывали о событиях, сопутствовавших их исключению из школы. Все они постоянно встречались в квартире Пяткуса. Они рассказывали, что Пяткус разговаривал с ними о католицизме, о литовской истории и литературе. Администрация школы и КГБ узнали об этих собраниях. В течение года их несколько раз вызывали на допросы. В начале следующего учебного им сообщили, что 17 июня 1976 года педсовет принял решение об исключении их из школы. Это означало, что им придется ходить в вечернюю школу. Чтобы получить такое право, они должны были поступить на работу.

— О чем вас спрашивали, когда вызывали?

— Они спросили, пьем ли мы с Пяткусом водку и вино.

— А вы пьете?

— Нет, только чай.

Краем глаза Алексеева наблюдала за тем, как юноши пили чай. Чашка с чаем передавалась по кругу, и каждый делал по глотку. Это было похоже на ритуал, символизирующий братство.

Один мальчик рассказал, что его продержали за решеткой два дня и все это время угрожали исключением из школы.

-
- Они хотели, чтобы я сказал им что-то о Викторасе Антановиче.
— Что именно? — спросила Алексеева.
— Ужасные вещи, — сказал он, покраснев. — Я не хочу их повторять.
— Я должна знать.
— Они хотели, чтобы я сказал, что Викторас Антанович и я гомосексуалисты. Это неправда.

Никто из школьников не согласился с обвинениями КГБ в том, что Пяткус поил их и заставлял вступать с ним в связь. В последующие месяцы давление усилилось, но юноши стояли на своем. Однако в КГБ очевидно не собирались отказываться от развития сюжета с «развращением малолетних старым зэком». Позже во время суда над Пяткусом один солдат срочной службы, который никогда не был его учеником, дал показания, что Пяткус однажды «попытался» его совратить.

— Уверен, что Пяткус не гомосексуалист, — говорил позднее Венцлова. — Конечно, я не следил за ним в замочную скважину, но мне кажется, я бы это заметил. Знаете, во время другого судебного заседания его называли алкоголиком. Но он никогда не пил. Каждый раз, когда я пытался предложить ему выпить, он отказывался.

«Весь тот вечер я видела Пяткуса в компании молодых людей, и я нисколько не сомневаюсь в его отеческом отношении к ним и в полном отсутствии у него каких-либо других чувств, — вспоминает Алексеева. — Я взрослый человек, мать, и я бы заметила, если бы мальчики говорили неправду».

Министр образования Литвы принимал посетителей по понедельникам, до одиннадцати часов. Записи на прием не было, и те, кому не повезло, должны были неделю ждать следующего шанса.

Венцлова и Алексеева опаздывали. Накануне они ездили в северо-западную часть Литвы к двум католическим священникам, которым уже больше десяти лет запрещали проводить религиозные обряды. Священников ни в каком преступлении не обвиняли, просто держали в заходустье как в ссылке. Поездка, результатом которой, как надеялись пригласившие ее литовцы, станет документ Московской Хельсинкской группы, продолжалась до раннего утра понедельника.

Без четверти одиннадцать Венцлова и Алексеева, неспавшие и усталые, вошли в приемную министра Римкуса. Венцлова написал фамилии, и секретарь отнесла листок министру.

«Казалось, что мы безнадежно опоздали, — вспоминает Алексеева. — Но спустя минуту вышел министр и вежливо пригласил нас в кабинет».

Венцлова извинился за опоздание.

— Сын Антанаса Венцлова всегда желанный гость в моем министерстве, — сказал Римкус.

Антанас Венцлова работал в этом же кабинете.

Венцлова-младший еще раз поблагодарил министра и сказал, что он пришел вместе с Людмилой Михайловной Алексеевой из Москвы.

— Я член Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, — добавила Алексеева к этому представлению.

— Какого рода эта организация? — спросил министр, который ничего не слышал о Группе.

— Это общественная группа, — сказала Алексеева.

— Кто ее возглавляет?

— Профессор Юрий Федорович Орлов, член-корреспондент Армянской академии наук.

Регалии должны были внушить доверие министру, чтобы заставить его ответить на вопрос об исключении учеников.

— Это не имеет никакого отношения к Хельсинкским соглашениям, — сказал он. — Они были исключены за поведение, недостойное для советских школьников».

— В чем это проявлялось? — спросила Алексеева.

— Богушис [один из исключенных учеников] был груб с учителем и принес картинку религиозного содержания в класс, а это запрещено Конституцией. В конце концов в нашей стране церковь отделена от государства.

— И это послужило причиной исключения?

— Не только это, — сказал министр. — Я знаю только основные обстоятельства дела и не могу сказать вам точно, что сделал каждый из них, но их исключение было абсолютно законным. В школе вам могут рассказать об этом более подробно.

Было ясно, что министр не намерен продолжать разговор. Венцлова и Алексеева поблагодарили министра и направились в школу.

— Ситуация, как в «Ревизоре», — говорил Венцлова по дороге. — Помните, как начинается: «Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор».

А м м о с Ф е д о р о в и ч . Как ревизор?

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч . Как ревизор?

Г о р о д н и ч и й . Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписанием.

А м м о с Ф е д о р о в и ч . Вот те на!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч . Вот не было заботы, так подай!

Л у к а Л у к и ч . Господи Боже! еще и с секретным предписанием!

В школе несколько учителей и завуч пытались припомнить, какие проступки совершил каждый из исключенных учеников, но не могли объяснить, за что именно их исключили.

Оказалось, что у Добинаса, завуча, не было протокола с решением педсовета об исключении. Когда разговор уже подходил к концу, звонил телефон. Звонил министр, который, судя по ответным репликам, к этому времени узнал, что за Группу возглавлял Юрий Орлов.

«Добинас буквально трясся от страха, — вспоминает Алексеева. — Я поняла, что продолжение встречи не сулит ничего хорошего и поспешила попрощаться, тем более что мы уже выяснили что хотели. Было очевидно, что протокола заседания, на котором было принято официальное решение об исключении, просто не существовало. А это значило, что такого заседания вообще не было».

Алексеева пришла к выводу, что решение об исключении учеников было принято администрацией школы по указанию КГБ. Это было нарушением процедуры исключения.

«Выйдя из школы, мы расхохотались, — вспоминала позже Алексеева. — Для завуча день выдался действительно неудачный. Сначала ему пришлось унижаться перед «ревизором из Москвы», потом перед министром, когда выяснилось, что Алексеева не высокопоставленный чиновник, а московский диверсант. Томас заявил, что по такому поводу грех не выпить. Мы зашли в какой-то бар, где Венцлова заказал шампанское и залпом осушил бокал. А у меня голова кружилась и без шампанского».

Спустя три недели, в Москве, Алексеева узнала, что пятеро литовцев, в том числе Венцлова, решили создать Хельсинкскую группу.

О создании Литовской группы было объявлено 25 ноября 1976 года. Пресс-конференция была назначена на 27 ноября в квартире Орлова. Как обычно, несколько членов Московской группы были заняты подготовкой документов, редактируя их, печатая, поправляя ошибки, снова перепечатывая, проверяли, достаточно ли копий для журналистов. В лучших традициях диссидентов всю работу приходилось делать в последнюю минуту.

«Это делалось, отчасти из-за того, что нам не хотелось, чтобы наши документы были изъяты во время неожиданного обыска, а отчасти из-за нашей природной русской неорганизованности», — говорит Алексеева.

Пяткус и Венцлова пришли подготовленными. Документы их Группы были напечатаны аккуратно и в нужном количестве. Они молча наблюдали за работой диссидентской мастерской.

Спустя некоторое время, Венцлова подошел к Алексеевой и сказал ей шепотом:

— Знаете, что Викторас только что сказал? Он сказал: «Смотрите, как они работают. Смотрите. Вот так Литовская Хельсинкская группа работать не должна».

Глава 14

Рыбаки и охотники

Лидию Воронину можно назвать диссидентом из диссидентов. Она родилась в России, но ни ее гены, ни колыбельные бабушки, ни чтение Толстого и Пушкина не заставили ее почувствовать себя русской — ни этнически, ни культурно. Воронина участвовала в правозащитном движении, но никогда не считала себя «демократом». Она участвовала в еврейском движении за эмиграцию, но не принимала ни иудаизм, ни сионизм. Она постоянно помогала Группе, подписала много документов, но никогда не присоединялась ни к какой организации формально. Если попытаться ее четко охарактеризовать, то можно сказать, что она была философом по образованию и по призванию. Воронина все ставила под сомнение.

Пытливость ума была у нее в крови. Ее дедушка менял свои политически пристрастия от эсеров до большевиков, а затем — меньшевиков. Ее отец, военный юрист, бросил семью и отказался от своего общественного положения, став кочегаром на советском торговом судне, а затем золотоискателем. Мать считала, что у любознательности должны быть границы. Она сделала хорошую карьеру в Министерстве юстиции, став там одним из ведущих правоведов-теоретиков. В свободное от работы время много пила. Однажды Лидия сообщила, что ее телефон отключен.

— У тебя есть право написать жалобу, — посоветовала мама.

Это звучало как насмешка: она была соавтором закона, который позволял отключать телефоны диссидентов, и рассказывала своей дочери о ее правах.

Лидия Воронина разработала философскую концепцию истории своей страны. «Прогресс регресса» — так она ее назвала. «Прогресс» — потому, что политические изменения, несмотря ни на что,

происходили; «регресс» — потому, что с каждым изменением Россия становилась все более варварской страной. Более варварской — из-за таких технических достижений как колючая проволока и атомное оружие. Так, реформатор Петр Великий уничтожил больше людей, чем его предшественники. Революционер Ленин уничтожил больше людей, чем все цари. Сталин уничтожил больше людей, чем Ленин. Хрущев разрешил «оттепель», а потом при нем же похолодало. Брежнев страну снова заморозил. Все новые начинания приносят вред, только движение назад сохраняется.

Воронина считала, что демократия лучше остальных форм правления, но она не верила, что демократические политические институты могут укорениться на русской почве. Демократия не входит в число духовных потребностей русского человека. В 1976 году такие люди как она были многим недовольны, но из-за этого положение не могло измениться, поскольку, согласно теории Ворониной, регресс — это прогресс.

Не все евреи-отказники соглашались с Ворониной.

В 1975 году Воронина, которой тогда было двадцать восемь лет, разозлила своего соратника-отказника, когда на семинаре, посвященном еврейской культуре, она представила свое исследование, посвященное национальному самосознанию советских евреев. По ее мнению, евреи утверждали, что переживают в настоящее время религиозный подъем. Но для большинства из них этот подъем был лишь защитной реакцией на ухудшение условий их жизни в СССР. Сохранится ли такое самосознание, если евреи будут жить в свободном обществе — возможно, в таком обществе, где на каждом углу будет синагога? Будут ли они ходить в эти синагоги?

Советские евреи не знали ни иврит, ни идиш, ни историю своего народа. Более того, в большинстве своем они не относились к иудаизму как к образу жизни. А поскольку иудаизм — это прежде всего образ жизни, никакие книжные познания и уроки иврита для начинающих не смогут сделать из советских евреев настоящих евреев, утверждала она.

Сравните московских евреев с евреями, рожденными в Израиле (саброй), даже не религиозными, или с бруклинскими хасидами. Они хотя и отличаются друг от друга, но воспитывались как евреи, они думают как евреи, а самое главное — эти люди не пытаются *стать* евреями. Они *и так* евреи. В отличие от советских евреев, которые в своем рвении ничего не замечают вокруг, в то время как истинные евреи способны на самопознание и самокритику.

Советские евреи используют иудаизм как противовес советской идеологии, советскому образу жизни. Некоторые просто меняли коммунизм на иудаизм и сионизм. Еврейская проблематика для советских евреев относится больше к области психологии, чем куль-

туры. Для них это способ протеста и защиты. Поэтому, рассуждала Воронина, их озабоченность своим еврейским самосознанием — явление временное. Как только их выпустят, им больше не нужно будет держаться за надуманный иудаизм и они отбросят его за ненужностью.

Выступление Ворониной вызвало шумные дебаты, в ходе которых известные деятели советского еврейского движения использовали привычные — и очень удобные для них — аргументы об «избранном народе» и «еврейском духе», которые не изменились за тысячу лет.

— Кто ее сюда привел? — услышала Воронина шепот.

— А вашего Христа тоже мы убили? — пошутил один ее знакомый отказник.

Когда Орлов организовывал Московскую Хельсинкскую группу, Воронину мало знали и не пригласили, но она была близка к Группе — дружила с Щаранским (они и жили вместе), была оформлена домработницей у Алексеевой (способ защиты от обвинений в тунеядстве). Она часто выполняла разные поручения, печатала документы Группы. Такую неформальную помощь только и можно было от нее ожидать.

В конце ноября 1976 года Щаранский попросил ее поговорить с «ходоками»-пятидесятниками, чтобы понять, можно ли использовать изложенные ими факты при составлении очередного документа.

— Они смешные люди. Они говорят о Боге и хотят эмигрировать, — сказал он.

— Хорошо. Если речь идет о Боге, то это дело для меня, — ответила Воронина.

2 декабря 1976 года к Алексеевой пришли четверо молодых людей. Они стали снимать обувь в прихожей.

— Можете не снимать, — сказала Алексеева.

— Нет, мы не можем войти в грязных ботинках в дом уважаемого человека.

Это были пятидесятники, которые приехали в Москву, чтобы встретиться с западными журналистами. Среди них был друг Гинзбурга по «гадючнику» Федор Сиденко. К тому времени он переехал из Находки в небольшой поселок Старотитаровская на Северном Кавказе. С ним пришли Василий Патрушев и Борис Перчаткин. Они принесли большую папку с написанными от руки автобиографиями пятисот двадцати пятидесятников, которые хотели эмигрировать.

Разувшись, в одних толстых носках, они прошли в комнату. Журналисты уже ждали их. На полу вокруг стульев, на которых они сидели, растеклись лужи грязи — они обувь не снимали.

— Мы хотим уехать из СССР в любую некоммунистическую страну, — сказал один из пятидесятников. — Это правительство преследует одну цель: уничтожить религию и Бога и создать рай на земле.

Мы верим в Бога и наша цель — попасть на небеса. Этой стране мы не нужны. Наши деды сгнули в сталинских лагерях. Наши дети, скорее, попадут за решетку, а не в университеты, потому что наша вера делает их «идеологически неблагонадежными» и недостойными образования. Поэтому мы хотим уехать как община, по религиозным основаниям.

Когда пресс-конференция подходила к концу, Орлов сообщил, что Лидия Воронина по поручению Группы поедет на Дальний Восток и Северный Кавказ, чтобы посетить общины пятидесятников. Орлов полагал, что целью поездки был сбор фактов, и она не сильно отличалась от поездки Алексеевой в Литву. Для Ворониной эта поездка значила гораздо больше.

Ее интересовали пятидесятники. Как и она, они были иноверцами. Как и она, не видели будущего для себя в советском государстве, хотели эмигрировать. Но ее диссидентство было просвещенным. Она пришла к нему через знания, опыт, самоанализ. Их инакомыслие шло от веры. Их дети были рождены в этой вере и принадлежали к четвертому поколению диссидентов. В отличие от Ворониной им не приходилось рвать отношения с сильно пьющей матерью — теоретиком коммунистического права.

«Я бы использовала этот шанс, даже если бы не было Заключительного акта, — говорила позднее Воронина. — Я бы поехала к пятидесятникам, даже если бы не было Орлова, не было Щаранского. Я бы сделала это, даже если бы не было Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР».

Воронина рассматривала эту поездку как путешествие философа для того, чтобы узнать и понять мировоззрение пятидесятников. Ее цели выходили за рамки сбора информации.

Вместе с Ворониной поехал Василий Патрушев, член кавказской общины пятидесятников.

«Невысокого роста, в толстых очках, в длинном пальто и со школьным портфелем в руке, он был похож на типичного „маленького человека“, — вспоминает Воронина. — Но когда он заговорил, я поняла, что в нем есть что-то необычное. Как и другие пятидесятники, он жил по своим особым правилам: рядом с Богом. Как будто Бог был их соседом. Это не метафора. Бог для них более реален, чем упрямом, и намного реальнее каких-нибудь местных коммунистических боссов или какого-то там генерального секретаря».

Уже во время первых бесед с Патрушевым Воронина начала собирать информацию об интересующем ее предмете. Пятидесятники не пили. Труд был одной из ключевых основ их этики. Они не контролировали рождаемость. Такие высказывания, как: «Господь сказал мне...» или «Бог сказал...» — не вызывали у них удивления. Их ненавидели — за то, что они были другими.

Бог не ушел на пенсию после сотворения мира или после того, как распяли Его сына. Он разговаривал с людьми, находясь среди них, а не над ними. Бог был унижен большевиками, их безбожием и жестокими преследованиями праведников. Он сказал, что большевизм будет наказан и что праведники не разделят судьбу слуг дьявола.

Они попадут в Содом, как сказал Аврааму карающий Божий ангел, и ни один праведник не будет изгнан за стены этого города грешников.

В другом откровении Иеремии сказано: «Посему, вот наступают дни, говорит Господь, когда уже не будут говорить: „жив Господь, Который вывел сынов Израилевых из земли Египетской“, но: „жив Господь, Который вывел и Который привел племя дома Израилева из земли северной и из всех земель, куда Я изгнал их“, и будут жить на земле своей.

„Вот, Я пошлю множество рыболовов, говорит Господь, и будут ловить их; а потом пошлю множество охотников, и они погонят их со всякой горы, и со всякого холма, и из ущелий скал. Ибо очи Мои на всех путях их; они не скрыты от лица Моего, и неправда их не сокрыта от очей Моих. И воздам им прежде всего за неправду их и за сугубый грех их, потому что осквернили землю Мою, трупами гнусных своих и мерзостями своими наполнили наследие Мое“.

Под «северной страной» подразумевалась Россия. «Безобразными идолами» были вожди мирового пролетариата. Но кто такие «рыбаки» и «охотники»? Это было намеком на предстоящий Исход. Для каждого вида рыбы «рыбак» использует особый способ ловли; он не будет ловить акулу той же удочкой, что форель. Поэтому, когда «рыбаки», под которыми в данном случае подразумевался Запад, решили освободить Солженицына, они были посланы за ним и только за ним; Федю Сиденко нельзя было зацепить тем же крючком. Охотники были другими. Когда они идут по лесу, от них прячутся, пытаются спастись, все животные: птицы, волки, олени. Никто не остается в стороне. Поэтому когда придут божьи охотники, Исход не будет ограничиваться одним Солженицыным. В нем будет участвовать и Сиденко.

«Орлов, Щаранский и члены той самой комиссии Конгресса никогда бы не подумали, что эти люди считают их участниками Божьего замысла о спасении человечества», — говорила позднее Воронина.

Каждый день лидеры пятидесятников садились возле радиоприемников. Они слушали «Голос Америки» и соотносили события в мире с Библией и своими собственными откровениями.

Время Исхода евреев и пятидесятников пришло, говорили они Ворониной. Праведные пятидесятники пойдут следом за Избранным Народом.

Пятидесятники жили во многих уголках Советского Союза, но самое многочисленное их поселение находилось в портовом городе Находке. Некоторые были уверены, что именно отсюда, с побережья

Японского моря, Бог заберет праведников. Некоторые думали, что осуществится это при помощи второго Ноева ковчега.

У Ворониной сложилось впечатление, что Находка не похожа ни на один город из тех, что она видела: вытянутый узкой лентой вдоль залива в форме подковы, с запада он был окружен сопками, на которых росли деревья. Этот пейзаж напоминал китайскую акварель, если бы не разрушенные холмы, где продолжалось строительство.

Город строили заключенные сразу после войны. В начале пятидесятых город был закрыт практически для всех, за исключением его строителей. Немало среди них было заключенных тринадцати расположенных здесь же исправительно-трудовых лагерей. Новый город должен был стать крупным морским торговым портом.

После окончания строительства основных объектов лагеря были передислоцированы за черту города и оставленные бараки использовались под жилье. Власти не возражали против переезда туда пятидесятников. Они были хорошими работниками, которые в отличие от многих других ответственно относились к своей работе и на них можно было положиться. По прошествии нескольких лет некоторые пятидесятники разобрали ветхие сооружения и использовали их как древесину, но многие просто поселились в бараках, оставив все, как было. Бараки сохранялись до 1974 года, когда власти, готовясь к приезду президента Форда, снесли это напоминание о сталинском режиме. Форд побывал только во Владивостоке, который находится в двухстах пятнадцати километрах к северу от Находки.

Воронина познакомилась с фольклором пятидесятников, который в основном состоял из поучительных притчей о божественном промысле в истории.

«В 1930-х годах Он сказал тысячам пятидесятников поселиться на границе с Китаем. Они так и поступили, и лишь немногие ослушались...»

Была еще история о послании Бога Ефросинье Кулабаховой, практически неграмотной работнице.

По ее словам, в 1948 году она услышала Бога: «Сначала ты пройдешь через заключение, потом пройдешь через Вену и Рим и придешь в далекую страну Америку».

Спустя несколько месяцев, когда Ефросинья жарила картошку на ужин, Бог сказал ей: «Они идут за тобой». К тому моменту, когда картошка была готова, в дверях уже стояли милиционеры. Женщину приговорили к десяти годам лагерей, но через шесть лет освободили, и вскоре она переехала в Находку.

В 1975 году Ефросинье разрешили покинуть страну. Побывав в Вене и Риме, она поселилась недалеко от Лос-Анджелеса. Как рассказывали Ворониной, разрешение на эмиграцию получили не более пяти семей.

Из Владивостока Воронина и Патрушев вылетели в Краснодар. Самолет приземлился в аэропорту около полуночи. Ближайший автобус до Старотитаровской отправлялся утром, и они были вынуждены коротать ночь на автовокзале, в маленьком строении, где на скамейках лежали не совсем трезвые граждане, а туалет находился на улице.

Обстановка, можно сказать, была вполне типичная, если бы из-за кустов не доносились разговоры по рации:

— Объект направляется к туалету. Конец связи.

— Продолжайте наблюдение. Конец связи.

Десяток начинающих оперативников, командированных местным КГБ, вели свою первую слежку.

Вернувшись в здание вокзала, Воронина обнаружила, что Патрушев спит на скамейке, положив под голову портфель и укрывшись пальто.

Старотитаровская когда-то была казачьей станицей с грунтовыми дорогами. Поскольку зимы на Северном Кавказе теплые, дороги эти представляли собой непроходимую грязь и слякоть.

Патрушев привел Воронину к Николаю Горетому, бывшему школьному учителю и ветерану войны, который когда-то был лидером пятидесятников на Дальнем Востоке. Десять лет назад Горетой переселился на Северный Кавказ из-за раскола в общине. В доме Горетого Воронину уже ждали несколько десятков человек, чтобы рассказать ей о своих проблемах. Проблемы эти разнообразием не отличались.

Один старик рассказал, что провел много лет в сталинских лагерях, потом скрывался в лесах, чтобы избежать преследований. Мужчина средних лет сказал, что рос, не зная ни родителей, ни бабушек и дедушек — все они были в заключении за веру. Молодой человек рассказал, что не его не принимают в университет и он боится, что его призовут в армию.

Ей рассказали и еще об одной проблеме. В день приезда Ворониной председатель колхоза, начальник милиции и сотрудник областного КГБ из отдела «по делам религий» начали вызывать пятидесятников на неофициальные беседы. «Вы религиозные люди. Вас должны интересовать духовные вопросы. Зачем же вам разговаривать с девушкой из Москвы, которая вмешивается в политику?»

Несмотря на это пятидесятники продолжали идти к Ворониной. Один парень жаловался на родителей — они не разрешают ему ходить на танцы: «Я понимаю, что это от дьявола, но мне тяжело побороть это искушение».

Когда она спросила жену Горетого, почему у одного из ее трех сыновей забинтована рука, та ответила:

— С мальчишками подрался и руку сломал.

Оказалось, мальчик увидел, как ребята пытаются повязать пионерский галстук собаке. Он хотел их остановить, сказал, что они ос-

кверняют коммунистический символ и издеваются над собакой. Но эти доводы их не убедили, в ответ они применили силу.

Мать мальчика рассказала свою историю. Несколько лет назад, когда ее муж был в тюрьме, ей пришлось искать работу, чтобы прокормить четверых детей. Она устроилась в детскую больницу уборщицей — должность, на которую других претендентов не нашлось — и работала на совесть. На этажах и в палатах всегда было чисто. Она никогда не опаздывала, не перечила начальству. Вскоре главный врач вызвал ее к себе в кабинет: «Вы хороший, честный работник, — сказал он. — Я хотел бы, чтобы вы заменили одну воровку на кухне. Но я не могу этого сделать. Все знают, что вы религиозный фанатик и, честно говоря, я тоже побаиваюсь, может, вы отраву в молоко подсыплете».

Еще одну историю рассказала девочка, которая отказалась писать сочинение на тему «Бери пример с коммуниста».

— Коммунисты убили моего дедушку, — объяснила она свой отказ директору школы.

— Но партия исправила свои ошибки и теперь коммунисты хорошие, — сказал директор. — Я, например.

— Вы не хороший коммунист. Все знают, что вы воруете кирпичи в школе. — Девочку учили быть честной.

Регулярно слушая радио, пятидесятники были в курсе событий за рубежом — в Южной Африке, Северной Ирландии, на Ближнем Востоке. Они могли назвать имена трех последних канцлеров Австрии и членов коалиционного правительства Италии — чего Воронина никогда даже и не знала.

Но больше всего пятидесятников интересовала информация о Джимми Картере, баптисте-южанине, который только что стал президентом Соединенных Штатов. Баптисты, по их мнению, были близки к пятидесятникам. Жители Старотитаровской называли президента Картера «наш»: «Наш пришел к власти. Он нам поможет».

«Они все про него знали, — вспоминает Воронина. — Они знали, что его жену зовут Розалина, о писательнице Лилиан Хеллман. Они знали имена их детей и сколько им лет. Они знали о Великих равнинах, о штате Джорджия, знали название церкви в Вашингтоне, которую посещали Картеры, и улицу, на которой она была расположена.»

Мы, так называемые образованные люди, ограничены стереотипами и поэтому не воспринимаем вещи непосредственно, из-за чего многого не знаем о мире. А они как дети. Мир для них целостная система, и они воспринимают себя частью этой системы.

Они жили в этой всеми забытой деревне, по колено в грязи, но остальной мир не был так далек от них, как от меня, москвички.

Эти люди были здоровыми внутренне. Своими рассказами они повлияли на мои убеждения и заставили меня изменить взгляд на мир.

Как вы думаете, что происходит, когда ребенок рассказывает вам, что ему сломали руку за то, что он пытался защитить коммунистический символ от осквернения? Вы бы изменились».

В день приезда Ворониной в Находку хозяева дома, в котором она остановилась, забили теленка. Дети порезали мясо на кусочки, прокрутили через мясорубку. Другие делали тесто для пельменей — традиционного сибирского блюда.

Воронина попыталась заговорить с детьми. Ей хотелось узнать их получше, понять какво это — быть диссидентом в четвертом поколении, когда тебя все ненавидят, когда ты вынужден с рождения вести двойную жизнь.

Дети были маленькими, а некоторые еще и выглядели младше своего возраста. Они были вежливы, но неразговорчивы. Отвечали на вопросы, но ответы были лаконичными: «да» или «нет». Они никогда не смотрели Ворониной в глаза, как будто пытались от нее что-то скрыть и совсем не походили на юных героев. В их глазах поселился страх из-за наказаний в школе, строгостей в семье. Чувствовалось, что они испытывают эмоциональное перенапряжение.

У Ворониной был фотоаппарат и она сделала фотоснимки детей.

На той неделе многое произошло. Она побывала на тайном молебне в каком-то доме, куда надо было пробираться через сугробы. Ей пришлось не раз отказываться от предложения принять веру пятидесятников и обрести вечную благодать. Она выслушала множество историй о семьях пятидесятников, пострадавших за веру. В последний день один из лидеров поблагодарил Воронину за помощь и спросил, могут ли они что-нибудь для нее сделать.

— Да, — ответила она. — Давайте купим конфет и устроим праздник для детей.

На следующий день в одном из домов собрались дети. Они сосали леденцы, говорили тихими голосами, были вежливы и немного стеснялись. Воронина взяла фотоаппарат, стала наводить на резкость, рассматривая в видоискатель маленькую девочку и вдруг ощутила неловкость, как будто она была знатной дамой, у которой сегодня по плану посещение детского приюта.

Старый «Запорожец» ехал по прибрежной трассе в северном направлении — во Владивосток.

Попутчики Ворониной продолжали рассказывать истории о Боге, об их разговорах с Ним, о спасении, которое Бог даровал праведникам за то, что они боролись с искушениями дьявола. Прошло три недели, а словосочетание «Бог сказал» все еще резало ей слух.

Справа от дороги был стального цвета океан, слева темно-бурые сопки. Кое-где на них росли низкие дубы. Их ветви почти стелились

по земле, а листья держались так крепко, что не опадали осенью. Они так и замерзали: темные, блестящие и мертвые. Солнце садилось за сопки, придавая небу багровый оттенок.

Между дорогой и сопками расположились лагеря и кладбища. Воронина видела эков за колючей проволокой, сторожевые вышки, солдат с автоматами. За лагерями начинались кладбища: мраморныеobelisks с бронзовыми звездами, железные ограды, памятники в стиле соцреализма.

Покрытая грязным снегом дорога вилась между сопками и морем под ярким дальневосточным небом. Воронина увидела на горизонте оранжевое пятно, потом оно разделилось на два. Издалека было не разобрать, что это, но через несколько минут она увидела очертания двух грузовиков и по мере их приближения разглядела груз: они везли клетки. Когда грузовики проезжали мимо, она заметила, что в каждой кабине — по два солдата и водитель в военной форме. В открытых клетках были люди — заключенные.

— Какой-то сюр, — усмехнулась Воронина.

Она снова оглянулась вокруг и стала делать заметки о серо-стальных водах Тихого океана, замороженных деревьях, багровом небе,obelisks, сторожевых вышках, извилистой дороге, оранжевых грузовиках, на которых везут людей в клетках. Все это было похоже на картины Сальвадора Дали.

— У меня поехала крыша, — решила Воронина.

1 января 1977 года эта история в изложении Тота появилась на первой странице «Лос-Анджелес таймс».

«Преследуемое меньшинство из четырехсот тысяч человек. Пятидесятники хотят уехать из России.»

Вера пятидесятников здесь уникальна, она существует вопреки воинствующему атеизму. Иван Воронаев, родившийся в России, принял новую веру в Соединенных Штатах, вернулся в Одессу в 1918, чтобы проповедовать эту веру.

В настоящее время в Советском Союзе примерно четыреста тысяч пятидесятников. По словам Василия Патрушева, сорока шести лет, который живет в Находке, около двухсот тысяч из них пошли на компромисс с властью и официально зарегистрировались как «религиозное общество». Он рассказал об этом одному из московских диссидентов в прошлом месяце.

Но примерно столько же, по словам Патрушева, оказались от регистрации, хотя это позволило бы им открыто совершать обряды, но тогда им пришлось бы соблюдать советские законы, хотя некоторые законы, например служба в армии, — противоречат их вере... Отказ от регистрации грозит наказаниями — штраф, эквивалентный 133

долларам за участие в церковной службе и до пяти лет тюрьмы за организацию такой службы.

Многие пятидесятники, включая Патрушева, отбыли наказание в виде лишения свободы из-за своего вероисповедания, как рассказывает Лидия Воронина, посетившая общины пятидесятников в Находке и Краснодаре. Она ездила туда по поручению общественной организации, целью которой является наблюдение за выполнением гуманитарных статей Хельсинкских соглашений.

В настоящее время верующие в меньшей степени подвергаются арестам и штрафам, чем десять лет назад, сообщила в интервью на прошлой неделе Воронина. Но давление со стороны властей продолжается. Иногда это внезапные милицейские обыски, иногда — попытки настроить людей против пятидесятников.

Воронина была на лекции в Находке, во время которой лектор обвинял пятидесятников в том, что они живут лучше, чем их соседи не потому, что они экономные, трудолюбивые и непьющие, а потому, что «ночью прилетают американские вертолеты и сбрасывают деньги у домов этих слуг империалистов».

Большинство незарегистрированных пятидесятников (90% членов общины в Находке, насчитывающей от трех до пяти тысяч человек), а также часть зарегистрированных пятидесятников хотят уехать из Советского Союза куда угодно, где бы они могли свободно исповедовать свою веру, сообщает Воронина.

Пятидесятники хотят эмигрировать не только из-за невыносимых условий труда и учебы в школе их детей. Они верят, что их эмиграция предсказана в Библии, в которой говорится, что однажды Бог заберет свой народ с этой земли. Движение за эмиграцию советских евреев в Израиль было очень важным религиозным знаком для пятидесятников, потому что они считают, что евреи — это Богом избранный народ, и поддерживают их намерение уехать, говорит Воронина.

Пятидесятники считают диссидентов Андрея Сахарова и Юрия Орлова орудием в руках Господа, продолжает Воронина, и рассматривают избрание Джимми Картера — поскольку он баптист и близок по вере к пятидесятникам — еще одним хорошим знаком, свидетельствующим о том, что их скоро заберут из Советского Союза...

Николай Горетой, пятидесяти лет, главный духовный лидер незарегистрированной общины пятидесятников, которые живут в Старо-Киторовке (!) в Краснодарском крае, сказал, что в КГБ ему предложили подать заявление на визу в Израиль.... По словам Ворониной, он отказался, объяснив это так: „К своей здешней общине я ближе, чем к каким-нибудь родственникам за границей“.

Сейчас они хотят эмигрировать всей общиной, по возможности в Америку, Канаду или Австралию, где имеются многочисленные общины пятидесятников, сказала она...

Им дают самую плохую работу, кем бы они ни были, — говорит Воронина. — Даже если они самые трудолюбивые, ничего не крадут и не пьют. Вы не представляете, насколько это необычно для советских работников...

Они хотят дать образование своим детям, которые часто очень талантливы. Но их детей не принимают в высшие учебные заведения, потому что они отказываются вступать в молодежные коммунистические организации — такие как пионерия и комсомол. Из-за этого им не дают положительных характеристик, говорит она».

В данном случае Воронина послужила не просто источником информации для корреспондента и не только экспертом — она выполнила работу журналиста, и ни Тот, ни редакция в Лос-Анджелесе не считали это помехой. Теперь сотрудничество с Московской Хельсинкской группой стало плюсом.

«Не думаю, что Группа Орлова планировала серьезно заниматься проблемами верующих, но после этого случая они начали проводить масштабные исследования и опросы», — вспоминает Тот.

Глава 15

«Я ожидал их так давно...»

4 января 1977 года в половине восьмого утра долгий звонок в дверь разбудил Юрия и Ирину Орловых.

«Только иногородние или милиция звонят так долго».

Орловы не хотели общаться ни с иногородними гостями, ни с милицией, но звонок не замолкал. Затем послышался крик:

— Откройте!

Это действительно была милиция.

Орлову нужно было многое сделать, прежде чем открыть дверь. Они с Ириной бегали по квартире, собирая записи и документы, которые могли вменить в вину им и их друзьям. Звук слива воды в туалете перебивал доносящиеся с лестничной площадки угрозы выломать дверь. Минут через двадцать дверь взломали и вошедшие стражники порядка почувствовали запах гари от сожженной бумаги.

Одновременно начались обыски у Алексеевой и Гинзбурга.

Гинзбурга дома не было, он с утра пораньше пошел к писателю Льву Копелеву помочь ему собрать книжные полки.

Начальник группы из семи человек, проводившей обыск, представился как следователь Боровик и предложил Арине отдать ему все материалы, содержащие «заведомо ложную информацию». Жолковская сказала, что таких материалов в доме нет, и обыск начался.

«В первые десять минут следователь Боровик сам начал обыск с туалета, настойчиво требуя, чтобы Жолковская находилась рядом, — сообщалось потом в документе Группы. — Повернувшись к Жолковской и понятому спиной, он открыл дверцу шкафа в уборной, порывшись там (где именно, со спины видно не было) и извлек конверт... Затем, для порядка пару минут порывшись в шкафу туалета, заглянул в ванную, а затем с конвертом в руках, не заходя ни на кухню, ни в дру-

гую комнату, вернулся в большую комнату, где его ждали остальные обыскивающие».

В конверте, на который потом ссылались власти, было 130 долларов США и 1400 немецких марок.

В протоколе обыска было написано, что иностранная валюта хранилась в тайнике, а рядом был конверт из Америки, подписанный В. Туркиной. Вероника Туркина, дальняя родственница Солженицына, эмигрировала в США и поселилась в Нью-Йорке за два года до этих событий. Там она организовала сбор книг и снабжала ими всех, кто хотел и мог привезти их из Америки в СССР. Большой пустой конверт Гинзбург и не думал прятать, просто положил в стенной шкаф в туалете, авось пригодится.

На первый взгляд складывалась вполне правдоподобная картина. Во время обыска в квартире распорядителя благотворительного фонда Солженицына найден конверт, на котором не было никаких признаков того, что он был послан по почте, а был только обратный адрес родственницы Солженицына в Нью-Йорке, и тут же — иностранная валюта. Результаты обыска могли иметь крайне серьезные последствия для Гинзбургов. Операции с валютой считались в СССР преступлением.

По прошествии десяти лет Гинзбург признался, что некоторые деньги он получал в обход советских законов, регулирующих денежный оборот, но никогда в иностранной валюте. Иногда добровольные помощники на Западе покупали там советские рубли и контрабандным путем провозили их в СССР. Это позволяло выиграть на разнице курсов и избежать уплаты комиссионных и пошлин. Гинзбург вспоминал, как однажды пришли в гости студенты из какой-то скандинавской страны, приехавшие изучать русский язык. Желая чем-то помочь семьям узников совести, они стали вынимать из карманов свои доллары и кроны.

«Я предложил им сходить в „Березку“ и купить твердокопченной колбасы к ужину. Это была единственная твердая валюта, которую мы могли принять».

Через полчаса после начала обыска хозяин квартиры вернулся. Семь человек рылись в его вещах.

«Ну, все, п...ц», — сказал себе Гинзбург.

Опытный зэк, он не был склонен недооценивать власти. Конечно, с помощью информаторов и прослушивающих устройств КГБ должен знать о каждом его шаге. Гинзбург не сомневался, что раньше или позже, но обыск будет, а за ним последует арест.

Он наблюдал за тем, как обыскивающие пытались найти вещественные доказательства. Книги, записи, письма, деньги — все укладывали в большие холщовые мешки. Своих денег у Гинзбурга на тот момент осталось всего-ничего, но в столе хранилось четыре тысячи

рублей из средств фонда. Уже несколько лет он думал, что надо бы перевезти книги и документы из дома в более надежное место, но их было слишком много и со временем скапливалось все больше. Каждый день появлялись новые документы, письма, обращения. Иностранцы приносили книги, письма, снова книги. Постепенно Гинзбург свыкся с мыслью, что все это так и останется у него дома. У КГБ и без того хватит улики против него.

«Ничего другого я ведь и не ожидал», — думал он, глядя, как оперативники снуют по квартире. Холодный воздух из окна перемешивался с едким запахом табачного дыма. Он не чувствовал ни страха, ни злости. Не чувствовал даже холода.

В полдень Джордж Крымский узнал об обысках и поспешил к месту событий. Выйдя из лифта на этаже, где находилась квартира Гинзбурга, он увидел сидящего на ступеньках Андрея Сахарова.

— Там обыск, — сказал Сахаров, который только что безуспешно пытался зайти в квартиру.

Крымский подошел к двери и стал слушать. По голосам там было человек пять. Он постучал. Стало тихо, а потом, будто выполняя приказ, Гинзбург спросил:

— Кто там?

— Алик, это Джордж! — Крымский знал, что Гинзбург обрадуется, услышав его голос.

Появление журналиста Ассошиэйтед Пресс даст понять гэбэшникам, что информация об обыске попадет в прессу и на радио задолго до того, как они закончат рыться в вещах Гинзбурга.

— Я занят. Ты не мог бы прийти позже? — сказал Гинзбург. Его речь звучала неестественно.

— Как ты? Что там происходит?

— Уходите, это не ваше дело, — послышался мужской голос из-за двери.

Крымский посмотрел на Сахарова. Тот сидел на ступеньках, наблюдая за попытками Крымского попасть в квартиру, но выглядел как-то отстраненно. Он смотрел тем отсутствующим взглядом, каким теоретик смотрит на окружающий мир, будучи погружен в свои мысли. Если его мысли сейчас занимал КГБ, он должен был изучить этот предмет так же, как он изучал атом водорода.

Годами Крымский видел Сахарова, каким немногие его видели: миролюбивый человек, которому явно не хватало политического опыта и который выглядел совершенно беспомощным, когда ему приходилось спускаться из стратосферы теорий на грешную землю. Вот он в запачканной крошками рубашке ест свой любимый творог со сметаной и сахаром; вот он долго смотрит в пустоту рассеянным взглядом или вдруг замолкает посередине предложения и выглядит при этом, как ребенок, заблудившийся в шумной толпе.

Взгляд Сахарова заставил Крымского вспомнить истории об Альберте Эйнштейне, который по дороге домой в Принстоне мог забыть свой адрес. И тем не менее Эйнштейн не стал самым известным диссидентом Германии или Америки. Смог бы Эйнштейн ударить милиционера во время суда над Джемилевым в Омске, как это сделал Сахаров девятью месяцами раньше? В тот день в Омске что-то принципиально важное было поставлено на кон.

Крымский сел рядом с Сахаровым.

Алексеева в тот день тоже не ожидала обыска. Они с мужем ждали Колиного приятеля, который хотел взять почитать книгу и, возможно, остаться на чашку чая.

Приятель пришел в половине восьмого. В тот момент, когда он нажал кнопку звонка, из-за мусоропровода выскочил целый отряд. Открыв дверь, Алексеева увидела гостя с открытым от неожиданности ртом. Его окружали семь человек — двое по бокам и пятеро сзади.

— Обыск, — сказал один из них.

Люди в штатском вошли в квартиру; гость стоял на площадке.

— Извини, кажется, тебе лучше прийти попозже, — сказала ему Алексеева.

— Да, да, конечно, я приду в другой раз.

Она закрыла дверь.

Обыскивающие зашли в большую комнату, которая в двухкомнатной квартире служила и гостиной, и спальней, и кабинетом.

— Покажите, пожалуйста, ваши документы, — сказала Алексеева.

— Можете поверить нам на слово, что мы действуем от имени государственных органов, — сказал тот же человек, который сообщил о проведении обыска.

— Как я могу поверить, что вы пришли от имени государственных органов? Это на вас не написано. Документы, пожалуйста.

Человек, который, по-видимому, руководил обыском, показал удостоверение — он был из московской прокуратуры.

— Остальные тоже, — сказала Алексеева.

— Я думаю, моих документов достаточно. Остальные со мной.

— Я требую, чтобы они предъявили документы.

— Людмила Михайловна, я боюсь, мы не можем выполнить ваши требования.

Они вели себя вежливо.

Тем временем обыскивающие подошли к двум шкафам, которые в доме называли «самиздатскими». Был и еще один шкаф, в нем хранились материалы Хельсинкской группы.

Создавалось впечатление, что у обыскивающих было чутье на подпольную литературу. «Скорее всего, они уже нанесли нам „неофициальный“ визит», — подумала Алексеева.

Самиздатские шкафы лишились своих сокровищ. Там были книги Солженицына, Сахарова, Пастернака, Зиновьева, Марченко. Шкаф Хельсинкской группы тоже был опустошен. За день до этого Алексеева подготовила бумаги для передачи на Запад и разложила их по конвертам. Самый толстый был адресован в «Хронику-пресс» в Нью-Йорке, остальные — в «Голос Америки» и «Радио Свобода».

Эти письма планировалось отправить прошлым вечером, но знакомый Алексеевой из посольства США не пришел. Посол Малкольм Тун ужесточил политику на предмет общения сотрудников посольства с местными и строго запретил им пересылать документы диссидентов диппочтой.

Теперь документы были в руках КГБ. Самой существенной уликой было письмо, адресованное «Радио Свобода». Базирующаяся в Мюнхине радиостанция финансировалась американским Конгрессом. Поначалу налогоплательщикам говорили, что она создана на «частные пожертвования». Когда выяснилось, что большая часть расходов покрывала ЦРУ, США отказались от мифа о благотворительности, открыто финансируя радиостанцию в пределах сумм, утверждаемых Конгрессом. Даже во время «разрядки», когда советские люди вдруг с легкостью стали ловить «Голос Америки», власти продолжали глушить «Радио Свобода».

В восемь утра Валентина Афанасьевна Ефименко, мать Алексеевой, вышла на кухню готовить завтрак. Она и младший сын Алексеевой, Михаил, жили в маленькой комнате. Эта комната гэбэшников не заинтересовала.

— Мапочка, не волнуйся, пожалуйста, у нас идет обыск, — предупредила Алексеева.

— А, обыск. — Валентина Афанасьевна продолжала вынимать что-то из холодильника.

Алексеева вернулась в большую комнату. Стопка на столе стала еще выше. Обыскивающие отбирали бумаги и складывали их в мешки.

«В маленькой комнате тоже должны быть книги, — подумала Алексеева. — Наверняка они взяли что-то почитать перед сном и уж точно не „Правду“».

— Мама, — сказала Алексеева, вернувшись на кухню. — У тебя в комнате, наверное, есть какие-то книги.

— Да.

— Ты понимаешь, там ничего не должно быть.

Около половины десятого в дверь позвонили. Алексеева кинулась открывать, но ее опередил оперативник. Он встал у двери, приложив указательный палец к губам.

— Кто там? Я не могу открыть. Мне не дадут, здесь обыск. — выкрикнула Алексеева.

— Это Валя Турчин. У Орловых и Гинзбургов тоже обыск.

Краем глаза Алексеева видела, что мама вернулась в свою комнату. Потом увидела, как она из нее вышла.

«Молодец, мама».

В десять утра к дому Алексеевой подошли Щаранский и Воронина. Они сильно удивились, увидев скопление машин у подъезда. Напротив дома стояла черная «Волга». Тут же был серый фургон с занавешенными окнами. В стоящем возле него человеке Щаранский узнал свой старый «хвост».

— Кажется, что-то случилось, — сказал Щаранский. — Если мы зайдем, то можем застрять там на весь день. Пойдем или нет?

— Пойдем.

На этот раз гэбисты не помешали Алексеевой открыть дверь. Видимо, хотели повидать Щаранского и Воронину.

Алексеева провела гостей на кухню, к ним присоединился Вильямс. На холодильнике лежали три книги из маминой комнаты: «Мои показания» Марченко, «Зияющие высоты» Александра Зиновьева и последний номер «Континента» — журнала, который издавался русскими эмигрантами в Париже.

Оставлять их на виду было все равно что выбросить. Алексеева кинула «Континент» и «Мои показания» под кухонный стол — обыскивающим придется хотя бы наклониться, чтобы их увидеть. «Зияющие высоты» она оставила на столе — в данной ситуации это довольно подходящее чтение: пародия на советскую историю и культуру, действие которой происходит в вымышленном местечке Ибанске. Жители Ибанска «на голову выше остальных, за исключением тех, кто последовал их примеру». Они «не живут, а осуществляют исторические мероприятия», одно из которых — это «сошизм», «воображаемый социальный порядок, который будет претворен в жизнь, если люди будут вести себя в полном соответствии с социальными законами. На самом деле, этого никогда невозможно достичь из-за ложности посылок, на которых это основано».

Гости стали читать самые любимые отрывки, осознавая всю иронию происходящего. Алексеева пошла в комнату посмотреть, что там происходит.

Обыскивающие рылись в столе, где хранилась частная переписка Алексеевой и Вильямса, его тетради с математическими расчетами. Серые мешки быстро наполнялись. Некоторые уже были перевязаны и опечатаны.

— Это нарушение правил! — заявила Алексеева, хотя она не знала точно, какие именно правила были нарушены. — Вы могли что угодно положить в эти мешки! Я требую, чтобы их распаковали и составили опись!

Начальник группы обыска отказался.

— Тогда я в знак протеста прошу всех покинуть комнату.

Вильямс и гости перешли на кухню.

К двум часам дня все проголодались. Алексеева подогрела борщ, пожарила окуня и картошку. Гэбэшники продолжали листать бумаги. По квартире распространился запах жаренной рыбы. Пять человек сидели за кухонным столом; им не надо было писать документы, им некуда было спешить, они просто сели пообедать. Обычное дело. Только смех был необычно громкий. Алексеева еще никогда не слышала, чтоб ее друзья так громко смеялись.

Через шесть часов главный из обыскивающих зашел на кухню.

— Людмила Михайловна, мы закончили. Опись на столе.

— До свидания.

— Всего хорошего.

Потом он подошел к Ворониной и показал ордер на обыск ее квартиры. Он сказал, что они должны провести там обыск немедленно. Когда Щаранский потребовал, чтобы ему позволили пойти с ними, ему отказали.

Алексеева зашла в большую комнату. Было такое впечатление, что обыскивающие постарались прибраться и вернуть все вещи на место. Мебель стояла там, где всегда. Картины висели на стенах, хотя слегка покосились. Но осматривать, что где не так сейчас некогда. Нужно, не теряя времени, сообщить обо всем журналистам.

Телефон в квартире отключили, и она побежала к ближайшему таксофону.

В редакции «Нью-Йорк таймс» Кристофер Рен рассказал ей, что еще до окончания обыска ТАСС передал сообщение о том, что обнаружены доказательства связи Орлова, Гинзбурга и Алексеевой с Народно-трудовым союзом (НТС). Эта базировавшаяся во Франкфурте организация, созданная русскими эмигрантами, сотрудничала с нацистами во время второй мировой войны.

Алексеева позвонила Крымскому в Ассошиэйтед Пресс, потом сделала несколько звонков в другие агентства в надежде найти кого-то, кто более или менее понимает по-русски. Но таких не нашлось.

Алексеева вернулась домой. И тут телефон ожил.

— Я слышал, у вас был обыск, — это был друг.

— Да.

— Много самиздата забрали?

— Нет. Они плохо работали, не нашли несколько книг под кухонным столом.

Телефон прослушивался, так почему бы не подкинуть этим парням немного проблем на работе, решила она. Их могут вызвать к начальству и поругать за то, что они нашли не все книги, а то и понизить в должности.

Алексеева подошла к окну, прислонила голову к холодному стеклу. Это уже пятый обыск в ее жизни. Он так же опустошил душу,

как первый. Понять, что чувствовала Алексеева в тот момент, можно, прочитав стихотворение Виктора Некипелова, которое он написал несколько после такого же обыска у него дома:

Я ожидал их так давно,
Что в час, когда пришли,
Мне стало так же все равно,
Как лодке на мели.

Я оглядел их сверху вниз —
Процессию теней:
На козых ножках — тельца крыс
И хоботки свиной.

Они рванулись, как на мед,
На давний мой дневник...
Они оставили помет
На переплетах книг...

Какой-то выхватив альбом,
Захрюкали в углу...
А я стоял, прижавшись лбом
К прохладному стеклу.

А я глядел на дальний бор,
На три моих сосны,
Я знал, что все иное вздор,
Непрошенные сны.

Там, отрицая этот сброд,
Лаская и даря, —
Вставала из раздольных вод
Пурпурная заря.

И в лике пенных облаков,
Прекрасны и тихи,
Текли, не ведая оков,
Бессмертные стихи.

Не зная страха и утрат,
Был легок путь в зенит...
Я знал, что этот высший лад
Никто не осквернит.

И оглянувшись на зверье,
На разоренный стол,
Я, как во сне, сказал:
«Мое.
Давайте протокол».

Алексеева подошла к столу, на котором обыскивающие оставили опись. Они забрали все документы Московской Хельсинкской группы, новую пишущую машинку, пачку бумаг, все прошлые номера

«Хроники текущих событий», один номер «Континента», один номер журнала НТС «Посев», печатавшийся во Франкфурте.

Она просмотрела опись, положила ее обратно. Рядом на столе лежал конверт. На нем — надпись ее рукой: «Радио Свобода». Эту самую серьезную улику гэбэшники не взяли. Они не могли ее проглядеть. Очевидно, это был знак — они решили, что лучше не арестовывать ее, а выслать из страны.

От дома Алексеевой до площади трех вокзалов, где жила Воронина, можно доехать на машине за десять минут. На этот раз дорога заняла больше часа. Видимо КГБ получил какую-то таинственную директиву, и они долго кружили по Москве — может, просто чтобы нагнать страху на «объект».

Поездка была не из приятных. Рядом с Ворониной на заднем сиденье уселись трое сотрудников КГБ в теплых зимних пальто, с переносными рациями в карманах. Было тесно и душно, пахло бензином и сигаретами.

Квартира Ворониной была ненамного просторнее машины. В комнате помещалось четыре стеллажа с книгами, кровать, стол и комод.

Руководитель группы обыска предложил предъявить «все документы, содержащие «заведомо ложные сведения, порочащие советский общественный и государственный строй».

— О каких именно документах вы говорите? — спросила Воронина, пытаясь усложнить их задачу. — Я не понимаю, что значит «заведомо ложные и порочащие».

— Работы Солженицына, Сахарова, документы Хельсинкской группы.

— И все?

— Да.

— Я не считаю, что работы Сахарова и Солженицына и документы Хельсинкской группы подходят под определение, которое указано в ордере на обыск. Более того, я заявляю, что я не располагаю порочащими кого бы то ни было материалами и что, как любой гражданин, имею право читать и писать любые документы, которые считаю нужным. Поэтому любой обыск с целью конфискации книг, газет, писем и всего остального я рассматриваю как незаконный и противоречащий обязательствам, которые взял на себя СССР, подписав Хельсинкские соглашения.

Руководитель группы окинул взглядом книжные стеллажи, которые стояли вдоль всей стены: книги Платона, Аристотеля, Гегеля, Маркса, Энгельса, Ленина. Оперативники брали с полки каждую книгу, встряхивали ее, потом ставили обратно. Иногда на пол падали фотографии людей, с которыми Воронина уже давно не общалась.

— О, я давно это искала, — говорила она каждый раз. — Спасибо.

Кухню тоже обыскали. Один обыскивающий открыл дверцу холодильника. Там было два килограмма апельсинов. Чтобы их достать, Щаранский использовал свои обширные связи. Он хотел угостить родителей и племянника, которые обещали на днях приехать. Обыскивающий взял один апельсин, подбросил его, как теннисный мяч, взял нож и воткнул его в апельсин.

— Зачем вы портите апельсины? — спросила Воронина. — Что мы можем в них прятать? Пули?

Гэбэшник взял еще один апельсин. У него был вид человека, который любит свою работу.

В дверь постучали. Воронина и один из обыскивающих кинулась к двери.

— Лида, это Володя Слепак. По «Голосу Америки» передали, что у вас обыск.

«Скорее всего, Слепак узнал об этом от Щаранского», — подумала Воронина. И Толя попросил его побыть с ней рядом.

Оперативники отказались впустить его. Слепак не уходил. Они продолжали препираться, пока гэбэшники не заметили, что Слепак держит в руке большой «дипломат». Такую добычу нельзя было упустить.

Как только Слепак зашел в квартиру, оперативник выхватил у него «дипломат», в котором — с плохо скрытым разочарованием — не обнаружил ничего, кроме тома «Капитала».

В ходе обыска у Ворониной забрали 438 писем из Израиля, почти все — от жены Щаранского Авитали, экземпляры русскоязычной израильской газеты, несколько писем, адресованных Московской Хельсинкской группе, а также книги Булгакова, Цветаевой и Коржавина. Заодно конфисковали тетради для занятий по английскому языку.

В квартире Орлова обыскивающие изыскивали 141 предмет, включая журналы «Тайм» (от 5 мая 1975, 16 января и 18 октября 1976), «Ньюсуик» (от 4 января и 25 февраля 1974 и 8 сентября 1976), «Economist» (от 21 июня 1975) и номер «Лехпресс» двадцатилетней давности; книги Вудворда и Бернштейна «Вся президентская рать»; «Невольное путешествие в Сибирь» Андрея Амальрика; «Воспоминания о моем детстве» Гюзели Амальрик; «Большевистская революция 1917—1923» И. Х. Кара; «Россия, Китай и Запад. 1953—1966» Исаака Динесена, «Livre Blanc sur Internement Psychiatrique» и напечатанное на двух страницах письмо «Ученым мира» — обращение, которое заканчивалось списком фамилий начиная с Андрея Сахарова. Кроме того, изъяты были документы на бланках Группы, выпуски «Хроники», опубликованные на русском языке в Нью-Йорке, письмо от Данте Фасела и обращение 1100 месхетинцев, проживавших в Азербайджане, в котором они требовали, чтобы им разрешили вернуться в Грузию.

В Москве начинало светать, а Джордж Крымский все еще печатал на машинке. Это было в среду, 5 января, в шесть часов утра. На Восточном побережье США было десять вечера. В Коннектикуте его отец в это время обычно смотрел новости.

Через сорок минут Ассошиэйтед Пресс распространило сообщение:

«Москва. Во вторник милиция провела обыски в квартирах троих известных диссидентов, и, как сообщает государственное информгентство ТАСС, в ходе обыска были найдены улики, свидетельствующие об антисоветском характере их организации.»

ТАСС передает, что эти улики были найдены дома у Юрия Орлова, Александра Гинзбурга и Людмилы Алексеевой, а попали они к ним из Народно-трудового союза, НТС.

В сообщении говорится, что НТС поддерживается „агентами разведки определенных стран Запада“ и „деятельность антисоветчиков оплачивается в иностранной валюте“.

Никто из диссидентов не был арестован.

„У меня никогда не было каких-либо связей в НТС, и я никогда не встречалась с их людьми, — сообщила Алексеева журналистам. — Конечно, у меня в квартире были некоторые материалы НТС“.

Она также добавила, что Гинзбург и Орлов тоже никак не были связаны с НТС.

Орлов назвал обвинения ТАСС «полным абсурдом». С Гинзбургом для получения комментариев связаться не удалось.

ТАСС распространил эту информацию за несколько часов до окончания обысков, которые проходили в течение всего дня, что, по мнению диссидентов, является доказательством того, что власти сфабриковали улики против них.

Квартиру Орлова обыскивали в течение двенадцати часов, квартиру Гинзбурга — более пятнадцати часов, квартиру Алексеевой — десять часов.

Орлов возглавляет общественную Группу, которая была создана в прошлом году с целью контроля за соблюдением советской стороной своих обязательств по защите прав человека, взятых на себя после подписания Хельсинкского акта в августе 1975 года в числе тридцати пяти стран, включая СССР и Америку.

Гинзбург и Алексеева также являются активными членами Группы, которая признана незаконной советскими властями.

Орлов и Алексеева сказали, что милиция конфисковала материалы, которые служат доказательствами нарушений здесь прав человека, западные периодические печатные издания и пишущие машинки.

Андрей Сахаров, советский физик и правозащитник, который получил Нобелевскую премию мира в 1975 году, ждал окончания обыска за дверью квартиры Гинзбурга.

По его мнению, эти обыски устроены для проверки реакции недавно избранного президента Картера, который вступит в должность 20 января.

„Я думаю, произошедшее является проверкой для нового Американского президента с целью понять, как далеко он может зайти в том, что касается прав человека в этой стране“, — сказал он.

Орлов сказал, что четверо сотрудников в штатском — двое из КГБ, и двое из прокуратуры — находились в его квартире на протяжении всего обыска. Он утверждает, что ТАСС просто физически не мог опубликовать сообщение о конфискованных уликах за пять часов до окончания обыска.

Воронина не была настолько известным диссидентом, чтобы Крымский упомянул и о ней. В одиннадцать двадцать вечера редактор Ассошиэйтед Пресс в Нью-Йорке сделал следующее дополнение к сообщению об обысках:

«Жена находящегося в ссылке советского писателя Александра Солженицына позвонила в нью-йоркское бюро „Ассошиэйтед пресс“ и сказала, что целью обыска в квартире Гинзбурга было изъятие денег, которые ее муж посылает семьям политических заключенных.

Наталья Солженицына также заявила: „Якобы имеющаяся связь Гинзбурга с НТС, о которой сообщил ТАСС, является бессовестной ложью, которая необходима советскому правительству для преследования Гинзбурга и для дискредитации помощи семьям заключенных и жертв политических преследований в СССР“.

Солженицына предпочла не сообщать, откуда она звонила».

В тот вечер главные редакторы «Вашингтон пост» и «Лос-Анджелес таймс» не проявили интереса к этим сообщениям. Из-за событий следующего дня эта новость быстро устарела.

Глава 16

Достаточно причин, чтобы поторопиться

Входная дверь в квартире Орлова не была сломана, но открывалась с трудом, скрипя и задевая пол. Очевидно, ее снимали с петель и не очень аккуратно вернули на место. На следующее утро после обыска несколько диссидентов собрались у Орловых, которые выглядели так, будто всю ночь провели за разговорами — они были возбуждены, бледны и заметно нервничали.

Орлов сказал, что перед уходом обыскивающие вручили ему повестку в прокуратуру. Он решил, что не пойдет туда и вообще не будет выходить из квартиры, только в случае острой необходимости.

— Тем не менее, — добавил он, — сегодня, попозже, нужно попасть к Гинзбургу. Поскольку власти искали иностранную валюту в квартире у Гинзбурга, логично было бы именно там провести пресс-конференцию. Гинзбург получит таким образом возможность рассказать всему миру, как гэбисты подбросили ему деньги в туалет. Как знать, возможно, предание гласности этой информации заставит советские власти отказаться от обвинений в валютных операциях.

Что касается обыска в собственной квартире, Орлова больше всего расстроила пропажа обращения месхетинцев. Абсолютно нереально снова собрать больше тысячи подписей, особенно если власти уже принимают меры в отношении подписантов.

— Когда мы научимся, наконец, не хранить все это дома? — задал он риторический вопрос, передавая Алексеевой письмо по поводу обысков, которое они сочинили вместе с Григоренко. Оно было написано от руки — машинку забрали во время обыска.

Чтобы уменьшить риск быть арестованным по дороге на пресс-конференцию, Орлов предложил членам Группы зайти за ним и вместе пойти к Гинзбургу, который жил в десяти минутах ходьбы.

У него было еще одно срочное дело. Он хотел поменять замки на входной двери и врезать по замку в каждую дверь. «Когда они придут, я смогу сразу же укрыться в другой комнате», — сказал он, понизив голос. Орлов готовился к последнему сражению.

Оставалось мало времени, а сделать еще нужно было много. Для представления журналистам готовился документ о создании под эгидой Хельсинкской группы новой организации — Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. К документу прилагалось описание случаев неправомерного помещения людей в психиатрические больницы, а также письмо Орлова об обысках.

«Слава богу, что мы не посылаем это главам тридцати пяти государств», — подумала Алексеева по дороге к Турчиным, у которых машинку пока не конфисковали.

Каждый документ решили печатать один раз. Получится десять экземпляров: оригинал и девять копий. Было около девяти утра, пресс-конференция назначена на двенадцать дня. В квартире Турчина собралось человек десять. Воронина и Алексеева сели за машинки, Григоренко и Щаранский готовили закладки: десять листов бумаги, переложенных девятью листами копирки.

Незадолго до полудня Алексеева разобрала копии по экземплярам, свернула в трубку и положила в сумку. Пора было идти за Орловым.

Как всегда у его дома топтались человек десять гэбшников. Работа не из приятных, особенно в холодную погоду, не зря их называют «топтуны». Наблюдая за входом в подъезд и окнами квартиры, они притопывали ногами и прихлопывали руками, пытаются согреться.

Орлов был готов к прогулке. Сопровождать его пришли человек десять диссидентов. Процессия напоминала военный отряд, выступающий на задание. Несколько человек шли впереди Орлова, несколько — позади, а Воронина и Алексеева крепко держали его под руки.

Процессия успела удалиться от дома шагов на тридцать, когда к ним подошел человек в штатском и положил руку Орлову на плечо.

— Вы Юрий Орлов? — спросил он и, не дожидаясь ответа, сказал: — Пройдемте.

Орлов остановился. Алексеева и Воронина ухватились за него и закричали. К ним подбежали несколько гэбистов, преградили дорогу, схватили Орлова, ловко затолкали его в машину и умчались. Остальные машины тут же рванули следом.

На пресс-конференцию в квартире Гинзбурга собралось втрое больше народу, чем днем раньше. Журналистов пришло человек пятнадцать.

Теперь, когда стало понятно, что Орлова не будет, нужно были решить, как проводить пресс-конференцию. Рассказать сначала об

обысках, а потом о создании Рабочего комиссии? Или начать с захвата Орлова?

Перед пресс-конференцией Алексеева решила попросить Сахарова и Боннэр подписать письмо, в котором Орлов заявлял, что проведенные обыски были настолько демонстративным проявлением неуважения к Заключительному акту, что это выглядело так, как будто СССР готовится к войне.

— К войне? — переспросила Боннэр, читая письмо.

— Он так написал, — сказала Алексеева, которая уже подписала письмо.

— Он, наверное, хотел сказать «холодная война».

— Нет, он написал «война».

— Но это безумие. Мы не можем такое подписывать.

Чтобы прекратить спор, Алексеева дописала на одной копии слово «холодная». Боннэр подписала. Сахаров поставил свою подпись рядом. И так — еще девять раз.

Пресс-конференцию можно было начинать. Алексеева сообщила журналистам, что Орлова только что насильно увезли по дороге сюда. Она описала обстоятельства задержания, ответила на несколько вопросов, после чего передала слово Григоренко. Сам бывший пациент психиатрической больницы, он планировал присоединиться к создаваемой Рабочей комиссии. Григоренко, в свою очередь, представил члена новой комиссии Вячеслава Бахмина. Тот начал было рассказывать о целях комиссии, но его прервали.

— Подождите. Давайте сначала поговорим об обысках.

— Ну, вот опять. Они никак не перестанут задавать вопросы про эти дурацкие обыски, — услышала Алексеева, как бормочет себе под нос Ирина Каплун. — О, господи! Людей пичкают наркотиками в психушках, а их это совсем не интересует!

Одиннадцать дней назад мужа Каплун, Владимира Борисова, арестовали и отправили в психиатрическую больницу.

Журналистам нужны были подробности: как долго продолжались обыски? а что насчет валюты? принадлежала ли она Гинзбургу или ее подбросили?

Арина повела журналистов на экскурсию в туалет и показала, как руководитель группы обыска, повернувшись к ней спиной и загордив собой стеной шкаф, достал оттуда конверт с валютой. Хранение валюты было не меньшим преступлением, чем хранение оружия.

А связь с НТС?

— У меня был старый номер «Посева», — признала Алексеева. — Но, помимо этого у меня много номеров «Правды», и старых и новых. Почему они не сказали, что я связана с Центральным комитетом КПСС?

Только час спустя смог выступить член новой комиссии Вячеслав Бахмин, рассказавший о случаях психиатрических исследований.

Орлова отпустили через три часа. Ему сообщили, что против него возбуждено уголовное дело и он должен явиться в прокуратуру на следующий день. Орлов заявил следователю, что считает обыски и свое задержание незаконными, и добавил, что ни на какие вопросы отвечать не собирается и на допросы ходить не будет.

На следующий день агентство Юнайтед Пресс Интернэшнл опубликовало сообщение, что *«пятеро сотрудников правоохранительных органов в штатском затолкали физика Юрия Орлова в служебную машину и арестовали его в среду, когда он шел на пресс-конференцию, посвященную преследованиям со стороны государства, как свидетельствуют очевидцы»*. Далее сообщалось:

«Орлов, в настоящее время самый активный правозащитник в СССР, был освобожден после пятичасовых расспросов о нескольких номерах „Тайм“ и „Ньюсуик“, которые обнаружили представители правоохранительных органов в его квартире во время обыска.

В прокуратуре Москвы ему сказали, что он должен снова прийти туда сегодня, но физик сказал, что он не выполнит это указание.

Орлов, возглавляющий диссидентскую организацию, которая осуществляет мониторинг соблюдения Кремлем обязательств по правами человека в соответствии с Заключительным актом Европейского совещания по безопасности, сказал прокурору, что Хельсинкские соглашения дают ему право покупать и получать иностранные издания...»

На следующий день сообщения о задержании Орлова были опубликованы в «Лос-Анджелес таймс» на шестой странице и в «Вашингтон пост» на девятой странице второго раздела газеты, посвященного событиям в мире. «Нью-Йорк таймс» напечатала короткое сообщение Рейтер на третьей странице: *«Петр Григоренко, уволенный в запас офицер, объявил о том, что Группа создала комитет по расследованию нарушений прав человека в психиатрических лечебных учреждениях, в частности случая задержания тридцатитрехлетнего электрика Владимира Борисова, помещенного 25 декабря в ленинградскую психиатрическую больницу»*.

Это было единственное упоминание о Рабочей комиссии по психиатрии.

Вернувшись домой после пресс-конференции, Воронина взялась за уборку, чтобы избавиться от следов вчерашнего обыска. Когда она мыла пол, к ней пришли двое и, не представившись, сказали, что ей лучше уехать из СССР.

— Кто вы?

— Бросьте свои игры. Вы знаете, кто мы.

— ОВИР в курсе этого решения?

— Им сообщили.

Воронина ждала этого дня больше двух лет. Она давно считала, что эта страна больна и не хотела иметь к ней никакого отношения. Она не рассуждала о том, что хорошо или что плохо — просто все это было не ее. Даже противники сложившегося в стране порядка не такие, как она. Большинство из них — «воины», у них одна цель. Они противоположность большевикам, оппоненты ее матери, но при этом во многом на нее похожи. Пришел час освобождения, который она так часто рисовала в своем воображении. Но она не чувствовала себя свободной, не ощущала радости. Она как будто оцепенела.

Около половины девятого вечера, когда Алексеева вернулась домой, ей сообщили, что весь день звонили из ОВИРа.

Позавчера она была там, после двух лет разговоров в семье решила подать заявление на получение выездной визы. Но попытка была не очень настоятельная. Алексеева сказала, что они с Вильямсом не могут представить необходимые для получения визы разрешения от родителей, поскольку она не хочет травмировать ни мать, ни свекровь.

— Без их разрешений вы не уедете, — сообщил сотрудник ОВИРа.

— Значит, не уедем, — сказала Алексеева.

Теперь, через день, сотрудник ОВИРа хочет срочно с ней поговорить.

Последний раз звонили в восемь часов вечера и попросили перезвонить по какому-то домашнему телефону. Алексеева набрала номер. Ей ответила женщина и сообщила, что ОВИР готов рассмотреть ее заявление.

Алексеевой дали шанс уехать.

— Извините, но обстоятельства изменились, и мы хотели бы повременить с отъездом.

— Как долго?

— Пока обстоятельства снова не изменятся.

Она повесила трубку.

Орлов отремонтировал входную дверь — вставил два новых замка, затем — по одному в дверь каждой комнаты.

Он много времени проводил за рабочим столом у окна, и взгляд невольно останавливался на гэбистских «Волгах» и дежурных «топтунах». Они прохаживались, подпрыгивали, прикуривали и переговаривались в тридцати шагах от него, а время от времени — то ли следуя какому-то указанию, то ли просто из любопытства — забирались на сугроб и смотрели прямо в окна квартиры.

6 января они могли видеть, как Орлов, сидя за письменным столом, что-то пишет, иногда отрываясь и устремляя взгляд в их сторону.

Он писал ответ председателю Хельсинкской комиссии Конгресса США:

«Уважаемый господин Фасел!

Спасибо за Ваше письмо. К сожалению, оно было конфисковано во время обыска 4 января 1977 года.

Обыски членов Группы нанесли огромный урон нашей работе. Мы изо всех сил пытаемся продолжать работать, но с каждым днем это становится все труднее.

Александр Гинзбург должен лечь в больницу — у него обострение язвы желудка. Он не приходит на допросы и временно скрывается у Сахаровых. Но КГБ может его забрать, как только он покинет их квартиру или позже, когда он выйдет из больницы. Людмила Алексеева вызвана на допрос, который назначен на завтра, 7 января 1977 года.

Я не пошел на допрос 6 января 1977 года и сейчас заблокирован в своей квартире, которая окружена машинами сотрудников КГБ.

Тем не менее я надеюсь провести пресс-конференцию 14 января, на которой наша Группа (точнее, та ее часть, которая в настоящее время не находится под арестом) представит последнюю серию документов, которые мы пытаемся восстановить по памяти.

На базе Группы мы создали Рабочую комиссию по расследованию случаев использования психиатрии в политических целях. „Христианский комитет защиты прав верующих“ тесно сотрудничает с нами, и я направляю Вам их документы с просьбой, если это Вас не затруднит, переслать их копии по указанному адресу.

Господин Фасел, учитывая наше положение, я обращаюсь к Вам с настоятельной просьбой срочно предпринять все возможные меры для защиты нашей деятельности — деятельности, которая ведется в соответствии с Заключительным актом и международными договорами по правам человека, которые вступили в силу на территории СССР.

*С уважением,
Ю. Орлов»*

Отправленное по неофициальным каналам, письмо шло долго, и Фасел получил его только 3 мая, с сопроводительной запиской заместителя директора Комиссии Альфреда Френдли, бывшего главного редактора московского бюро «Ньюсуик»:

«Кому: Д. Б. Фаселу

От кого: Альфред Френдли

Письмо от Юрия Орлова

К Вашему сведению, прилагаю перевод письма Юрия Орлова, написанного 6 января. Оно было среди большого сборника документов Группы Орлова, которые я получил в прошлые выходные в Нью-Йорке,

вместе с письмами мне и г-же Фенвик, которые очень близки по тону и содержанию письму, адресованному Вам.

Никакие срочные действия в связи с письмом предпринимать не нужно. Поскольку Орлов сейчас в тюрьме, нет никакой возможности послать ответ ему лично. Во время ближайшего заседания Комиссии, посвященного возглавляемой Орловым Группе, Вы должны сделать еще одно публичное заявление в поддержку Группы и лично Орлова...

Если пожелаете, я могу разослать это письмо всем членам Комиссии. Это хоть какое-то действие, но, возможно, уже не очень важное».

После обысков Орлов пытался уговорить Алексееву покинуть страну:

— Люда, ты собирались уехать в Америку. Что с вашим заявлением?

Алексеева объяснила, что ее отъезд сейчас, после обысков и обвинений Группы в связях с НТС выглядел бы как побег, что очень плохо сказалось бы на репутации — и ее лично, и Группы. Кроме того, если КГБ решил позволить ей уехать, что было вполне очевидно, ничего страшного не случится, если они подождут. Этот аргумент не казался Орлову убедительным.

— Что с вашим заявлением? Вы его подали? — спрашивал он ее при каждой встрече.

Гинзбурга тоже вызвали на допрос, и он тоже отказался идти. Как раз в это время он заболел. С воспалением легких ездить каждые три дня в Тарусу, как ему было предписано, он не мог, но и перспектива лечь в больницу его совсем не привлекала. Сахаровы предложили пожить у них. Боннэр, врач, могла помочь с лечением, а находиться в квартире Сахарова безопаснее: не будет же КГБ арестовывать его в квартире у Нобелевского лауреата.

По дороге к Сахаровым Гинзбург думал о возможном аресте. Видимо, пока власти повременят, не в их интересах забирать больного человека прямо из постели — это слишком вызывающе. Но его, несомненно, арестуют, как только он встанет на ноги. Гинзбург решил не сдаваться и следовать старому эзковскому принципу: «Раньше сядешь — раньше выйдешь».

Алексеева решила, что лучше не игнорировать повестку на допрос. Если она не подчинится, ее могут привести на допрос силой, как Орлова, а она не хотела, чтоб это произошло на глазах у мамы. Повестка пришла не из КГБ, а из прокуратуры Москвы. Ей надлежало явиться по адресу: улица Новокузнецкая, дом 27.

Следователь был вежлив:

— Я вижу, вы много работаете, документируя случаи нарушения Хельсинкских соглашений на всей территории СССР.

— Это не так просто, — ответила Алексеева.

(Когда она в тот же день рассказала о допросе Орлову, он предложил: «Если еще раз об этом пойдет речь, пригласите его вступить в Группу».)

Она заполнила анкету стандартной формы: фамилия, имя, отчество, номер паспорта, национальность, членство в организациях.

«Член Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР» — написала Алексеева, после чего сказала, что не будет ничего подписывать и не будет отвечать ни на какие вопросы в знак протеста против незаконного обыска в своей квартире.

— Вы боитесь, что у вас что-то украли?

— Нет, я боюсь, что мне что-то подбросили.

— Но мешки были запечатаны.

— Да, но их можно распечатать, положить туда что угодно и снова запечатать.

Остаток дня следователь провел за чтением последних номеров «Хроники», которые были конфискованы у Алексеевой.

— Интересно... Очень интересно, — все время бормотал он.

В конце дня он выписал еще одну повестку.

На следующий день Алексеева захватила с собой книгу. По дороге заглянула в гастроном и купила что-то перекусить. Она опоздала на пятнадцать минут, но следователь ничего на это не сказал.

Цель допроса, очевидно, была не в том, чтобы получить от нее какую-то информацию, а в том, чтобы взять ее измором и заставить уехать из страны.

8 января в московском метро произошел взрыв, погибли пять человек.

Через три дня Виктор Луи, советский журналист, которого власти часто использовали для неофициального освещения официальной точки зрения, написал, что взрывы настолько нетипичны для Советского Союза, что, скорее всего, это негативное последствие «неконтролируемого потока информации с Запада». Сахаров и целый ряд других людей восприняли это как намек на то, что взрыв был организован диссидентами. Расследование вел КГБ. Многих диссидентов, включая друга зятя Сахарова, разыскивали и допрашивали.

За последние две недели в адрес диссидентов прозвучало множество обвинений. КГБ пытался сфабриковать «валютное дело» против Гинзбурга. ТАСС обвинял диссидентов в связях с правым крылом НТС, которое «служит западным разведывательным службам».

Теперь КГБ решил представить диссидентов не только валютными дельцами, фанатиками и шпионами, но и террористами.

И тем не менее взрыв был, пять человек погибли. Кто его подстроил? Кто нес ответственность? Кому был выгоден этот террористический акт?

Если Виктор Луи конкретизирует свои обвинения и западная пресса им поверит, репутация советских диссидентов на Западе сильно ухудшится. (Конечно, потребуется немало доказательств, чтобы побороть естественное недоверие к утверждениям Виктора Луи, но ведь такие доказательства можно сфабриковать.) С высказанной Сахаровым мнением согласились и те диссиденты, которые поначалу в это не верили.

О своих опасениях Сахаров сообщил по телефону Крымскому.

— Что? — сказал Крымский. — Какие у вас есть доказательства?

— Какие у меня могут быть доказательства при нашей системе? — вспоминает ответ Сахарова Крымский. — Простая логика подсказывает, что они сделают это, чтобы нас дискредитировать.

Крымский распространил информацию об этом.

Сахаров хотел провести мощную контратаку — пресс-конференцию с участием диссидентов разного толка, которые заявят о том, что не имеют никакого отношения к взрыву и осуждают терроризм. Только так, по мнению Сахарова, можно было убедить прессу в их непричастности к взрывам.

Глава 17.

**«Но перед тем, как стать рабом,
Я буду похоронен в могиле.
И, возвратившись к своему Богу,
Я обрету свободу»**

Пока Орлов скрывался за тремя замками в своей квартире в Беляево-Богородском, раздумывая о будущем Группы и грозящих обвинениях в валютных спекуляциях, шпионаже и терроризме, лучшие умы Вашингтона обдумывали внешнюю политику США в будущем.

При каждом удобном случае в ходе своей предвыборной кампании красноречивый кандидат в президенты Джимми Картер говорил о моральном банкротстве политики разрядки, этого детища Киссинджера. Стратегия оказалась действенной: президент Форд перестал употреблять слово «разрядка». Теперь мир ждал ответа на вопрос, что именно означают обещания Картера привести внешнюю политику Америки в соответствии с американскими ценностями и идеалами.

11 января, за девять дней до инаугурации, член Палаты представителей Данте Фасел передал письмо госсекретарю Сайрусу Вэнсу:

«Я считаю очень важным дать знать советскому руководству, что мы очень серьезно относимся к исполнению положений Хельсинкских соглашений, особенно в части, касающейся фундаментальных прав человека, — писал Фасел. — Поэтому я взял на себя смелость составить небольшой текст и просил бы Вас передать его избранному президенту, чтобы он включил его в свою инаугурационную речь. Текст прилагается и его содержание в дополнительных комментариях не

нуждается. Я думаю, это самый подходящий момент, чтобы сказать Советскому Союзу о наших планах в отношении такой важной проблемы. Я буду очень признателен вам за рассмотрение этого письма и надеюсь, что Вы передадите этот или схожий по смыслу текст новому президенту».

Прилагаемый текст был напечатан большими буквами, и его легко можно было прикрепить к листку с инаугурационной речью президента:

«САМЫМ ВАЖНЫМ ПРИОРИТЕТОМ ЯВЛЯЕТСЯ ОСТАНОВИТЬ СУМАСШЕДШУЮ ГОНКУ ВООРУЖЕНИЙ. НОВАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ БУДЕТ УДЕЛЯТЬ ПЕРВООЧЕРЕДНОЕ ВНИМАНИЕ ПЕРЕГОВОРАМ ПО ОСВ-2 И ВСВСВ. ЧТОБЫ ЭТИ УСИЛИЯ БЫЛИ УСПЕШНЫМИ, ПОТРЕБУЮТСЯ ТЕРПЕНИЕ, УМЕНИЕ, ОСТОРОЖНОСТЬ, РЕШИТЕЛЬНОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ. В СВЯЗИ С ЭТИМ ВСЕ СТРАНЫ **ДОЛЖНЫ СТРЕМИТЬСЯ СВОИМИ ДЕЙСТВИЯМИ ПОВЫШАТЬ УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ И СОГЛАСИЯ С ВЫСКАЗЫВАЕМЫМИ НАМЕРЕНИЯМИ И СЛОВАМИ.**

ОБЕЩАНИЯ, ДАННЫЕ В ХЕЛЬСИНКИ, **ДОЛЖНЫ ВЫПОЛНЯТЬСЯ — ОСОБЕННО ТЕ, КОТОРЫЕ КАСАЮТСЯ ПРИЗНАНИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВОБОДНОГО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ, ОБМЕНА ИНФОРМАЦИЕЙ И ИДЕЯМИ МЕЖДУ НАРОДАМИ. НАША НАЦИЯ, НАШ НАРОД И НОВАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ, КАК ЭТО ВСЕГДА БЫЛО ПРИСУЩЕ АМЕРИКАНЦАМ, ПРИЗНАЮТ И УВАЖАЮТ НЕОТЪЕМЛЕМЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СВОБОДЫ И ГАРАНТИРОВАННОЕ ПРАВОСУДИЕ НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ НИХ САМИХ, НО И ДЛЯ ВСЕХ НАРОДОВ МИРА. ПОЭТОМУ МЫ ПРИДАЕМ БОЛЬШОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ХЕЛЬСИНКСКОМУ ПРОЦЕССУ, КОТОРАЯ СОСТОИТСЯ В БЕЛГРАДЕ В КОНЦЕ ЭТОГО ГОДА.**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОГРЕСС В СФЕРЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НЕ МЕНЕЕ ВАЖЕН С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ЧЕМ ПРОГРЕСС В ОСВ-2 И ВСВСВ. НЕОБХОДИМО ПРЕДПРИНЯТЬ СЕРЬЕЗНЫЕ МЕРЫ ПО ЭТИМ ДВУМ НАПРАВЛЕНИЯМ, ТАК КАК ОНИ НЕРАЗРЫВНО СВЯЗАНЫ И ДОПОЛНЯЮТ ДРУГ ДРУГА В БОРЬБЕ ЗА МИР».

Речь президента девять дней спустя была произнесена в другом ключе, но основные замечания Фасела были в ней учтены. Единственное, о чем Картер не упомянул, это о Заключительном акте, который воспринимался широкой общественностью как достижение республиканцев.

13 января организации американских евреев провели неофициальный брифинг на Капитолийском холме, где присутствовали весьма заметные фигуры: профессор права Гарвардского университета

Алан Дершовиц, один из самых известных юристов-практиков, и Эндрю Янг, бывший член Палаты представителей, недавно назначенный представителем США в ООН.

Третьим примечательным моментом брифинга стал звонок отказников из Москвы. За восемь часовых поясов от Вашингтона главный мастер-наладчик движения отказников Саня Липавский был занят тем, что он умел делать лучше всего — искал телефон, который не был заблокирован от международной линии и не отключился бы во время соединения.

Он старался для десятка конгрессменов и примерно восьмидесяти штатных сотрудников Конгресса — от стажеров до советников по законодательству.

Обрушив на аудиторию энергичную риторику опытного судебного оратора, взлохмаченный Дершовиц настаивал на том, что на советское руководство нужно оказывать давление, причем очень серьезное.

— Мы не знаем всего. Но одно мы знаем точно. Советская система хорошо продумана. Поэтому, если где-то надавить, должна быть ответная реакция. Мы не знаем заранее, какое именно нужно оказывать давление. Но самое главное — это продолжать оказывать на них давление.

Давление на советскую систему должно быть политическим, говорил Дершовиц. Ведь именно по политическим причинам там преследуют диссидентов и диссидентские организации. Когда сделан политический выбор, правовая система должна иметь под собой правовое обоснование, правовую оболочку в виде советского уголовного кодекса. Но что если надавить на политическую систему, которая является первопричиной арестов, другим способом? Что если внешнее давление, например, со стороны Соединенных Штатов, заставит советские власти принять политическое решение о прекращении преследований? Не поможет ли это изменить существующую ситуацию?»

Уже несколько лет Дершовиц вел «партизанскую юридическую войну» с советскими властями. В своей автобиографии «Лучшая защита» Дершовиц пишет, что в 1972 году, выступая адвокатом членов Лиги защиты евреев, обвиненных в убийстве женщины в результате взрыва в офисе нью-йоркского импрессарио, Дершовиц часто общался с Меиром Каханэ. Основатель Лиги защиты евреев предсказывал новый Холокост и призывал предотвратить его насильственными актами против антисемитов, к которым относил и советских правителей. Рассуждения Каханэ и других лидеров Лиги защиты евреев произвели на Дершовица сильное впечатление.

«Некоторые члены моей семьи, как и многие еврейские семьи в Америке, эмигрировали из страны, которая теперь является Советским

Союзом, — писал он в своих мемуарах. — Я часто спрашиваю себя, что было бы со мной, если бы они оказались не столь прозорливы и не уехали бы. Стал бы я диссидентом, последователем Андрея Сахарова? Стал бы я евреем-отказником и пытался эмигрировать в Израиль или в Соединенные Штаты? Или я был бы одним из миллионов тех, кто молчит? Когда я обдумываю все эти варианты, я понимаю, что мне ближе всего советские диссиденты. Я с ними во имя Бога и своих предков».

Партизанская война Дершовица с советской властью велась на юридическом поле.

Он представил факты по делу советских евреев, которые пытались угнать советский пассажирский самолет в 1970 году, чтобы сбежать из СССР. Советское руководство обвинило их в воздушном пиратстве. Дершовиц называл их действия увеселительной поездкой без разрешения, так как у них не было злого умысла и намерения нанести вред пассажирам, экипажу и самолету.

Дершовиц заручился поддержкой своего бывшего преподавателя Телфорда Тэйлора из Школы права Колумбийского университета, который был обвинителем от США на Нюрнбергском процессе. В Нюрнберге Тэйлор познакомился с Романом Руденко, ставшим впоследствии генеральным прокурором СССР. Воспользовавшись знакомством, Тэйлор нашел способ передать Руденко трактат Дершовица, но ответной реакции не последовало.

Теперь Дершовиц предлагал новую форму давления: скоординированная атака с двух фронтов, которую должны осуществлять адвокаты и законодатели. Во время предстоящих судов над диссидентами американские адвокаты, ссылаясь на заверения советских властей о том, что их система функционирует в соответствии с буквой закона, будут — по поручению диссидентов — составлять текущие отчеты о ходе процесса, со своими комментариями. Советские законы не запрещают иностранным адвокатам осуществлять защиту советских граждан. Дершовиц даже нашел одну лазейку в советском праве: адвокаты, нанятые родственниками обвиняемых, могут представлять в суд ходатайства.

Это означало, что, например, проживающая на Западе тетя советского гражданина может нанять Дершовица или любого другого адвоката для защиты этого гражданина в советском суде. Эта лазейка, которая позволила бы представлять американскую правовую оценку в советских судах, традиционно игнорировалась советскими властями. Но что если Соединенные Штаты надавят на советское правительство на политическом уровне, чтобы открыть советские суды для иностранных юристов? Что если американские законодатели выступят с инициативой, направленной на то, чтобы советские суды принимали к рассмотрению ходатайства американских адвокатов?

— Мне кажется, что когда такие требования будут исходить от конгрессменов, когда они будут исходить от сенаторов, когда они будут исходить от конкретных людей в правительстве США — по-моему, в этом случае игнорировать такие требования будет сложно, — говорил Дершовиц.

Спустя час после начала заседания еврейской организации Union Council of Soviet Jewry раздался телефонный звонок. У законодателей и их помощников появился шанс оказать реальную помощь звонившему. Начал разговор Билл Бродхед, член Палаты представителей, демократ из Мичигана, который заседал в Конгрессе уже второй срок.

— Здравствуйте, — это был Владимир Слепак, отказник и член Хельсинкской группы.

— Говорит конгрессмен Билл Бродхед.

— Рад с вами познакомиться.

— Очень приятно слышать ваш голос. Наше заседание длится уже около двух часов. Здесь собралась группа конгрессменов и сенаторов, чтобы обсудить, как мы можем помочь вам и другим людям, оказавшимся в подобной ситуации. Мы о многом узнали, поделились друг с другом своими идеями и... мы полны решимости вам помочь. Я хочу, чтобы вы об этом знали.

— Большое спасибо. Сейчас нам очень нужна ваша поддержка.

— Мы будем рады помочь вам, и я надеюсь, вы будете поддерживать с нами связь и поддерживать других, потому что мы должны знать как можно больше о том, что происходит у вас, чтобы мы могли вам помочь. Вы согласны?

— Да...

— Я хотел бы, чтобы вы поговорили с конгрессменом Эндрю Янгом, который будет нашим послом в Организации Объединенных Наций. Президент только что назначил его на эту должность и он приступит к новой работе в течение нескольких недель. Я соединяю вас с мистером Янгом.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, мистер Янг. Очень рад слышать вас.

— Спасибо большое. Очень приятно слышать вас.

— Я очень рад возможности поговорить с представителем Соединенных Штатов в ООН.

— Спасибо. К сожалению, я никогда не был в Советском Союзе, но надеюсь в скором времени там побывать. И надеюсь, мы сможем с вами встретиться.

— Я надеюсь на это. Спасибо вам.

— Очень хорошо.

— И...

— Здесь собрались очень важные люди. Я присоединился позже. Но то, что они обсуждают, волнует меня на протяжении многих-многих лет. Еще в 1957 году я вступил в организацию молодых христиан, которая занимается вопросами свободы совести во всем мире. Нас особо интересовала проблем преследования евреев в Советском Союзе. Кроме того, я увлекался учением Мартина Лютера Кинга, и некоторые его рассуждения о правах человека у нас в стране имеют прямое отношение к проблеме прав человека в Советском Союзе. Мы пытаемся поставить этот вопрос перед Организацией Объединенных Наций и я надеюсь, что мы будем поддерживать с вами связь по этому поводу.

— Конечно. Я думаю, вы слышали о Группе здесь, в Москве. В нее входят и христиане, и евреи, все они хотят помочь выполнению Хельсинкских соглашений.

— Да-да.

— Сейчас эта Группа подвергается жесткому давлению со стороны советских властей.

— Понятно. Очень хорошо, просто удивительно, что мы можем с вами разговаривать и так хорошо слышать друг друга.

— Да-а.

— На таком большом расстоянии... Возможно, благодаря нашей дружбе наши страны тоже смогут лучше слышать друг друга.

— Надеюсь, но я не уверен, что это будет просто, — в голосе Слепака чувствовался сарказм.

— Конечно, для нас здесь это тоже нелегко. Я думаю, некоторые из сидящих в этой комнате подвергались гонениям в этой стране за то, что защищали права человека. Но их настойчивость принесла положительные результаты. Я не хочу ставить знак равенства между нашими ситуациями, но я могу сравнивать надежды и чаяния людей. Везде люди хотят быть свободными и стремятся быть свободными. Знаете, у нас есть песня, в которой есть такие слова: «Но перед тем, как стать рабом, я буду похоронен в могиле и, возвратившись к своему Богу, я обрету свободу». И я уверен, что так и будет. Все мы будем свободны.

— Я уверен, что мы все будем свободны, но это потребует много времени и много усилий, — сказал Слепак все с теми же саркастическими нотками в голосе. От них нелегко избавиться, когда речь высокопоставленного чиновника выдает тот печальный факт, что он так плохо владеет ситуацией.

— Да, конечно, — сказал Янг. — Ну, хорошо, очень приятно было с вами поговорить.

Глава 18

Пророчество Николая Вильямса

Как всегда на старый Новый год, 13 января, Николай Вильямс взял у своей мамы колоду карт — семейную реликвию, которую его тетя привезла в Россию из Америки в начале века. К картам прилагалось описание старинных способов гадания, каждая карта несла свой знак, например, девятка червей означала удачу, дама треф — неожиданную встречу с женщиной-сердцеедом, а туз пик — смерть.

В наступившем 1977 году Вильямс и Алексеева были приглашены на празднование старого Нового года к Турчиным, но в последний момент все изменилось. Поскольку Орлов сидел взаперти, выходя из дома только на пресс-конференции, и не хотел лишний раз рисковать, праздник решили отметить у него.

Передислокация не прошла гладко. Двое знакомых американцев, которые пришли к Турчиным, сказали, что к Орловым пойти не смогут. Посол Тун запретил своим подчиненным общаться с диссидентами, в квартирах которых были обыски. Американцы долго извинялись и объясняли, что не могут нарушить указание. Пришлось Татьяне Турчиной остаться дома с законопослушными гостями.

Вечеринка удалась. Пианино, которое Амальрик «завещал» Орлову после своего отъезда, было уставлено холодными закусками и салатами. Из спиртных напитков были пиво и водка. Ирина Орлова, по-видимому, уже попробовав и то, и другое, сплясала «русскую», энергично размахивая платком, и присела рядом с Алексеевой.

К ним подошла Воронина.

— Я не хочу уезжать, — сказала она. — Сколько лет я пыталась уехать. Сейчас — могу, но не хочу. Впервые я чувствую, что живу полной жизнью. Мы делаем нужное дело, помогаем людям — и наша совесть чиста. Что еще нужно человеку?

— Сделал дело — гуляй смело! — провозгласила Ирина.

Воронина не могла себе объяснить, зачем она взяла фотоаппарат на тот праздник. Ей несвойственно было вмешиваться в естественный ход событий или привлекать к себе внимание. А что может привлечь к себе больше внимания, чем человек с фотоаппаратом в комнате, полной людей? Она не была сентиментальна и не собиралась оставлять на память снимки друзей, которых видела, может, в последний раз. Просто взяла с собой старый «Зенит». И в тот вечер сделала несколько снимков.

Вильямс достал карты.

— На кого будем гадать?

— На Брежнева, — предложил кто-то.

— На Брежнева?

— Да, на Брежнева. Давайте на Брежнева!

— Брежнев? Кто такой Брежнев? Не знаю я никакого Брежнева...

— Гадай на Брежнева! — Вильямс перемешал колоду, а потом, четко следуя правилам, разложил карты левой рукой. Сверху легла девятка червей.

— Желание генерального секретаря должно осуществиться, — констатировал Вильямс.

— Кто следующий?

— Алик! Давайте погадаем Алику! — воскликнул кто-то.

Гинзбург, несмотря на болезнь, пришел на праздник, но гадать не захотел. Никто не стал настаивать. Зачем спорить с зэком, который говорит «нет-нет, не надо».

— А почему бы не погадать мне? — предложил Орлов.

Он немного выпил, может, пару рюмок, и сдержанно улыбался. Он закурил трубку, сделал затяжку, и через объектив своего «Зенита» Воронина увидела не просто человека Юрия Орлова, она увидела его душу — как будто заглянула в бездну. И запечатлела этот миг.

Предсказание судьбы Орлова — по крайней мере в этой компании — требовало более серьезного отношения, чем предсказание судьбы Брежнева. Для начала нужно было выбрать карту, которая бы представляла Орлова. Вильямс выбрал червового короля — образ увлеченного, но цельного и справедливого человека. Он положил карту на стол лицевой стороной вверх, перетасовал карты, попросил Орлова «снять» колоду и поделил ее на шесть частей, по три карты в каждой.

Как оказалось, фортуна была благосклонна к рыжему физику. Ему должно было повезти в любви, в работе и предстояло прославиться.

— Группа! Хельсинкская группа! — предложил кто-то версию того, что подразумевалось под работой.

Следующим был Щаранский. Предсказание ему тоже сулило много хорошего, в том числе далекое путешествие.

— В следующем году — в Иерусалиме! — выкрикнул кто-то.

— В следующем году — в Иерусалиме! — подхватила компания, в которой большинство были русскими.

После полуночи Щаранский ушел, чтобы присоединиться к Слепаку, Липавскому и другим участникам телефонной конференции с Соединенными Штатами. В тот момент, когда он появился, Владимир Слепак и Эндрю Янг закончили свою дружескую и полезную беседу. Щаранскому передали трубку.

— Здравствуйте, Анатолий! — это была Айрин Манекофски, глава Union Council of Soviet Jewry, которая встречалась с Щаранским, когда приезжала в Москву в 1974 году.

— О! Здравствуйте, Айрин.

— Как вы, дорогой мой? Знаете, я вчера слышала вас по радио!

— Правда?

— Да! Рассказывали о пресс-конференции, которую устроил Сахаров. А вы были переводчиком, верно?

— Не совсем, это была пресс-конференция Хельсинкской группы. Поэтому я там был. Но эту конференцию мы проводили у Сахарова.

— Да, но я слышала как вы переводили, и было очень приятно слышать ваш голос в моей комнате.

— Айрин, я только что был на собрании Хельсинкской группы. Ситуация очень серьезная. Юрий Орлов находится под домашним арестом, каждый день происходят допросы... Это плохо.

— Да, Анатолий, наша Хельсинкская комиссия собирается как-то вмешаться в происходящее.

— Да, это очень важно.

— Они уже начали что-то предпринимать в связи с этим. Они много работают, и мы стараемся влиять на них, чтобы они действовали еще активнее. Все их отчеты будут опубликованы.

— Айрин, послушайте, завтра состоится пресс-конференция Группы, обычная пресс-конференция, на которой мы представим новые документы, и я постараюсь вам их прислать. Надеюсь, вы сможете предать их как можно более широкой общественной огласке.

— Конечно. У меня нет всех документов, но они есть в Хельсинкской комиссии. Последний документ, который они получили, был под номером четырнадцать, правильно?

— Номер четырнадцать? Да, правильно.

— Хорошо, мы всех вас любим. Обнимаю и целую всех. Энди хочет вам сказать несколько слов.

Энди Вертман, один из еврейских активистов, взял трубку. Он тоже встречался с Щаранским и даже фотографировал его, чтобы передать снимки Авиталь в Израиль.

— Анатолий!

— Здравствуйте, Энид.

— Как вы? На следующей неделе Стюарт встретится с Авиталь, он привезет ей ваши фотоснимки, которые мы сделали. А в субботу вечером в нашей синагоге мы будем чествовать Стюарта, меня, вас и Юлия Кочаровского [одного из отказников].

— А-а.

— И еще в ваш день рождения будет опубликована заметка в «Вашингтон пост». О вас. Вы понимаете?

— Да, понимаю.

— В этот день состоится инаугурация. И эта информация дойдет до многих конгрессменов и высокопоставленных чиновников по всему миру. В этот день тираж газеты увеличивают на тридцать тысяч экземпляров. Поэтому многие прочитают о вас.

— Надеюсь, это когда-нибудь поможет.

— Мы думаем, поможет.

— Что ж, надеюсь, скоро встретиться с вами в Израиле.

— Я тоже надеюсь, что очень скоро. Вы не хотели бы передать что-нибудь Авиталь через Стюарта?

— Я хочу, чтобы вы знали, что во время обыска у меня забрали все ее письма.

— Сегодня о своей поддержке вам заявили сенаторы и конгрессмены со всей Америки, включая Гавайи. Они выразили свою активную поддержку самим присутствием здесь и сегодня, и они будут помогать вам на постоянной основе.

— Большое спасибо за вашу поддержку.

— Мы очень хорошо относимся к вам и к остальным нашим дорогим друзьям.

— Спасибо. Передаю наилучшие пожелания от всех здесь присутствующих: Дины Бейлиной, профессора Лернера, Иды Нудель и Сани Липавского. Они все передают благодарность тем, кто поддерживает нас в Америке.

В таких разговорах есть определенная доля теплоты, но не меньшая — неловкости. Отчаявшимся советским евреям почти нечего было сказать богатым американцам, находящимся в полной безопасности, кроме, пожалуй, «спасибо» или «большое спасибо».

Информированные еврейские активисты в СССР знали о расколе внутри поддерживающих движение за эмиграцию. Они знали, что израильтяне обеспокоены тем, что многие, вырвавшись за железный занавес, предпочитают поселиться в Соединенных Штатах, а те, кто прибывает на историческую родину, зачастую становятся «гоями», потому что плохо разбираются в иудаизме и еврейской культуре.

Еще более важным было то, что израильтяне настороженно относились к заметно активизировавшейся кампании в защиту советских евреев, которую проводили американские и западноевропейские евреи. Видимо, израильские власти беспокоило то, что они недоста-

точно контролировали этот процесс. В Соединенных Штатах израильтяне действовали через Национальную Конференцию советских евреев — сетевую организацию, которая включала в себя B'nai B'rith и Американский еврейский комитет. Израильтяне избегали общения с группой активистов, называвших себя Union of Council of Soviet Jewry. Внутри еврейского движения эту группу считали «низовой структурой», тогда как Национальная Конференция была признана «официальной элитой».

Идеальным сценарием развития сюжета с советскими евреями для израильтян был бы такой, при котором чиновники из Департамента по делам советских евреев в Иерусалиме централизованно вели бы список отказников и сообщали по несколько фамилий «уполномоченным» странам, которые имеют право вести переговоры с советскими властями и с этими отказниками. Получалось, что если тот или иной отказник «приписан», например, к Франции, то англичане не имели бы права вести его дело. К огорчению израильских властей, политическая реальность была иной. Израильский «список», который предполагалось пополнять, когда очередной отказник приезжал в транзитный лагерь в Вене, вызвал недовольство «низовых структур» на Западе.

«Низовые структуры» настаивали, чтобы список велся в целях «сотрудничества», для оказания реальной помощи братьям, желающим выехать из враждебной страны. Израильтяне категорически возражали: имена будут доступны только для организаций-представителей «официальной элиты». Эти внутренние разногласия выплеснулись на мировую арену. Известно по крайней мере три случая, когда в Москву направлялись эмиссары, которые предостерегали потенциальных эмигрантов от контактов с активистами низовых организаций на Западе. В первую очередь, им не рекомендовали звонить Майклу Шербурну. Этот школьный учитель из Лондона мог ночами разговаривать с московскими отказниками, включая Щаранского, переводил полученную информацию на английский и передавал ее активистам низовых организаций во всем мире. Но отказников убеждали, что «он не передает информацию».

Тем не менее было что-то притягивающее в том мире, в котором жили американские евреи, мире, где газеты могли печатать все что хотят и где на правительство можно оказывать давление, а синагоги не просто место встреч для стариков, а институты, отстаивающие свои политические программы, занимающиеся образованием молодежи и даже «чествующие» евреев, живущих в другой части света. По окончании таких телефонных встреч американцы садились в свои «Бьюики» и возвращались к своей спокойной жизни. А советские евреи оставались по-прежнему бесправными, но чувствовали себя немного лучше, потому что кто-то чествовал их в американских синагогах, лоббировал их интересы и писал о них в газетах.

На следующий день после празднования у Орлова Алексееву ждал сюрприз. Выглянув из окна, она не увидела таинственного фургона и черной «Волги», которые постоянно дежурили возле ее дома после обыска 4 января. Каждое утро она слышала шум моторов двух машин, которые притормаживали близ подъезда и останавливались там, замолкали на целый день.

У дома Орлова тоже не видно было привычных «топтунов».

— Люда, вы подали документы на выезд? — с этого вопроса Орлов начинал каждый разговор с ней в последнее время.

— Еще нет, Юра.

— Кстати, вы заметили? Там никого нет. Никто не наблюдает за окнами.

— У меня то же самое. Куда-то подевался мой фургончик, а с ним и «Волга».

Это могло означать одно из двух. Первое — наблюдение окончено, пора арестовывать. Второе — власти решили оставить их в покое.

Вторая версия казалась Орлову более правдоподобной. Время было не подходящее для репрессий. Менее чем через неделю кресло американского президента займет другой человек; не нужно объяснять, какова будет реакция на аресты диссидентов, тем более таких известных, как Гинзбург и Орлов. Власти не стали бы испытывать судьбу, особенно после международного негодования в связи с обысками 4 января и взрывом в московском метро — советское руководство все-таки прислушивалось к международному мнению.

Кроме того, власти всегда учитывали знаменательные даты: партийные съезды, революционные праздники, саммиты, юбилеи. Решатся ли они уничтожить советскую диссидентскую организацию в преддверии июньской конференции в Белграде, когда тридцать пять стран-участниц Хельсинкских соглашений соберутся, чтобы обсудить выполнение положений Заключительного акта? Захотят ли они выслушивать унижительные реплики представителей Соединенных Штатов и других западных делегаций? Конечно, они предпочтут устроить хорошее шоу, вернуться домой и уж после этого приступить к «разборкам».

— Теперь они не тронут нас по крайней мере до конференции в Белграде, — сказал Алексеевой Орлов.

В тот день Московская Хельсинкская группа провела лучшую по посещаемости пресс-конференцию. Представители западногерманского телевидения направили камеру и свет на Орлова. На пол положили подушки в качестве дополнительных сидячих мест для журналистов и советских диссидентов, в том числе представителей Московской, Грузинской и Украинской Хельсинкских групп, а также русских националистов и евреев-отказников.

Взял слово Сахаров:

— Меня не покидает чувство, что взрыв — это самая опасная провокация [КГБ], — сказал он.

Сахаров не мог подтвердить это фактами, и спустя два дня власти предупредили его, что он поставил себя в трудное положение и против него могут возбудить дело за клеветнические заявления.

— Наше терпение по отношению к вам скоро иссякнет, — сказал ему сотрудник КГБ. Вернувшись с допроса, Сахаров созвал еще одну пресс-конференцию, чтобы уточнить свое предыдущее заявление:

— Я не высказывал прямое обвинение в адрес КГБ, но выразил обоснованные опасения и ощущения, а также надежду на то, что этот взрыв не был санкционирован сверху. Я осознаю всю серьезность моего заявления, но я о нем не жалею, потому что серьезные ситуации требуют серьезных действий.

Это было странное объяснение. Сахаров не отказывался от своих слов. Напротив, он по сути сказал, что его первоначальное утверждение было не обвинением, а предположением — и он настаивал на этом предположении.

20 января Мартин Гарбус, американский юрист, специализировавшийся в области гражданского права, вышел из самолета в аэропорту «Шереметьево». Он приехал предложить свою помощь в защите Амнера Завурова, отказника, у которого возникли проблемы с законом.

По приезде Гарбус позвонил Роберту Тоту и попросил представить его Андрею Сахарову. Тот связал Гарбуса с Щаранским.

Гарбус не был ученым-советологом, но его тянуло к перу. В 1987 году вышла его книга «Предатели и герои». В ней много неточностей и ошибок. Так, он утверждает, что встречался с двенадцатью членами Хельсинкской группы (невероятное достижение!); путает отчество Елены Боннэр; сообщает, что мать Боннэр была «приговорена к одиннадцати годам лишения» в несуществующем городе Карагард (очевидно, имея в виду Караганду); упоминает о загадочном журнале «Хроника человеческих событий»; цитирует статьи 70 и 190 Уголовного кодекса РСФСР, называя их «раздел 70—190»; ссылается на «известное судебное разбирательство 1966 года над Абрамом Терцем и Юлием Даниэлем» и т. п.

Сначала Сахаров не хотел встречаться с Гарбусом.

«Но когда я сказал ему, что считаю, что он должен написать письмо лично Картеру, а я это письмо передам, он попросил нас прийти как можно быстрее», — пишет Гарбус в своей книге.

Гарбус говорил потом, что идея, чтобы Сахаров написал письмо Картеру, пришла ему в голову в Москве: *«Конечно, это не был заранее продуманный план».* Спустя несколько лет Щаранский в интервью сказал, что эту идею Гарбусу предложил он. Вечером 21 января Сахаров начал писать письмо президенту. Это было третье письмо

Сахарова Картеру. 3 ноября 1976 года он послал Картеру поздравительную телеграмму в связи с его избранием, а 3 января 1977 года он обратился к новоизбранному президенту с просьбой защитить художника, который был приговорен к восьми годам лагерей и пяти годам ссылки за то, что вырезал из дерева копию Статуи Свободы и представил ее как «подарок американскому народу». Телеграмма осталась без ответа.

В своем рукописном и наскоро переведенном послании президенту Соединенных Штатов Сахаров сообщил о «провокации в московском метро, которой необходимо дать энергичный отпор».

С течением времени физик все более убеждался в том, что взрыв был провокацией. *«Мы сравниваем это с поджогом Рейхстага в 1933 году и убийством Кирова в 1934 году»,* — писал он. Считается, что поджог устроили нацисты, чтобы обвинить в этом коммунистов, а Кирова приказал убить Сталин, чтобы избавиться от политического соперника и оправдать расстрелы «врагов народа», которых и обвинили в этом убийстве.

«Очень важно защитить тех, кто страдает за свою ненасильственную борьбу за гласность, за справедливость, за попранные права других людей, — писал Сахаров. — Наш и Ваш долг — бороться за них. Я думаю, что от этой борьбы зависит очень многое — доверие между людьми, доверие к высоким обещаниям и в конце концов — международная безопасность... Сейчас, накануне Белградского совещания... власти, не желая делать никаких уступок в отношении самых необходимых для общества прав человека, не будучи способны к честной борьбе идей, усиливают репрессии и предпринимают попытки дискредитировать инакомыслящих: преследование членов Групп содействия Соглашения в Хельсинки в Москве и на Украине...»

...Очень важно, чтобы Президент США продолжил усилия для освобождения тех людей, которых уже знает американская общественность, и чтобы эти усилия не остались безрезультатными. Очень важно продолжение борьбы за тяжело больных, за политзаключенных женщин. Подробно о них сообщается в „Хронике текущих событий“...»

Вернувшись в Соединенные Штаты, Гарбус вдруг осознал, что не имеет понятия, как поступить с письмом: хотел ли Сахаров, чтобы оно было вручено президенту конфиденциально или его можно передать прессе?

«У нас было слишком много тем для разговора, а я пробыл там [у Сахарова] недолго...» — оправдывался Гарбус позднее.

Глава 19

Новая игра

14 января, в день, когда Сахаров впервые заявил о том, что КГБ был выгоден взрыв в метро, члены Хельсинкской комиссии обрушились на Доналда Кендалла, главу компании «Пепси»: он выступал с критикой отдельных заинтересованных групп, противостоящих американо-советской разрядке, из-за чего возникают проблемы с правами человека в СССР, в частности связанные с эмиграцией.

Кендалл возглавлял Американо-советский торгово-экономический совет — организацию, которая финансировалась поровну советским правительством и американским бизнесом. Его фирма построила в СССР заводы «Пепси-колы» и стала поставлять советскую водку в США. В знак протеста некоторые еврейские организации в Соединенных Штатах инициировали бойкот и «Пепси», и «Столичной».

— Хельсинкские соглашения... говорят о том, что вы не должны вмешиваться во внутренние дела другой страны, — говорил Кендалл. — Позвольте привести пример... Что бы вы подумали, если бы Советский Союз сказал нам во время кризиса в Бостоне в связи с «автобусным делом», что они не собираются вести с нами торговлю... до тех пор, пока мы не решим эту проблему? Мы были бы должны просто послать их к черту.

И снова Кендалл столкнулся с враждебным отношением к себе. На этот раз он подвергся критике одного из самых язвительных обитателей Капитолийского холма — Миллисент Фенвик:

— Я встречала этот [аргумент] в коммунистических газетах. Я читала об этом много раз. И очень хорошо с этим знакома. «Правда», ТАСС и «Руде Право» использовали этот аргумент.

Кендалл. Я давно об этом говорю.

Фенвик. Значит, они вас повторяют. Они считают это выгодным для себя. Проблема с автобусными перевозками не является предметом международных обязательств, а эти вопросы являются.

Кендалл. Но это ваше мнение, а не их...

Фенвик. Но люди имеют право получать визы для воссоединения со своими семьями, право на информацию, на поездки по рабочим и личным делам, на свободу совести. Эти права закреплены письменно, господин Кендалл.

Кендалл. Я не думаю, что есть какая-то разница. Например, вы курите трубку, а я курю сигары — по сути мы занимаемся одним и тем же — получаем удовольствие от курения табака. И я думаю, у нас с вами одна цель в сфере гуманитарного права, но только я думаю, что достичь ее можно только придерживаясь моей тактики, а не вашей, потому что вы не сможете прямо сказать советскому правительству, скольким людям они должны выдать визы. Они никогда этого не сделают.

О том, что Кендалл и его сторонники проиграли стало ясно в тот день, когда Генри Киссинджер, сторонник проведения осторожной политики в отношениях с советскими властями, покинул Госдеп.

К тому времени, когда Картер занял президентский кабинет, давление на Московскую Хельсинкскую группу усилилось. Считал ли президент нужным вступить за Группу, рискуя обострить американо-советские отношения? Или лучше было бы не противостоять репрессиям, не делать никаких заявлений и позволить различным заинтересованным группам и редакторам газет по всей стране обвинять его в том, что он отказался от выполнения обещаний, данных им во время предвыборной кампании?

Советское руководство тоже стояло перед выбором. Если продолжить преследование диссидентов, это вызовет недовольство Картера и, возможно, приведет к ухудшению торговых отношений с Соединенными Штатами.

В то же время, если преследования продолжатся, несмотря на недовольство нового американского президента и демонстрации у советских посольств в Вашингтоне, Париже, Риме и Лондоне, советские руководители могут прекратить давление, показав, что они не поддаются международному давлению и, следовательно, что ими нельзя манипулировать.

Какой бы выбор они ни сделали, к концу января 1977 года Орлов со своей Группой оказались втянуты в отношения двух сверхдержав. Общественный эксперимент Орлова вывел на мировую политическую арену группу частных граждан. Любое решение, принятое в Кремле и в Белом доме, незамедлительно отражалось на судьбах членов Московской Хельсинкской группы.

Орлов и его товарищи не были игроками в этой международной схватке — они были просто ставкой.

В семь часов вечера 22 января 1977 года по первой программе советского телевидения демонстрировался документальный фильм «Торговцы душами». В нем показали венские трущобы, где жили советские евреи, пытавшиеся вернуться в СССР, и городской рынок в Риме, где евреи продавали деревянные ложки-матрешки, чтобы наскрести на еду. В фильме было короткое интервью с молодой еврейской парой, ожидавшей посадки на самолет в аэропорту «Шереметьево».

— Вся ваша семья уезжает?

— Да.

— А у вас в СССР остались родственники?

— Да, наши родители.

Корреспондент обращается к другой паре:

— Кто у вас остается в СССР?

— Наши родители.

— О каком же воссоединении семей может идти речь, товарищи? — говорит корреспондент. — Родители остаются, в то время как их дети уезжают в Израиль. Это разъединение семей, а не воссоединение.

На экране появляется фотография Владимира Слепака, обнимающего израильского атлета во время универсиады в Москве в 1975 году. В фильме также упомянули о Щаранском и сообщили его адрес.

«Как стало возможно, что в Советском Союзе возникли сионистские ячейки?» — задавал комментатор риторический вопрос.

Эти ячейки, доказывалось в фильме, напрямую связаны с международными сионистскими структурами и получают указания от таких людей как сенатор Генри Джексон и член Палаты представителей Сидни Йейтс.

Атаки в прессе на отказников были и раньше, но никогда они не были такими массированными. Фотография советского гражданина в обнимку с атлетом из другой страны, как будто они были членами одной команды, должны были по замыслу вызвать ненависть. Демонстрация фотографий членов «сионистских ячеек, имеющих связи в Соединенных Штатах и Израиле» были опасны, потому что, в отличие от большей части критики советских властей в адрес сионизма, эти обвинения, по сути, соответствовали действительности.

Однажды в начале января, в то время как советские и иностранные журналисты, сидя плечом к плечу, делали свои заметки на официальной пресс-конференции, к Джорджу Крымскому подошел человек невысокого роста в мешковатом сером костюме и, похлопав его по плечу, сказал:

— Ну, что парень, еще пара дней.

Человек этот выглядел, как гоголевский или чеховский персонаж — ехидный маленький бюрократ. Крымский понял, что произошло что-то важное, но что?

Вскоре после этого приятель Крымского, с которым он часто выпивал, художник по имени Валерий, спросил его, не может ли он забрать портрет в духе Сальвадора Дали, который он подарил Крымскому в день тридцатипятилетия, случившегося восемь месяцев назад.

Портрет был необычный, поскольку изображение человека как такового на полотне отсутствовало, а виднелись только холмы — живописцу больше всего нравились оттенки зеленого — и иглобрюхая рыба с человеческим лицом, парящая в воздухе.

— Это ты, — сказал Валерий Крымскому, придя на день рождения.

Именинник повесил портрет в гостиной.

Валерий, крупный мужчина с густыми усами, который напоминал Крымскому мушкетера Портоса, отнюдь не был голодающим художником. Он жил в четырехкомнатной квартире, пил «Столичную» и заедал икрой. Общался с киношниками, с сынками и дочками партийной элиты, даже с Арманом Хаммером младшим, родившимся в России племянником американского воротилы бизнеса.

— Слушай, Валера, я знаю, что ты как минимум чертов полковник КГБ, но я люблю тебя, как брата, — сказал однажды Крымский после нескольких рюмок в «Славянском базаре».

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что ты не можешь любить полковника КГБ.

— Почему не могу? Я знаю, что ты полковник КГБ, я знаю, что ты приставлен ко мне, знаю, что тебе поручили пудрить мне мозги. Тебе приказали показать, какие хорошие сейчас времена в Советском Союзе, чтобы я не увидел другую сторону жизни. И я знаю, что у тебя такая хорошая квартира не потому, что ты отличный художник, а потому, что работаешь на кого-то. Но я все равно люблю тебя.

Эта была та любовь, которая существуют исключительно между собутыльниками, и связь с КГБ не играла тут никакой роли. В тот день Крымский видел Валерия последний раз — как и картину в духе Сальвадора Дали.

Вечером 24 января Крымскому позвонил его главный редактор, Дэвид Мэйсон.

— Нам нужно поговорить. Немедленно, — сказал Мэйсон озабоченным голосом.

Крымский поехал в бюро Ассошиэйтед Пресс.

Мэйсон рассказал, что его вызвали к В. Н. Софинскому, начальнику пресс-службы МИДа. Софинский сообщил, что министерство обеспокоено встречами Крымского с интеллигенцией, как он это назвал, нарушениями правил валютного регулирования и другими

действиями, несовместимыми со статусом иностранного корреспондента в СССР. Тон министерского чиновника указывал на то, что власти очень хотели заключить неофициальный компромисс.

— Господин Мэйсон, мы знаем все о господине Крымском, — сказал чиновник, указав на толстую папку.

В ответ на вопрос о ее содержимом Софинский напомнил об обвинениях, опубликованных ранее в «Литературной газете», и о некоторых доселе неизвестных фактах. Крымский нарушил установленные правила, приняв на работу горничную без оформления соответствующих документов, да еще платил ей чеками, предназначенными для дипломатов.

— Это все что у вас есть? — спросил Мэйсон Софинского.

Отсутствие официального трудового соглашения — это не большое преступление. В СССР осталось бы немного граждан из стран Запада, если бы власти решили изгнать из страны всех журналистов и дипломатов, которые нанимают советских граждан на работу горничными, переводчиками и водителями, и платят им зарплату в валюте. Софинский подчеркнул, что у министерства нет никаких претензий к Ассошиэйтед Пресс, только к Крымскому, и если его переведут, то никаких претензий к информагентству не будет.

— А если мы откажемся его перевести?

— Тогда мы просто вышвырнем его, — ответил Софинский. — У нас в стране есть способы борьбы с преступниками и шпионами.

— Мы дадим вам ответ в ближайшее время, — сказал Мэйсон.

Проблема выходила за рамки простой замены одного корреспондента в одном из бюро агенства. Уволить Крымского втихую в разгар его трехлетнего контракта означало бы то, что Ассошиэйтед Пресс сдалось КГБ. Кроме того, многолетние деловые отношения Ассошиэйтед Пресс с советскими властями были бы поставлены под угрозу. Американское информагентство, согласно своим договорным обязательствам, должно было передавать комментарии ТАСС своим подписчикам на Западе. К тому же Крымский стал бы первым американским журналистом, которого выслали из СССР в период разрядки. Эта история вызвала бы шумиху, сделав собственного корреспондента ньюсмейкером — в такой ситуации не хочет оказаться ни одно уважающее себя информационное агентство. Это была дилемма, которую шахматисты называют «цугцванг» — выбором из двух зол.

— Вы хотите, чтобы вас уволили из Ассошиэйтед Пресс, хотя вы ни в чем не провинились? — спросил Мэйсон Крымского.

Если тебя увольняют из бюро, значит, ты в чем-то точно провинился, подумал Крымский. Это было бы прямым свидетельством недостатка доверия и косвенным признанием своей вины и, возможно, концом карьеры. Если он согласится тихо уехать из России, то будет обречен всю жизнь доказывать, что он не шпион.

— Нет, Дэйв. Я не хочу, чтобы меня увольняли.

— Вы понимаете, на что они намекают, когда обвиняют вас во всем этом? — спросил Мэйсон. — Это уголовно наказуемо. Вас могут отдать под суд.

Это была бы крайняя мера. Выдворение казалось более вероятным. Решили не поднимать шум и не сообщать журналистам о сложившейся ситуации до тех пор, пока советские власти не сделают следующий шаг.

Мэйсон позвонил в МИД, чтобы сообщить Софинскому, что руководство Ассошиэйтед Пресс в Нью-Йорке решило не увольнять Крымского. Но с Софинским поговорить не удалось. Секретарь сообщила, что он болен, и записала для него сообщение. Через несколько дней Мэйсон позвонил снова и получил тот же ответ. Складывалось впечатление, что министерство было заинтересовано в затягивании дела Крымского.

Шло время, и Крымский продолжал заниматься ежедневной работой, стараясь сосредоточиться на официальных новостях и собраниях диссидентов, в то время как его карьера висела на волоске. Он по секрету сообщил о своих проблемах Гинзбургу:

— Надеюсь, что меня выдворят из страны, потому что если меня уволит Ассошиэйтед Пресс, мне конец.

В условиях наступления КГБ члены Хельсинкской группы возлагали надежды на нового американского президента. Если он будет твердо защищать свою позицию, Орлов и члены созданной им Группы смогут избежать арестов. Если он пойдет на уступки, преследования продолжатся. Они считали, что новостные передачи на зарубежных радиостанциях удерживают советские власти от арестов и ссылок.

27 января по радио прозвучали хорошие новости. Представитель Госдепартамента США предостерег советские власти от совершения каких-либо попыток запугать или заставить молчать Сахарова. Тон этого выступления был достаточно жестким, и это порадовало диссидентов. К тому же, оно прозвучало очень вовремя.

Но было одно «но», которое расстроило некоторых вашингтонских наблюдателей, информированных намного лучше, чем Юрий Орлов: это заявление, по всей видимости, не прошло соответствующих согласований и было сделано без одобрения госсекретаря Сайруса Вэнса. Во всяком случае он утверждал, что впервые узнал об этом от советского посла Анатолия Добрынина, который позвонил ему, чтобы заявить протест в связи с «вмешательство во внутренние дела Советского Союза».

В последующие дни американская пресса — а вместе с ней и «Голос Америки» — подробно освещали эту историю с заявлением Госдепартамента, посвященным Сахарову.

Позже Госдепартамент сообщил, что заявление было одобрено помощником госсекретаря Джоном Армитэйджем без согласования с Вэнсом или Картером. Они оба заявили, что не подписывали заявление, но чтобы показать свою готовность защищать права человека, сделали уточнение.

— Мы не хотим обострять ситуацию и вступать в полемику, но... время от времени мы будем комментировать ситуацию, если мы видим в ней угрозу правам человека, а также в случаях, когда считаем такой комментарий целесообразным, — заявил Вэнс.

Президент Картер сказал, что, хотя это заявление было сделано без согласования с ним, оно отражает его точку зрения.

В то время как чиновники в Вашингтоне выступали с разъяснениями и уточнениями, московские диссиденты, которые не были знакомы с тонкостями американских бюрократических правил, задавались вопросом: если все согласны с высказыванием Госдепартамента, то почему Вэнс и Картер говорят, что оно не было с ними согласовано? Не означает ли это, что они пошли на попятную?

Алексеева ловила себя на пугавшей ее мысли, что администрация Картера отказалась от своих обещаний. И не одна она так думала. Трудно было поверить в то, что политические шаги делаются без тщательно проработанного плана и что такие ошибки как «несогласованные заявления» — обычное явление для довольно хаотичной политической кухни США. Ни диссидентам, ни советским руководителям не было направлено никаких серьезных обращений. Это был обычный промах Вашингтона.

Глава 20

Лжецы и фарисеи

Днем 2 февраля к Гинзбургу зашел приятель и с порога протянул «Литературку».

— Ты читал это? Там про тебя.

Гинзбург развернул свежий номер газеты. В глаза бросился заголовок — «Лжецы и фарисеи», автор — Александр Петров-Агатов.

Петров-Агатов, бывший сокамерник Гинзбурга во Владимирской тюрьме, отсидел срок за мошенничество, а затем еще больший срок по 70-й статье. После освобождения обращался за денежной помощью в фонд Солженицына.

В статье Петров-Агатов был представлен как бывший член Союза писателей СССР. Гинзбург был наслышан об этом: сокамерник рассказывал, что его приняли в Союз писателей, когда он жил на Чукотке. Место это известное, но только не литературными традициями.

В течение последних нескольких месяцев отношения бывших зэков были натянуты. Чукотский писатель хотел получить от фонда гораздо больше, чем ему могли предложить.

«Эту группу... называют то „группой прав человека“, то „группой содействия выполнению хельсинкских соглашений“, то даже „хельсинкскими наблюдателями“. Весьма звучные названия, да и отношение к тем, кто их удостоился, со стороны западных информационных агентств и разных радио-«голосов» самое теплое. Их высказывания цитируются наравне с заявлениями государственных деятелей Западной Европы и Америки. Превозносится их высокий моральный облик: они „бесстрашно борются“ за права человека, они никогда не заключают „сделок с совестью“, они-де образец нравственной прямоты и чистоты».

Долгое время Петров-Агатов был одним из многих эзков, которые боготворили Гинзбурга. После освобождения он останавливался у него в Тарусе и подарил ему два экземпляра самодельно сброшюрованного объемистого сборника собственных стихотворений. На титульном листе одного экземпляра он благодарил Гинзбурга за то, что тот был таким, какой он есть. А второй Петров-Агатов попросил Гинзбурга передать на Запад. Стихи были, что называется, «из рук вон» — какая-то бессмыслица про Бога и Родину, но Гинзбург просьбу выполнил и был немало удивлен, узнав, что несколько стихотворений напечатала эмигрантская пресса. Сборник с автографом автора хранился у Гинзбурга до обысков 4 января.

«У меня, пожалуй, больше основания числиться в инакомыслящих, чем у других „диссидентов“. Дело в том, что и двух лет еще не минуло с того дня, как я окончательно вышел на свободу, отбыв срок, как говорится, „от звонка до звонка“. Меня судили за антисоветскую агитацию и нелегальную пересылку за границу антисоветских произведений. Только в последние годы за границей были опубликованы написанные мною повесть „Арестантские встречи“, ряд стихов и очерков, проникнутых, впрочем, не столько духом христианства (я верующий человек, в то время как большинство „диссидентов“ — атеисты), сколько моим озлоблением. Где-то за рубежом, в том числе в Израиле, где появились мои стихи о евреях (сам-то я русский) эти мои незрелые, злобные произведения переводились и переиздавались».

Упоминание о христианстве выглядело забавно. Не получив денег от фонда, Петров-Агатов решил податься в пятидесятники. Его приняли, приютили в семье проповедника. Тот и представить не мог, чем это обернется. Петров-Агатов завел роман с его женой, а проповедника они просто выгнали из дома.

«...Я понял, что низкопоклонничество перед Западом вызвано жадностью к получению оттуда денег, именно денег, и только денег. Гинзбург, как мне известно из бесед с ним, становится, не задумываясь, самым заядлым монархистом и антилибералом, если такая позиция тоже может принести удовлетворение его меркантильных потребностей.

Естественно, что, оказавшись на свободе, я направился к тем, с кем был так близко знаком в заключении. Александр Гинзбург дал мне из „общественного фонда“ 200 рублей и тут же намекнул, что „за так“ деньги не дают, их надо отработать. Для начала мне дали задание: написать о положении заключенных. Я написал о том, что мне было известно. И тут у меня начали раскрываться глаза. Я увидел, как „препарируются“ факты в информации, идущей от Гинзбурга и его компании за границу».

Развитие сюжета было предсказуемым: зэк утверждал, что Гинзбург покупал информацию за иностранные деньги. Действительно, деньги в основном приходили из-за границы. Гинзбург их распределял и, передавая помощь конкретным людям, всегда интересовался их личным опытом пребывания в лагерях. Гинзбург хорошо представлял себе, как власти собирают свидетельские показания, спрашивая одного зэка за другим: «Гинзбург давал вам деньги?» — и сразу следующий вопрос: «Он вас просил описать условия содержания в тюрьме?» В суде это будет интерпретировано как получение информации за деньги. В свою защиту Гинзбург мог привести единственный аргумент: получателям фонда доставались одинаковые суммы денег, независимо от того, предоставляли они какую-то информацию или нет.

Аргумент, конечно, не самый сильный, но выбора у Гинзбурга никогда не было: цель фонда — распределять деньги, и чтобы делать это с умом, ему нужна информация.

«Как-то я услышал сообщение агентства Рейтер из Москвы: „Член хельсинкской группы Александр Гинзбург сообщил иностранным корреспондентам, что полицейские в штатском подбросили ему в туалет 100 западногерманских марок и около 1000 долларов США“. Ерунда, конечно. Просто Александр Ильич отрекся от незаконных операций с валютой. И на месте этого самого корреспондента я бы „дополнил“ это сообщение так: „До чего же бедна московская милиция — наскребла всего сто долларов!“ Ведь Гинзбург оперировал куда большими суммами...»

Это было вполне объяснимо. КГБ нужны были доводы, чтобы и дальше выдвигать обвинения в незаконных валютных операциях, нужен «свидетель», готовый к сотрудничеству. Любопытно, что Петров-Агатов немного распространялся о том, что он видел — или просто слышал — насчет незаконных валютных операций с участием Гинзбурга.

«Я был близко знаком и с другими „диссидентами“, в частности с Орловым. Юрий Орлов, который сам рвется в лидеры „диссидентов“ не раз высказывал свое недовольство тем, что Запад говорит в основном о Сахарове, в то время как „нам с Аликом... приходится тянуть всю работу. Я бы его (Сахарова) больше к руководству не привлекал“. Возмущался он и женой Сахарова, Еленой Боннэр, которая, по его словам, „зарабатывает себе известность и извлекает материальные выгоды“... Подтекст — крайне противный для меня подтекст — таких заявлений: и „известность“, и „материальные выгоды“... по праву должны принадлежать Орлову и Гинзбургу.

Да, нравственные качества „диссидентов“ вовсе не таковы, как твердят они сами и как вещает западная пропаганда. Очень коротко об облике Александра Ильича Гинзбурга, которого упорно именуют на Западе „писателем“ (агентство Франс Пресс назвало его на днях даже „поэтом“), хотя за всю жизнь он не написал ни строчки. Так вот, этот „писатель“ весьма неразборчив в своих связях с женщинами, как, впрочем, и Юрий Орлов, который женат уже в третий раз, бросил детей и оставил их без материальной помощи. Известны пьяные оргии Гинзбурга, одна из которых окончилась для него, говоря языком милицейского протокола, выпадением из открытого окна и переломом руки. А ведь такой образ жизни требует денег, и немалых. Я уже говорил, откуда они берутся».

Для бывшего зэка Петров-Агатов оказался слишком хорошо информирован. Он каким-то образом «однажды» услышал сообщение Рейтер и так часто читал сообщения агентства Франс Пресс, что обнаружил в одном из них ошибку. Его откровения также содержали удивительно подробные биографические сведения.

Информация о пьяных оргиях Гинзбурга, которую Петров-Агатов описал на «языке милицейского протокола», возможно, действительно была из реального милицейского протокола. В 1958 году Гинзбург сильно напился и упал с четвертого этажа, сломав руку. И Петров-Агатов был прав: в комнате была женщина. (В больнице Гинзбург как сквозь туман увидел лицо своей матери. «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет», — сказала она.)

У Гинзбурга не было ощущения, что его предали. Статья давала понять, какую тактику применял КГБ: проводить репрессии открыто и извещать о них публику. Диссиденты использовали зарубежные радиостанции для общения со своими соотечественниками. Власти решили мобилизовать свою родную прессу. До того как новости о диссидентских делах прозвучат по вражеским «голосам», народ уже прочитает все нужное в газетах.

Диссидентов будут обвинять на основании журналистских расследований. Компетентные органы их организуют, а послушная пресса обо всем расскажет. После обнародования обвинений начнутся аресты диссидентов. Сообщения об арестах по «Голосу Америки» потеряют актуальность, поскольку советские граждане будут заранее знать о причинах этих арестов.

«П...ц», — сказал себе Гинзбург. После обысков 4 января это выражение все чаще слетало у него с языка.

В другой статье в том же номере «Литературной газеты» в шпионаже и валютных операциях обвинялся Крымский.

Статья сопровождалась фотографией записки, которую он написал «Джону», своему предположительному источнику сведений

о советской армии: *«Звоните мне в понедельник — 2437015, офис — 2811533. Мы договариваемся о времени. Один день раньше. Один час позже. Если мы назначаем в среду в 4 часа дня, то это значит в четверг в 3 часа дня».*

«ВЫ УЗНАЕТЕ СВОЙ ПОЧЕРК, Г-Н КРЫМСКИЙ?» — называлась статья.

В этот день в квартире журналиста телефон не умолкал.

Две женщины, убитые горем, поблагодарили журналистов на пресс-конференции в квартире Гинзбурга. Мать Александра дважды видела, как арестовывают ее сына, жена Арина — один раз.

Гинзбург был внешне спокоен. Внутренне он настраивался на то медленное и ограниченное течение жизни, которое ему придется терпеть дни, месяцы, годы. Было такое впечатление, что он погрузился в медитацию, как будто покинул телесную оболочку и находится где-то далеко от своего дома в Беляево-Богородском — далеко от жены, матери, двоих сыновей, приемного сына, друзей, журналистов. Он знал, что это будет самый длинный и самый тяжелый его тюремный срок. В его голосе не было злобы, не было страха — вообще никаких эмоций, как будто это не его приговорят к двенадцати годам, как будто это не он освободится в пятьдесят три года, если вообще освободится.

В то утро Гинзбург по неофициальным каналам узнал, что КГБ подготовил ордера на два ареста — его и Орлова.

Источником этой информации был капитан КГБ Виктор Орехов. Год назад он подружился с диссидентом Марком Морозовым. Эта странная дружба вызывала у окружающих удивление и даже подозрения. Получил ли капитан приказ наблюдать за диссидентской средой, обменивая кое-какую внутреннюю информацию КГБ на сведения о диссидентах? Почему он выбрал Морозова, который был далек от круга активных диссидентов, прежде всего потому, что не умел держать язык за зубами? Как-то раз в разговоре с Морозовым капитан КГБ признался, что очень уважает Орлова, «прежде всего потому, что он ученый, а во-вторых, потому что русский».

О побудительных мотивах капитана Орехова часто спорили. Некоторые считали, что он искренен, другие в этом сомневались. Алексеева, например, запретила Морозову появляться в своем доме до тех пор, пока он общается с капитаном КГБ, а Турчин отнесся к этим контактам с большим интересом. Пару месяцев назад, в конце декабря, Морозов пришел к Слепаку и сказал, что Орехов предупредил: выписан ордер на обыск его квартиры. Слепак попросил Морозова уйти и никогда больше не появляться в его доме. На следующий день к нему действительно пришли с ордером на обыск.

После статьи в «Литературке» информация Орехова об ордерах на арест Гинзбурга и Орлова выглядела вполне правдоподобно.

Гинзбург собрал журналистов и друзей, взял в руки газету и сказал:

— А сейчас я расскажу вам, как на самом деле работал фонд, — и рассказывал об этом в течение двадцати минут.

Фонд был создан Александром Солженицыным, зарегистрирован в Швейцарии, возглавляет его жена Солженицына Наталья Светлова.

За время своего существования фонд выделил 270 тысяч рублей, 70 тысяч из которых были собраны в СССР, а остальные перечислены с Запада. В 1974 году, когда Фонд был основан, он предоставил помощь ста двадцати заключенным и их семьям, в 1975 — семистам двадцати, а в 1976 году — шестистам тридцати. Фонд передавал денежную помощь только в советских рублях.

Это был первый публичный отчет о финансовой деятельности фонда. Гинзбург решил это сделать, чтобы предотвратить возможные последующие разоблачения в «Литературной газете».

Упомянутая сумма в 270 тысяч рублей была ночным кошмаром для бухгалтера. Она включала в себя деньги, потраченные на еду, одежду и лекарства, но не было понятно, где все это было куплено — в СССР или на Западе. Если лекарства были куплены на Западе, каким образом Гинзбург перевел потраченные деньги в рубли? Использовался для этого официальный курс или рыночный? А еда и одежда, которые были куплены в «Березках» на чеки Внешпосылторга? Как они конвертировались в рубли? Гинзбург, понятно, об этом не распространялся.

Гинзбург сказал, что предавал деньги своим помощникам, но их имен не называл. Какая-то часть денег хранилась на его счету в Сбербанке. Будучи администратором фонда, Гинзбург, по его словам, не получал зарплату. Семья жила на зарплату Арины, случайные заработки Гинзбурга и те 70 рублей, которые он получал в качестве секретаря Сахарова. Гинзбург сообщил, что с этого дня заниматься делами фонда будут его жена Арина, Мальва Ланда и Татьяна Ходорович.

Гинзбург перешел к другому вопросу, по которому считал необходимым высказаться: тот же номер «Литературной газеты» обрушился с критикой на Джорджа Крымского. Гинзбург сказал, что это просто шантаж КГБ.

— Если Ассошиэйтед Пресс поддастся на этот шантаж и избавится от Крымского, мы больше не будем приглашать корреспондентов этого агентства на наши пресс-конференции.

Гинзбург, который, скорее всего, должен был стать следующей жертвой репрессий, попытался надавить на Ассошиэйтед Пресс так же, как пытался давить на советские власти.

Алексеева поражалась его спокойствию на протяжении всей пресс-конференции.

«Такое впечатление, что он комментировал не свой арест, а кого-то другого, как будто он уже преодолел какой-то психологический барьер и уже был там, в лагере», — вспоминала она.

После пресс-конференции Кристофер Рен из «Нью-Йорк таймс» остался у Гинзбурга. На следующий день вышла его статья, в которой утверждалось, что когда фонд был основан, деньги с Запада перечислялись законным способом, но власти заблокировали дальнейшие выплаты. Теперь, как сказал Рену Гинзбург, он получал деньги — только рубли — через российских посредников, которые говорили, что это деньги Солженицына, но не объясняли, каким образом они к ним попали.

Эта ремарка в конце статьи Рена фактически была равносильна признанию Гинзбурга в том, что он был соучастником незаконных валютных операций фонда Солженицына. Статью опубликовали в газете от 3 февраля, на второй странице.

Валютные операции такого рода не были бы нарушением закона на Западе, но по советским законам могли стать составом преступления, за которое предусмотрено суровое наказание. Между тем десятилетиями советские граждане вывозили чемоданы рублей на Запад и продавали в банки, которые перепродавали их по рыночному курсу тем, кто уезжал в СССР и хотел сэкономить валюту. В 1977 году официальный курс доллара был 75 копеек. Комиссионные за безналичный перевод денег составляли 65 % от курса, так что доллар обесценивался до 26 копеек. В то же время на Западе один рубль можно было купить за 20—25 центов.

Спустя годы, после освобождения из заключения, Гинзбург сказал, что сотрудники фонда покупали советские рубли на Западе и контрабандным путем провозили в СССР. Он несколько раз рассказывал об этом во время своих лекционных поездок. Российский общественный фонд, зарегистрированный в Швейцарии, не публиковал финансовые отчеты, но источник, близкий к фонду, подтвердил слова Гинзбурга.

Если то, что говорит Гинзбург, правда, то всех — от администрации фонда до бывших заключенных и членов их семей — могли привлечь к ответственности за участие в валютных операциях. Большинство помогавших фонду об этом не знали.

— Если бы я знал, в чем дело, я бы предпочел остаться в стороне от этого, — сказал один бывший активист. — Одно дело оказаться за решеткой за помощь заключенным, но совсем другое — оказаться за решеткой как соучастник валютного преступления.

2 февраля 1977 года история с контрабандой валюты, которой занимался фонд Солженицына, всплыла на поверхность. Из статьи Рена в «Нью-Йорк Таймс» можно было почерпнуть не только намеки. Однако, похоже, КГБ считал этот вопрос слишком тонким, чтобы об-

суждать его в прессе или выносить на рассмотрение суда. Признать, что большие суммы денег уходили из страны и возвращались обратно контрабандным путем, означало бы, что уполномоченные органы либо плохо работают, либо закрывают глаза на факт существования международного черного рынка рубля, а к этому советское руководство не было готово.

Что касается Гинзбурга, то его можно было повторно обвинить по 70-й статье. Этого достаточно, чтобы избавиться от него на долгое время.

В тот день Орлов через Марка Морозова и Турчина узнал о предупреждении капитана Орехова насчет его ареста. Вечером, когда у «топтунов», видимо, был перерыв на ужин, он выключил в квартире свет и выпрыгнул из окна прямо в сугроб.

Позже, когда пришла милиция, Ирина с полным основанием сказала:

— Его здесь нет.

3 февраля Гинзбург провел дома в ожидании ареста. Вечером он вышел позвонить из телефона-автомата — и не вернулся.

«Всю первую неделю в тюрьме я спал, просыпаясь только чтобы поест», — вспоминал он позже. — Во сне я видел себя самым свободным человеком, таким, каким я был только однажды в своей жизни — в течение всего 1976 года».

На пресс-конференции Хельсинкской группы 4 февраля, после того как было объявлено об аресте Гинзбурга, Ирина Орлова сказала одному из американских журналистов:

— Вы нас предали!

В этой фразе была и обреченность, и страх; возможно, это было и проявлением, как говорили некоторые друзья, инфантильности избалованной жены. Но не только. Неразбериха, царящая в американском Госдепе и Белом доме бросалась в глаза и по другую сторону Атлантики. Дело не только в том, что один чиновник выступил невпопад, а американский президент великодушно объяснил, что хотя важное заявление исходило не от него, он с ним согласен. В московских диссидентских кругах это недоразумение в Вашингтоне воспринималось как отказ американского президента от обещания сделать права человека центральным местом своей политики. Говоря: «Вы нас предали!» — Ирина подразумевала, что этот отказ американского президента послужил для КГБ сигналом, что Соединенные Штаты не будут заступаться за диссидентов. Этот сигнал, считала она, привел к тому, что в КГБ выписали ордера на арест ее мужа и Гинзбурга. Кто знает, было ли это так на самом деле, но в тот момент Ирина не могла не выйти из себя.

4 февраля МИД сообщил Ассошиэйтед Пресс, что присутствие Джорджа Крымского в СССР нежелательно. И его высылали.

— Надо бы вести запись звонков, — сказала Пола Крымски, которая принимала большинство телефонных звонков, вызванных статьями в «Литературной газете».

— Хорошая идея. Это будет прекрасным сувениром на память, — одобрил идею Крымский.

Крымские зафиксировали около восьмидесяти звонков. Две трети звонивших хотели их поддержать:

— Ваш муж на самом деле шпион? — спрашивали, как правило, звонившие.

— Конечно, нет, — отвечала Пола.

— Я тоже так думаю. Пожалуйста, не вспоминайте о нас плохо.

В некоторых звонках чувствовалась еще большая поддержка:

— Я звоню из автомата и просто хочу сказать, что мы не верим тому, что пишут в наших газетах, — и сразу повесили трубку.

Было, кажется, всего шесть недружелюбных звонков. Иногда казалось, что звонившие произносят заранее подготовленную речь:

— Империалисты пришли в нашу страну, где живут миролюбивые люди, для того, чтобы уничтожить и подменять наши общественные ценности...

Пола пыталась возразить.

Звонивший не обращал на нее внимания и начинал сначала:

— Империалисты пришли в нашу страну, где живут миролюбивые люди, для того, чтобы уничтожить и подменять наши общественные ценности...

Остальные звонки можно было отнести к разряду «прочих».

— Я читал в газетах, что вашего мужа уволили.

— Да.

— Вы собираетесь вернуться в Америку?

— Мы еще не решили, но думаю, что да.

— Не могли бы вы взять с собой запись, которую я со своей группой сделал для Рэя Конниффа?

Неизбежность отъезда Крымского вдохновила одного из членов Рабочей комиссии по психиатрии написать прощальные вирши:

Привет, Джордж,
Ты хороший друг,
Ты тот, про кого ваши люди говорят «о'кей»,
Ты видел много наших бед,
Теперь Бог наградит тебя лучшими днями.

В одном письме, напечатанном на папиросной бумаге, со смазанными точками и дырками вместо буквы «о», Крымского хвалили за «содержательные статьи о правозащитном движении в СССР». Эти

статьи, говорилось в письме, «стали частью международной гласности». Письмо подписали Орлов, Турчин, Ланда, Жолковская, Алексеева, Вильямс и отец Глеб Якунин — православный священник, который незадолго до этих событий организовал Христианский комитет защиты прав верующих — еще одно ответвление Хельсинкской группы.

Американский посол Малкольм Тун тоже позвонил и сообщил, что администрация Картера решила сделать ответный ход и выслать из Вашингтона советского корреспондента, причем такого, который не был шпионом. 6 февраля Госдеп предписал корреспонденту ТАСС Владимиру Ивановичу Алексееву покинуть Соединенные Штаты.

Вопреки словам Туна Алексеев был не простым корреспондентом. Его подозревали в шпионаже как минимум со дня выборов в 1976 году, когда он попытался завербовать Роналда Хэмфри, сотрудника одного из информационных агентств. Хэмфри доложил об этом начальству, его попросили сообщать о дальнейших контактах с русскими, что он и делал. (В 1978 году Хэмфри был осужден по обвинению в краже каких-то секретных сведений и передаче их Северному Вьетнаму, что, по всей видимости, не имело отношения к описанной выше истории).

10 февраля, в последний день пребывания Крымских в Москве, их дочь Алиса, которой было год и два месяца, сделала первые шаги и самостоятельно дошла от подъезда до старой «Чайки», которую арендовал корпункт Ассошиэйтед Пресс, видимо, из-за ностальгических ассоциаций с «Крайслером» 1950 года выпуска.

Машину вел нанятый вместе с «Чайкой» шофер Толя, немолодой уже любитель выпить в нерабочее время. Он ехал в «Шереметьево» с максимально дозволенной скоростью, но не нарушая правил. Крымский должен уехать «чистым, как слеза ребенка», сказал шеф бюро Мейсон. Никаких прощаний с диссидентами, никаких советских рублей и даже медных копеек, никаких произведений неформального искусства, никакого превышения скорости по дороге в аэропорт. Мейсон сидел впереди, рядом с красноносым Толей, чтобы лично убедиться, что отъезд пройдет нормально.

В зале вылета аэропорта фланировали люди в длинных пальто, с прикрытыми шарфами лицами: гэбисты, как и Мейсон, хотели убедиться, что все пройдет без эксцессов. Это были последние «топтуны», которых видел в своей жизни Крымский. Попрощаться приехали и друзья, в основном иностранцы. Они пробрались меж закутаных в шарфы мужчин. Алиса топала по залу, Пола слегка придерживала ее за руку и приговаривала:

— Смотрите, она ходит.

Семейство уже прошло через турникет, когда Крымский услышал:

— Подождите! Подождите! — Сахаров и Боннэр пытались пробраться через толпу.

Через турникет Сахаров поцеловал Крымского и сказал что-то вроде: «Мы очень вам благодарны».

Возникла именно та ситуация, которой Мейсон старался не допустить, и она становилась все хуже.

— Это от нас, — сказал Сахаров, протягивая ему какое-то печатное издание, оказавшееся сборником его статей «О стране и мире», переведенных на английский язык.

Крымский оглянулся на Мейсона. Тот заметно побледнел, глядя на эту сцену: Сахаров открыто передает свою книгу Крымскому через турникет в аэропорту «Шереметьево». Если у гэбистского эскорта есть фотоаппараты, получатся удачные кадры для следующего номера «Литературной газеты».

— Андрей Дмитриевич, я не могу это сейчас взять, — сказал Крымский. — Пожалуйста, оставьте книгу моим друзьям, они мне передадут.

Ответ ошеломил Сахарова. Его лицо вытянулось, он выглядел удрученным. Крымский достаточно давно знал Сахарова, чтобы понять, о чем он думает: «Почему он не берет подарок? Почему свободный человек не может бросить последний вызов советским тиранам?»

Стоя по ту сторону турникета, Крымский не мог объяснить, что сейчас тираном для него было не советское государство. У него было много других обязательств: перед самим собой, перед семьей, перед своей карьерой. Переступив через линию контроля, он снова стал американцем.

Спустя час симпатичная стюардесса из «Пан Американ» принесла Крымским по стопке «Столичной» со льдом.

Джордж сделал маленький глоток. Водка прошла мягко. Он глубоко вдохнул кондиционированный воздух — без надоевших запахов приторного дезодоранта и крепкого русского табака.

— Слава богу, — сказал Джордж.

— Слава богу, — сказала Пола.

Глава 21

«Я не скрываюсь»

9 февраля около трех часов дня невысокий человек в поношенной куртке, валенках и шапке-ушанке прошел мимо кагэбэшников, дежуривших у дома Алексеевой. Он был похож на тех многочисленных ходоков из провинции, которые стали появляться у Алексеевой с прошлого мая. Он зашел в подъезд, дождался лифта и поднялся на шестнадцатый этаж.

Дверь открыла мать Алексеевой. Гость снял шапку, которая скрывала копну рыжих волос, и приставил указательный палец к губам. Валентина Афанасьевна тут же взяла «волшебный блокнот» и написала:

«Хотите чаю?»

Чернила скатывались в капельки на серой поверхности пластика, но слова можно было разобрать.

«Нет, спасибо. Где Люда?» — написал Орлов в ответ.

«Я не знаю».

«Не могли бы вы позвонить Толе Щаранскому?»

Ефименко набрала номер квартиры, где остановился Щаранский. — Люда просит вас зайти к нам, — сказала она.

Щаранский появился очень быстро.

«Найди Люду и журналистов», — написал Орлов.

Щаранский помчался к Турчиным, и они вдвоем отправились к Григоренко, где Алексеева помогала печатать обращение к властям с просьбой об условном освобождении Александра Гинзбурга по состоянию здоровья. По советским законам разрешалось передавать осужденных на поруки в «трудовой коллектив». В обращении говорилось, что в связи с плохим здоровьем Гинзбурга необходимо передать на поруки «коллективу» его друзей, среди которых был Григоренко.

Письмо не содержало обещания «перевоспитать» Гинзбурга, как это полагалось в обращении «от советского коллектива».

Турчин ворвался в квартиру Григоренко, схватил дощечку и написал: «Беги скорей домой. У тебя Орлов».

Ничего не объясняя — в конце концов Орлов хотел видеть только ее, а не всю Группу — Алексеева извинилась и ушла.

В квартире, опять же используя «волшебный блокнот», Орлов объяснил причину своего возвращения. Он знал, что ситуация критическая. Он слышал по радио, что Гинзбург арестован.

Несколько дней он находился в доме у матери своего друга, под Москвой. Но в такой ситуации он считал, что лидер Московской Хельсинкской группы не должен вести себя как беглец, скрывающийся от правосудия.

«Американцы не поняли бы, почему я прячусь», — написал Орлов.

Он хотел вернуться ненадолго — только чтобы сделать заявление для прессы, затем снова одеться под ходока и скрыться.

Орлов писал, что насколько он может судить, за ним не было слежки по дороге к Алексеевой. «Топтуны», приставленные следить за ней, могли и не обратить на него особого внимания. Но на всякий случай выходить из дома лучше вместе с журналистами. Арестовывать его у них на глазах вряд ли станут.

«Вы будете писать или говорить на пресс-конференции?» — написала Алексеева.

«Говорить. Руководитель Хельсинкской группы не должен вести себя как беглец в присутствии журналистов».

В шесть часов вернулись Щаранский и Турчин, с ними пришли Тот из «Лос-Анджелес таймс» и Мейсон, шеф бюро Ассошиэйтед Пресс. Журналистов попросили не обращаться к Орлову по имени.

Орлов пытался провести пресс-конференцию в нормальном режиме — насколько это было возможно. Он представил написанный им документ, призывающий все страны, подписавшие Заключительный акт, снять гриф секретности с материалов и документов в ряде сфер. Это, по мнению физика, облегчило бы обмен информацией и способствовало бы установлению доверия между странами. Это заявление соответствовало сложившейся в Хельсинкской группе традиции: представлять все документы журналистам, зная, что их интересует далеко не все. Документ был небольшой, и рассказав о нем, Орлов перешел к собственным проблемам.

Тем временем мать Алексеевой разговаривала по телефону с подругой. Как только Орлов начал говорить, связь оборвалась. Она попыталась снова набрать номер, но ничего не вышло. Сотрудник КГБ, прослушивавший квартиру, узнал голос Орлова и сразу отключил телефон.

— Вы скрываетесь? — спросил один журналист.

— Нет, я просто не живу дома.

— А почему?

— Не хочу им сдаваться. Я ни в чем не виновен, никакого преступления не совершал, точно так же, как и остальные члены Группы.

Нет, арест ему не грозит, сказал Орлов. Они не сделали бы этого после международного возмущения арестом Гинзбурга. Власти побоятся снова вызвать недовольство Запада. Но даже если бы его арестовали, продолжал Орлов, его, скорее всего, попытаются осудить «за клевету», по статье 190 прим. В худшем случае ему грозит три года лагерей.

Орлов опасался, что власти будут преследовать Гинзбурга по обвинению в валютных операциях и повторно по 70-й статье за антисоветскую пропаганду — до двенадцати лет лишения свободы и до пяти лет ссылки. К нему применят самое суровое наказание — за то, что он работал в фонде Солженицына.

Пресс-конференция продолжалась около двадцати минут. Когда журналисты собрались уходить, Орлов решил не рисковать и повременить. С журналистами пошел Щаранский, чтобы проверить, нет ли слежки.

В подъезде целовались мужчина и женщина. Целующиеся парочки в московских подъездах — обычное явление, но, как правило, это молодые люди, которым больше некуда деться. Эти же двое были и старше и одеты в новенькие импортные дубленки. Щаранский обошел парочку вокруг. Мужчина и женщина продолжали целоваться.

— Я знаю этого парня, — сказал Щаранский журналистам. — Он следил за мной несколько раз.

Поцелуи продолжались.

Журналисты ушли, и Щаранский вернулся, чтобы составить план обратного маршрута для Орлова. В доме было три подъезда, все — с выходом на чердак. Если двери там не заперты, Орлов мог бы перейти по чердаку в другой подъезд, и выйти в другом конце дома.

Щаранский надел его пальто и шапку-ушанку. Он поднялся на семнадцатый этаж и толкнул дверь на чердак. Дверь открылась. Дверь в другой подъезд тоже была не заперта. Побег был возможен. Щаранский спустился на лифте и вышел на улицу. Его сразу же ослепил свет фонарика, направленный на него. Но оперативники ждали Орлова, а не Щаранского, и поэтому позволили ему уйти.

Открытые двери на чердак это ловушка, сказал Щаранский, вернувшись в квартиру. Поймать Орлова, когда он попытался сбежать через крышу, как обычный уголовник — из этой истории можно сделать хорошую статью для «Литературной газеты».

В семь часов Щаранский ушел. Алексеева, ее сын Михаил и Вильямс должны были идти на прощальную вечеринку: 1 февраля ОВИР сообщил, что принято решение оформить ей выездную визу. Такие

вечеринки — дружеский долг, и Алексеева не могла им пренебречь. Орлов остался в ее квартире с выключенным светом.

Когда Алексеева вернулась, они с Орловым пошли на кухню, где — сидя в темноте — обсуждали будущее Группы. Это было странное заседание по стратегическому планированию, в котором участвовал человек, которого должны вот-вот арестовать, и женщина, чей самолет должен улететь в западном направлении через двенадцать дней.

«Кто будет руководить Группой?» — написал Орлов.

Его оптимизм выглядел легкомысленно. Целующиеся парочки на лестничной клетке, оперативники у каждого подъезда — было понятно, что Орлову не дадут ускользнуть.

«Вы», — написала Алексеева.

Она сделала паузу, но не дождавшись ответа, продолжила:

«Руководство появится у Группы само собой».

Она опять остановилась. Орлов хотел, чтобы Алексеева продолжила мысль. Это была беззвучная форма его любимого вопроса: что вы об этом думаете?

«Зачем перекладывать ответственность на других?»

Возглавлять Московскую Хельсинкскую группу это самый верный способ попасть в список лиц, которых КГБ хочет арестовать в первую очередь.

Орлов не ответил, и вопрос повис в воздухе.

Потом он перешел к другой теме и шепотом стал говорить о своих опасениях насчет жены:

— Она такая беспомощная... Она никогда не имела дела с деньгами. Она не понимает, что сколько стоит...

Он остановился, возможно, ожидая, что Алексеева скажет что-то мудрое, предложит какой-нибудь выход. Но ей ничего не приходило в голову. Она представила Ирину, ее большие удивленные глаза, фигуру подростка. Ей было почти тридцать, но она выглядела, а иногда и вела себя, как восемнадцатилетняя. Ирина жила эмоциями. В отличие от Орлова она не рассуждала, а полагалась на чувства. Теперь, столкнувшись с трудностями, Ирина получит шанс повзрослеть — и это будет для нее болезненно, подумала Алексеева.

— Где она найдет работу? — продолжал Орлов. — Кому нужен специалист по истории искусства Франции, к тому же жена Орлова...

Около пяти утра Орлов решил поспать. Алексеева слышала, как он переворачивается с боку на бок, и под ним скрипит раскладушка. Вдох... поворот... скрип, вдох... поворот... скрип. Звуки судьбы.

В шесть часов Алексеева разбудила сына.

— Миша, оденься и пройди вокруг дома — сказала она. — Посмотри, там ли они еще.

Он тепло оделся и, еще не до конца проснувшись, вышел. На лестничной площадке стояли двое. Он закрыл дверь.

На утро Орлов выглядел жизнерадостно.

— Как хорошо — мне есть чем заняться, — сказал он, взглянув на сугроб на балконе. — Я почищу снег.

В одиннадцать в дверь постучали. В это время должны были прийти Турчин, Щаранский и Ирина.

— Кто там?

— Прокуратура.

— Мне открыты или пусть стоят там? — спросила Алексеева Орлова.

— Откройте.

Восемь человек, один в штатском, остальные — милиционеры, все в новенькой форме, вошли в квартиру. «Милицейская форма — это отличный ход», — подумала она. Естественно, эти люди из КГБ, а не из прокуратуры, но по каким-то причинам операция КГБ сопровождается небольшим маскарадом. Форма выглядела так, будто ее только что сшили и отгладили.

— Это обыск? — спросила Алексеева.

— Нет. У нас есть сведения, что у вас находятся ваши единомышленники.

— Конечно, ко мне не приходят *ваши* единомышленники.

Человек в штатском открыл дверь в стенной шкаф.

— Я не позволю вам осматривать что-либо в квартире без ордера на обыск.

— А почему вы держите нас в коридоре? Почему бы вам не пригласить нас в комнату? — сказал один из «милиционеров».

Алексеева узнала в нем одного из тех, кто проводил обыск 4 января. Не успела она и слова промолвить, как человек в штатском уже открыл дверь в комнату, где на диване сидел Орлов.

— Вот человек, который нам нужен. Предъявите документы, пожалуйста.

Орлов показал ему свой паспорт.

— Одевайтесь, пожалуйста.

Орлов надел пальто и вышел в коридор. Теперь он был окружен людьми в милицейской форме.

Семеро увели Орлова с собой. Из окна Алексеева наблюдала за этой сценой, пока машина не скрылась из виду.

На следующий день об этом написали на первой странице «Лос-Анджелес таймс»:

«Москва — В четверг милиция арестовала Юрия Орлова, председателя диссидентской организации, которая отслеживала и сообщала о случаях нарушений советскими властями статей Хельсинкских соглашений, направленных на защиту прав человека...»

Западные дипломаты считают, что проводимые советскими властями репрессии — это, скорее всего, вызов американскому Конгрессу»

су и администрации Картера, которая высказывалась в поддержку гражданских прав в Советском Союзе.

Орлов был арестован в своей квартире после того, как он почти неделю скрывался. В среду вечером он рассказал иностранным журналистам, что почувствовал себя в безопасности после того, как на прошлой неделе Госдепартамент США высказал обеспокоенность в связи с арестом сорокалетнего Александра Гинзбурга.

Однако ни заявление Госдепартамента, ни намерение президента Картера осуждать нарушения прав человека советскими властями, похоже, не повлияли на Кремль».

Аналогичные статьи появились на первых страницах «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс». «Крисчен сайенс монитор» сообщила о напряженности между США и СССР, возникшей из-за ареста «рыжебородого Орлова». Стараясь быть красноречивым, Дэвид Уиллис, московский корреспондент газеты, по-видимому, перепутал гладковыбритого Орлова с рыжебородым Бернштамом. С тех пор как о Хельсинкской группе стали писать на первых страницах, журналисты вроде Уиллиса были вынуждены наверстывать упущенное: девять месяцев назад, когда была основана Группа, они не посчитали это заслуживающим внимания событием.

Спустя несколько дней после инаугурации Джими Картера адвокат Мартин Гарбус сообщил в Госдепартамент, что у него имеется письмо от Нобелевского лауреата Андрея Сахарова и он хочет передать его президенту публично. Если администрация откажется принять письмо, об этом будет проинформирована пресса, предупредил Гарбус чиновников.

Мало того что это был ультиматум, само существование такого письма бросало вызов президенту — он должен отчитаться о выполнении обещаний, данных во время предвыборной кампании и в его инаугурационной речи: *«Стремление к свободе усиливается. В таких условиях самая почетная и важная задача, которую мы можем определить сегодня для себя, в день новых начинаний — это помощь в построении гуманного мирового порядка, основанного на справедливости».*

Администрации нужно было решать, что делать с письмом опально-го академика.

«Сначала заместитель госсекретаря Филип Хабиб не хотел, чтобы письмо было передано публично, — пишет Гарбус в своей книге «Предатели и герои». — Президент США, публично принимающий письмо от гражданина СССР — это был бы шок для дипломатов, тем более что все они еще помнили Генри Кессинджера, который умел решать связанные с правами человека вопросы без лишнего шума.

Мы больше трех дней вели переговоры по телефону. Потом я встретился с Хабибом и тремя его помощниками. Хабиб продолжал настаивать на том, чтобы письмо было передано ему конфиденциально... Я сказал Хабибу, что если это не будет сделано публично, я устрою пресс-конференцию, на которой скажу, что администрация отказывается публично принять письмо, которое Сахаров попросил меня передать лично президенту».

Замечание любопытное, поскольку на самом деле Гарбус не помнил, говорил ли Сахаров о том, каким образом должно быть передано письмо — конфиденциально или публично. Гарбус посоветовался с несколькими людьми, которые знали Сахарова, и все сказали, что Сахаров ничего не делает за кулисами. Все, что пишет Сахаров, предназначено для широкой общественности.

«В итоге мы пошли на компромисс, — пишет Гарбус. — Хабиб от имени президента, принял письмо, но его текст появился на первых полосах газет».

Письмо было опубликовано в «Нью-Йорк таймс» 29 января, через восемь дней после того, как оно было написано.

«Господин Гарбус, который предоставил письмо „Нью-Йорк Таймс“ сообщил, что он представлял Сахарова во время переговоров с правительством США», — говорилось в статье на первой странице.

В таких условиях администрация не могла не отреагировать на письмо Сахарова: отказ принять письмо или не ответить на него мог вызвать ассоциации с поступком Джеральда Форда, который, последовав совету Киссинджера, отказался встретиться с Солженицыным, чтобы не осложнять отношения с Советским Союзом.

«Мы все понимали, что президент должен ответить, — пишет в своих мемуарах советник по национальной безопасности Збигнев Бжезински. — Авторитет автора письма был столь велик, что если бы на его письмо не ответили, это вызвало бы сравнение с широко раскритикованным отказом президента Форда встретиться с Солженицыным. Если бы лауреат Нобелевской премии мира жил в Чили, либеральная пресса была бы возмущена отказом Картера ответить ему. Кроме того, американо-советские отношения не испортились из-за встреч Брежнева с Гессом Холлом и другими просоветскими американскими деятелями, и мы не выразили публично свое несогласие с советскими лозунгами о том, что мир стоит на пороге мировой революции. Мы имели полное право говорить, что права человека должны быть основой будущего, но при этом игнорировать письмо Сахарова было бы проявлением малодушия».

Ответ президента готовили Бжезинский и госсекретарь Сайрус Вэнс.

«Мы с Вэнсом написали ответ Сахарову, тщательно подбирая слова, чтобы дать понять, что обеспокоенность президента касалась

мира в целом и к Советскому Союзу у него нет особого отношения в этом плане», — вспоминал Бжезинский.

17 февраля Сахарова пригласили в американское посольство и вручили письмо на бланке Белого дома, с подписью «Джимми Картер»:

«Я получил Ваше письмо от 21 января и хочу поблагодарить Вас за то, что Вы поделились со мной Вашими мыслями», — говорилось в письме, датированном 5 февраля.

После многолетних попыток заставить Кремль вести «диалог с обществом», Сахаров вступил в диалог с Белым домом.

«Права человека — центральная работа моей администрации, — писал американский президент самому известному российскому диссиденту.

В моей инаугурационной речи я сказал: „Будучи свободными, мы не можем быть безразличными к судьбе свободы где б то ни было“. Вы можете быть уверены, что американский народ и наше правительство будут сохранять твердое обязательство содействовать уважению прав человека не только в нашей стране, но и за границей.

Мы будем использовать наши возможности, чтобы искать пути освобождения узников совести, и мы продолжим наши усилия придать миру отзывчивость к человеческим стремлениям, создать мир, в котором народы с различной историей и культурой смогут жить бок о бок в мире и справедливости.

Я всегда рад получить от Вас известия, и я желаю Вам всего лучшего».

Не выходя из посольства, Сахаров сел и написал ответ:

«Я неоднократно писал и говорил, что защита основных прав человека — это не вмешательство во внутренние дела других стран, а одно из самых главных международных дел, неотделимое от основных проблем мира и прогресса. Сегодня, получив Ваше письмо, исключительный характер которого я ясно понимаю, я могу только еще раз повторить это».

Далее, переходя от общих рассуждений к конкретной ситуации, Сахаров сообщал о недавней волне арестов и, в заключение, писал:

«Главы всех государств, подписавших Заключительный акт в Хельсинки, должны добиться того, чтобы все члены Хельсинкской группы были освобождены, чтобы Группа могла продолжать свою важную работу».

Президент Соединенных Штатов, выражая признание Сахарову, открыто оказывал давление на советское руководство.

Тем временем у КГБ был хлопот полон рот: заключенных нужно допрашивать, иностранных журналистов ставить на место, а еще — довести до логичного завершения экстравагантное дело Анатолия Щаранского.

Несмотря на символический жест Вашингтона, репрессии продолжались...

Пройдет десять лет, и для Гарбуса наступят трудные времена. Его будут осуждать за то, что он способствовал возникновению конфронтации между двумя сверхдержавами.

«У меня действительно нет определенной точки зрения по этому поводу, — говорил он в интервью. — Иногда я склоняюсь к одному мнению, иногда — к другому».

История с письмом Сахарова имела интересное продолжение. Во время поездки в США в 1986 году Боннэр рассказала Альфреду Френдли, что они с Сахаровым были немало удивлены, узнав, что письмо стало известно широкой общественности. По-видимому, это все-таки было конфиденциальное письмо.

Для того чтобы западная пресса стала писать о Хельсинкской группе, репрессий было недостаточно. Нужна была и заинтересованность этим вопросом президента, и возникшее в связи с этим подобие конфронтации между Востоком и Западом из-за правозащитных проблем. После обысков 4 января информация просачивалась по каплям. В феврале она превратилась в мощный поток.

«Ньюсуик» впервые упомянул о Московской Хельсинкской группе 24 января, опубликовав статью об обысках, которые произошли почти три недели назад. В той же статье рассказывалось и о преследовании чешской правозащитной организации «Хартия-77». Текст иллюстрировался двумя фотографиями. На одной — чешский драматург Павел Когоут, на другой — десяток улыбающихся людей за праздничным столом, на первом плане — Андрей Амальрик в квадратных очках. Этот снимок сделал Крымский на дне рождения Амальрика девять месяцев назад. Рядом с ним на диване сидели Валентин Турчин, Арина Жолковская, Юрий Орлов и Гюзель Амальрик. За дальним концом стола виднелись Пола, Александр Гинзбург с пышной шевелюрой и Татьяна Турчина, а также Джордж Крымский, присевший между Полой и Гинзбургом. Но особенно привлекательным для «Ньюсуик» этот снимок сделала жена Орлова, Ирина, которая сидела на стуле поодаль от стола, в короткой юбке, скрестив стройные ноги. «Правозащитники: Амальрик с диссидентами в Москве» — гласила надпись под фотографией.

Через три недели «Ньюсуик» опубликовал еще одну статью на ту же тему, где сообщалось об аресте Гинзбурга, высылке Крымского и ухудшении ситуации с правами человека. На сей раз текст сопровождался фотографией обнаженного чешского диссидента, который лежал на могиле, его гениталии были заретушированы черным угольным карандашом.

21 февраля 1977 года сообщение о преследованиях попало на обложку «Тайм».

«Чтобы проверить серьезность намерений Соединенных Штатов, Комитет госбезопасности арестовал диссидента Александра Гинзбурга в телефонной будке», — сообщал журнал и для большей убедительности приводил рисунки: две темные фигуры, хватящие бородатого мужчину в телефонной будке — это, как объясняла подпись, «сотрудники КГБ арестовывают Александра Гинзбурга»; а человек в плаще, согнувшийся над унитазом — «подбрасывает иностранную валюту».

«Почему советские власти достаточно терпимо относятся к диссидентам, учитывая, чем те занимаются?» — цитировал журнал риторический вопрос Шаранского, на который он сам дал ответ: Потому что более жесткие меры по отношению к нам означали бы возврат к сталинским временам, а они этого не хотят. Они заинтересованы в хорошем отношении Запада, разрядке и развитии экономических отношений — большинство сегодняшних лидеров пережили Сталинские времена. Международное мнение — это то, что позволяет нам двигаться дальше, благодаря чему мы живы».

Даже после того как Гинзбург и Орлов попали в тюрьму, Шаранский, похоже, не потерял веру во влияние Запада на советских руководителей. Авторы «Тайм» немного снизили его оптимистический настрой: *«Массовый террор закончился со смертью Сталина, но нет сомнений в том, что если диссидентское движение когда-нибудь станет представлять серьезную угрозу коммунистическому правлению, Кремль начнет наступление в полную силу».*

Наступление Кремля уже началось — шесть недель назад.

Глава 22

Просто еврей, который пытается уехать

25 Февраля Саня Липавский написал письмо председателю Хельсинкской комиссии Конгресса США Данте Фаселлу.

«Мои друзья в США сообщили мне, что вы заинтересовались мной и моей семьей как семьей еврейских отказников, которым советские власти безжалостно отказывают в выдаче разрешения на выезд в Израиль.

Мы с женой врачи и никогда не работали на секретных предприятиях. Тем не менее причина, по которой нам отказывают — это доступ к государственной секретной информации. Я очень рад и горжусь тем, что моей судьбой заинтересовались Вы — человек, являющийся очень важной политической фигурой и возглавляющий американскую комиссию, которая следит за выполнением решений Хельсинкского совещания. Ваш интерес к нашей судьбе дает нам силы для продолжения борьбы за выезд на Родину и надежду на скорейший Исход».

4 марта в «Известиях» появилось еще одно письмо Липавского:

«Мне нелегко было взяться за перо, но после долгих и мучительных раздумий я пришел к выводу, что должен это сделать. Может быть, это открытое письмо раскроет глаза тем, кто еще заблуждается, кого обманывает западная пропаганда, кричащая на все голоса о преследовании в СССР „инакомыслящих“ и которая раздувает так называемый вопрос о правах человека».

За этим следовало то, что должно было восприниматься как взгляд изнутри на движение советских евреев за эмиграцию. Липавский писал, что когда он присоединился к нему в 1972 году, руководил движением триумвират — Марк Азбель, Александр Лернер и Виталий Рубин. Эта «верхушка» имела связи в среде иностранных журналистов, дипломатов, агентов американской разведки и эмиссаров «анти-советских организаций».

Сначала эта тройка пыталась привлечь к себе внимание всего мира, проводя международные конференции независимо от советской научной элиты. Когда эта попытка провалилась, писал Липавский, они решили действовать по-другому: *«Обеспокоившись перспективой утраты интереса к себе со стороны зарубежных хозяев, оказывавших солидную материальную помощь, она решила объединиться с возглавляемой небезызвестным Ю. Орловым так называемой группы по наблюдению за соблюдением Хельсинкских соглашений. В состав этой группы был введен В. Рубин, а затем А. Щаранский».*

Буквально накануне Липавский с Щаранским договорились вместе снимать комнату.

Как утверждал Липавский, именно Рубин свел его с ЦРУ. Первый, с кем он познакомился, был Мелвин Левицки, сотрудник иностранной разведки, который выполнял роль связного с диссидентами. Первая встреча состоялась в квартире Рубина в 1974 году. Спустя год агентство попыталось заставить его выведать секреты у его друга, ученого, который работал в сфере обороны, писал Липавский.

Еще одна статья в «Известий» содержала разные подробности, в том числе и абсурдные инструкции, которые Липавский якобы получал от ЦРУ.

«Мы были ободрены содержимым в пакете и были довольны получить пленку, которая ближе к интересующей нас информации», — говорилось в одной инструкции ЦРУ. «Известия» поясняли, что странный язык — это не шифровка, а просто «специалисты по русским делам» плохо знают русский язык.

«Фотографирование является самым эффективным методом передачи такой информации и мы желаем, чтобы вы продолжали этот метод для продолжения ваших ответов на наши вопросы во всех возможных случаях в будущем, — сообщалось в инструкции. — *Некие наименования работ, к которым у „К“ есть доступ (особенно клистроны большой мощности для радиолокационного наведения и разработка аппаратуры связи для подводных лодок) нас очень интересуют и мы вас просим, постарайтесь приобрести фотографии более детальных и текущих секретных документов имеющих отношение к одной или обеим областям.*

Вдобавок, если время и обстоятельства позволят, нам нужно, чтобы вы передали больше данных относительно „К“ и характер ваших отношений с ним. Ваши детальные ответы на эти вопросы очень помогут нам лучше понять ситуацию».

Другая инструкция ЦРУ называлась «План связи» и значилось в ней следующее: *«Просим ответить детально на все наши вопросы. Эти ответы и любые другие секретные документы имеющиеся у вас, заверните таким-же типом водонепроницаемого материала, как и прошлый раз».*

«Известия» напечатали также фотографии: сверток со списками и инструкциями, фотокопии последних инструкций и схемой расположения автостоянки, где Липавский должен был бросить грязную сумку рядом с объявлением «На стоянке соблюдайте чистоту».

В статьях ничего не сообщалось о том, как будет развиваться дело Липавского. Было ли «открытое письмо» достаточным основанием для властей, чтобы освободить его от ответственности за контакты с врагом и за то, что он получал деньги за определенные услуги? Или Липавский действовал по инструкции КГБ и проник в диссидентский круг, чтобы продемонстрировать, что ЦРУ может завербовать диссидентов, используя их связи с американским посольством?

Спустя год президент Картер совершил беспрецедентный шаг, признав, что врач-отказник действительно находился в контакте с московским отделением ЦРУ в качестве «информатора» и что ему давали поручения, но он ничего не выполнил. В том же заявлении президент заявил, что Щаранский, которого тогда обвиняли в государственной измене, никогда не имел контактов с ЦРУ.

Признавая, что Липавский работал на ЦРУ, Картер тем самым как бы показывал, что Управление отказалось от своего принципа не использовать советских диссидентов в качестве информаторов. Этот принцип был принят в 1960-е годы, когда зародилось диссидентское движение. По словам Дональда Джеймсона, бывшего специалиста по СССР из ЦРУ, вербовка информаторов среди диссидентов была неразрешенной стратегией.

Было очевидно, что с самого начала КГБ наблюдал за диссидентами, а значит, любой информатор мог оказаться двойным агентом, говорил Джеймсон. Ко всему прочему, привлечение диссидентов к операциям ЦРУ могло повредить диссидентскому движению. Это противоречило бы интересам США.

«Я подозреваю, что кто-то [в ЦРУ] мог отнестись к предложению Липавского, как к возможности заполучить агента и совершил таким образом глупость, — сказал в интервью Джеймсон, который ушел на пенсию в 1973 году. — Я надеюсь по крайней мере что это послужило им [ЦРУ] уроком».

История с Липавским не дала советским властям того, что они хотели от нее получить. В его откровениях ничего не говорилось о сотрудничестве с ЦРУ американских журналистов или о том, что они были завербованы или были шпионами. Существуют свидетельства, указывающие на то, что это не была недоработка Липавского.

В мае 1975 года, за несколько недель до того, как он предложил предоставлять информацию ЦРУ, Липавский позвонил своему другу Юрию Тувиму, и сказал, что не хотел бы говорить об одном деликат-

ном вопросе по телефону, надо встретиться. Тувим приехал на Новослободскую улицу и увидел Липавского, стоявшего около своей серой «Волги». Тувим припарковался за ним.

«Липавский сказал: „У меня есть друзья. Они инженеры. Молодые ребята. Русские патриоты, — вспоминал Тувим позднее. — Работают на электронном заводе под Москвой. Они ненавидят советскую систему и хотят помочь Америке“».

С этими словами Липавский протянул ему коричневый чемоданчик, сделанный из фанеры:

— Ты знаешь каких-нибудь корреспондентов, ты можешь передать им это?

Тувим, сорокапятилетний инженер-механик, действительно был знаком с несколькими иностранными журналистами. Он не мог рассказать им ничего такого, что послужило бы сюжетом для их репортажей, и сам он не был отказником. Его отношения с журналистами не выходили за рамки обычного, ни к чему не обязывающего общения, без всякой политики. Правда, анекдоты, которые он мастерски рассказывал, попадали иногда в газетные статьи, но без упоминания об источнике.

Просьба Липавского сильно удивила Тувима. Ему незачем было участвовать в шпионаже. Но с другой стороны, об услуге попросил его хороший друг, человек, которого он считал еврейским патриотом. Они познакомились полтора года назад, и у Тувима были основания хорошо относиться к Липавскому хотя бы потому, что тот никогда ни о ком не говорил плохо — довольно необычная черта для атмосферы еврейского движения за эмиграцию.

Тувима не навело на подозрения даже то, что Липавский приехал на дорогой и престижной машине, на таких обычно ездят официальные лица. Липавский сказал, что «Волгу» ему купили американские родственники. Эти родственники, по словам Липавского, настолько богаты, что уже приобрели оборудование для радиотерапевтического центра, которым будет руководить Липавский, когда переедет в Америку.

До этого дня Липавский никогда не просил Тувима использовать его связи с журналистами. В конце концов доверие Тувима к Липавскому пересилило его осторожность и страх: если друг тебя просит, ты делаешь. Он положил чемоданчик в машину и поехал в Люберцы. Там у него был гараж, в котором он оставлял машину на зиму.

«По дороге я все время думал: зачем я это делаю? Это безумие».

В гараже он открыл чемоданчик. Там было штук двадцать инструкций, каждая толщиной примерно в сантиметр. Тувим стал их просматривать. Так, руководство по сварке алюминия. Бесполезно. Американцы давно знают, как сваривать алюминий. Дальше, руководство по определению уровня загрязненности «черного тела». Хм,

объект, который в идеале поглощает излучение всех видов и ничего не испускает. Это руководство могло представлять некоторый интерес для физика, но практически никакого — для национальной безопасности, подумал Тувим. На каждом руководстве стоял гриф «секретно» или «только для служебного пользования».

В дипломате не было ни письма, ни записки, где разъяснялось бы, как можно связаться с «русскими патриотами». Это означало, что если Тувим найдет журналиста, который согласится передать эти документы, и если ЦРУ захочет что-либо предпринять, то выйдут прежде всего на Тувима и через него передадут Липавскому, что пора организовать встречу с «патриотами».

Поняв, что он окажется звеном в этой цепочке, Тувим решил, что план слишком сложный, а документы не стоят такого риска, но все равно не заподозрил Липавского в том, что он двойной агент.

«Я не знаю, что бы я сделал, если бы в чемоданчике был просто мусор», — говорил позднее Тувим.

На следующий день он встретился с Липавским и сказал:

— Саня, забери свой чемоданчик. Я не буду этого делать.

И тут невозмутимость Липавского улетучилась. Он был расстроен, начал причитать:

— Как ты можешь? Это вопрос жизни и смерти. Эти люди, они рискуют жизнью. Эти люди, эти патриоты...

— Они не должны рисковать жизнью из-за этого мусора, — ответил Тувим.

Больше друзья не виделись. В октябре 1975 года Тувим эмигрировал. В Риме, в ожидании американской визы, он раздумывал о «секретных документах» в фанерном чемоданчике и все яснее понимал, что это темная история.

Липавский тогда, казалось, начал избегать его — не отвечал на звонки, не звонил, не забрал электрическую дрель, которую одолжил Тувиму, даже не пришел на прощальную вечеринку. В январе 1976 года на формальном собеседовании в американском посольстве в Риме Тувим сказал, что подозревает своего московского знакомого Саню Липавского в том, что он провокатор КГБ.

В посольстве такие «наводки» от советских эмигрантов были обычным делом.

К тому времени Липавский, похоже, уже получил сверток с наличными и безграмотные инструкции ЦРУ, которые содержали просьбу предоставлять более качественную информацию.

Тем временем Виталий Рубин постепенно приходил к неприятному для себя заключению, что его близкий друг Липавский не был героем еврейского движения. В тот день, когда письмо Липавского появилось в «Известиях», Рубин написал в своем дневнике:

«Сегодня 24-я годовщина смерти питоньча (Сталина). Утром — ужасное сообщение о том, что в „Известиях“ опубликовано письмо Липавского о том, что ему известно, что ряд людей занимается шпионской деятельностью при посредничестве сотрудников американского посольства. Возможно, что там упомянуто и мое имя.

Итак, висевшая веревочка пришла к концу. Я много раз думал о том, что это может прийти к самому ужасному концу, и несколько раз говорил Саше [Липавскому] о том, что стоило бы со всем этим покончить. Он отмалчивался.

После того, как он передал что-то Мелу [Левицкому], я думал, что все этим кончится, но он решил установить с ним постоянную связь. Я не считал возможным говорить с ним об этом особенно много, потому что это выглядело бы трусостью.

Если бы мы были там, я несомненно был бы арестован. Теперь интересно, что они собираются сделать из этого: возможно, что они готовят (показательный процесс) со многим людьми, так или иначе связанными с Сашей. Однако это не даст им никаких лавров, прежде всего потому, что им никто не поверит, даже если кто-то признается. Это может сыграть роль второго Ленинградского процесса, потом вероятным результатом будет резкий рост антисемитизма (с возможными эксцессами и погромами) и массовая подача заявлений на выезд».

В дневнике, где человеку нечего скрывать, Рубин подтвердил, что он представил Липавского сотруднику американского посольства Левицкому и что его беспокоили контакты Липавского с ЦРУ.

Теперь все это было позади, но Рубин все еще думал, что это, возможно, приведет к новой волне еврейского движения за эмиграцию. Спустя пять дней, 10 март, Рубин написал:

«Вчера я думал об этом и пришел к выводу, что Саня Липавский не мог написать такое письмо. Я предполагаю, что он в тюрьме и даже ничего не знает об этом. Я пришел к такому выводу на основании того факта, что он ненавидел предательство... [и] что он человек исключительной доброты (все эти случаи, когда он помогал людям разными способами, как он принимал на себя обвинения в адрес своего руководства, а когда я сказал ему, что он должен куда-нибудь пожаловаться, он сказал: „Я даже муху не могу обидеть“). Я также вспомнил, с каким достоинством он себя вел. Поэтому я считаю вполне вероятным, что он ничего не знает о письме и находится в тюрьме. С другой стороны, вечером Луни [другой бывший отказник, который жил в Израиле] рассказал мне, что, по информации из Москвы, Липавский не был арестован».

13 марта Рубин разговаривал по телефону с Щаранским, после чего записал в дневнике:

«Сегодня я разговаривал с Толей Щаранским и Александром Яковлевичем Лернером (другой отказник, которого обвинял Липавский). Они

сказали, что ничего нового не происходит. За Толей по-прежнему ходит 8 человек. Настроение у них хорошее — какие молодцы. Я рассказал Толе о Наташе [Авиталь], о том, что она в ближайшие дни уезжает с Мишей в США, что за них борются мощные силы и развивается кампания в США. Когда я сказал Толе, что думаю, что с каждым днем опасность, что их арестуют, уменьшается, он ответил:

„Я тоже так думаю. Даже обидно — так хорошо подготовились“.

„Я вижу, ты не потерял чувство юмора“, — сказал я.

„Конечно, нет. Мы все время смеемся“, — ответил он.

„А, так вот что называется еврейским смехом“, — заметил я».

Видимо, этот разговор вселил в Рубина оптимизм насчет дальнейшей судьбы Щаранского и Лернера. Его «рабочей гипотезой» в тот день было то, что власти разрешат им уехать после того, как соберут весь «политический капитал» с истории Липавского, которая связывала советских евреев с ЦРУ.

«Возможно, Липавский станет главной жертвой всей этой истории, — писал Рубин. — Я думаю, письмо было написано КГБ на основе тех показаний, и он ничего не знает о письме. Теперь его держат в изоляции, но это не может продолжаться долго. Рано или поздно он снова появится и он будет все отвергать (что приведет его к долгому тюремному сроку или смертной казни) или покончит жизнь самоубийством. Это должно произойти в течение недели. Иначе случится сенсация номер один. В течение одного-двух месяцев (или даже раньше) начнется эскалация антисемитизма».

Рубин опять верил, что Липавский еврейский герой, который скоро выйдет на свободу, чтобы вернуть себе доброе имя, даже если ему потребуется пожертвовать жизнью во имя эмиграции евреев.

15 марта Рубин написал: «Сейчас стало понятно, что мы чудом избежали ужасной судьбы. Если бы Липавский признался во всем годом раньше, он бы назвал меня как соучастника и я бы получил как минимум десять лет. Не думаю, что я бы выжил».

Теперь Липавский уже был не героем для Рубина, а человеком, который мог сдать его как соучастника шпионажа. Ведь именно Рубин представил его Левицкому. Теперь Рубин не мог понять, почему не были арестованы другие люди, которые были упомянуты в «открытом письме» Липавского.

«Их [КГБ] снисходительное отношение к другим вполне объяснимо, — пишет Рубин. — В конце концов они ничего не знают, и обвинения в шпионаже совершенно абсурдно в любом случае».

Почему все так хорошо понятно, когда оглядываешься на прошлое и так трудно что-либо предвидеть? Дальнейший ход событий в связи с обвинениями Липавского и попытками использовать его для того, чтобы скомпрометировать всех активистов, кажется абсолютно естественным; между тем опасность того, что нашу деятельность

будут приравнять к шпионажу, не была для меня очевидной. (И не только для меня: Мел Левицки тоже не понимал этого, когда я разговаривал с ним в машине по дороге к нему домой в Вашингтоне). Чего мы не могли предвидеть, так это их [советских властей] намерения использовать это для возникновения в стране антисемитского психоза. Все это — их ответ Картеру; это в их стиле, но это невозможно было предсказать, как нельзя было предсказать поведение самого Картера.

15 марта советские власти неожиданно объявили об освобождении Михаила Штерна, доктора из Винницы (Украина), который был арестован якобы за дачу взятки вскоре после того, как она подал заявление на выезд в Израиль.

Еврейские организации на Западе утверждали, что Штерна арестовали, чтобы запугать евреев, которые хотели подать заявление на выезд. Позже, в марте, комитет из пятидесяти Нобелевских лауреатов, созданный французским философом Жаном-Полем Сартром, должен был провести двухдневный «трибунал» в Амстердаме, чтобы привлечь внимание к делу Штерна. Некоторые говорили, что преследование врача из Винницы это новое «дело Дрейфуса».

Корреспондент «Балтимор сан» Харольд Пайпер и корреспондент «Файненшл таймс» Дэвид Сэттер решили по поводу освобождения Штерна зайти в гости к Слепаку.

«Я давно не видел Слепака, поэтому решил зайти к нему, — вспоминает Пайпер. — Дэвид тоже собирался прийти».

У Слепака в то время жил Щаранский. Он поселился у него после того, как его попытка снять комнату на пару с Липавским закончилась так неудачно.

Слепак достал армянский коньяк и все выпили по глотку.

— Они могут позволить нескольким евреям уехать, а потом запугать остальных новым судом, — сказал Щаранский журналистам.

Это пророческое замечание на следующий день появилось в «Сан».

Советские власти могли просто отпустить какую-нибудь знаменитость, чтобы получить одобрение Запада, а затем, прикрываясь этим одобрением, обрушить репрессии на активных диссидентов. Этот метод КГБ использовал, чтобы не потерять контроль за ситуацией.

Пайпер и Сэттер спросили Щаранского, каково это, когда за тобой ведется такая интенсивная слежка.

«Кажется, коньяк ударил мне в голову, поэтому я сказал: „Пойдемте. Я вам покажу“», — вспоминает Щаранский.

Щаранский в сопровождении двух журналистов и Слепака, вышел из квартиры. На лестничной клетке дежурили двое. Щаранский нажал кнопку и в ожидании лифта не переставал говорить. Лифт пришел, и все, включая гэбистов, вошли в кабину.

— Сначала выходит один, потом я, за мной другой, — объяснял Щаранский действия тайной полиции.

Внизу ждал целый отряд кагэбэшников. Как только Щаранский и остальные вышли из лифта, оперативники оттеснили журналистов, толкнули Щаранского в спину и потащили в стоявшую у подъезда машину.

Мрачно-юмористический рассказ о том, каково это, когда за тобой постоянно следят, закончился самой мрачной иллюстрацией.

«Итак, Толя арестован, — написал Рубин в своем дневнике на следующий день.— Он в Лефортово».

Спустя две недели 31 марта он добавил: *«Мне кажется, в аресте Толи есть и моя доля вины. Ситуация с Липавским (о которой знал только я один) создала огромную опасность для всех, а я этого не осознал. Конечно, знакомство Липавского с Мелом не могло вызвать осуждения в мой адрес, так как понятно, на чьей стороне мы в этой войне. Но мог ли я предотвратить его последующие встречи? Я говорил ему несколько раз, что считаю его контакты с ЦРУ слишком опасными и ненужными, но я не мог заставить его остановиться. Любопытно, что он признался Инне [жене Рубина], что для него в этом есть финансовый интерес».*

Рубина мучило чувство вины и он пытался понять суть интриг Липавского. Он решил написать статью об этих событиях в Москве.

В одном он был уверен:

«То, что произошло сейчас с Щаранским, заставляет поставить вопрос об отношениях между еврейским и демократическим движениями в середине 70-х. Что я могу об этом написать? О сути отношений между еврейским и демократическим движениями и о реальном характере нашего сотрудничества. Здесь я должен решить, нужно ли концентрироваться на Толе или лучше писать о ситуации в целом... Какова будет моя основная мысль? Что в настоящее время еврейский вопрос неотделим от диссидентского движения; что они взаимосвязаны не только с точки зрения советских властей, но это объективно так и есть? Основной целью написания статьи является опровергнуть идиотскую точку зрения о том, что участие в демократическом движении фактически подразумевает проеврейские убеждения. На самом деле, важно понять, что существует объединенный фронт еврейского и демократического движений, поскольку их цели совпадают».

Рубин, Орлов и Щаранский стояли у истоков объединения обоих движений. В Московской Хельсинкской группе Рубин, Щаранский, а затем Слепак могли свободно работать над своей задачей — эмиграцией. Но эта задача не считалась более важной по сравнению с проблемами пятидесятников, крымских татар или этнических русских.

Теперь, когда Орлов и Щаранский арестованы, Рубин считал, что он обязан бороться с этноцентричной точкой зрения, выделяющей еврейский вопрос как совершенно особенный по сравнению с другими правозащитными проблемами. Для Рубина это была щекотливая ситуация, поскольку точка зрения, которую он назвал «идиотской», поддерживалась государством Израиль, многими еврейскими организациями во всем мире и женой Щаранского, Авиталь.

Во время своих многочисленных поездок по миру Авиталь всегда подчеркивала, что Щаранский — просто еврей, который хотел уехать в Израиль.

Глава 23

Залы судебных заседаний

Самолет из Москвы приземлился в Вене 22 февраля, и Людмила Алексеева остро ощутила, что оказалась лицом к лицу с неизвестностью. Ей пятьдесят, она не говорит по-английски, она историк и редактор, с опытом работы в академическом издательстве «Наука» — профессия, не особо востребованная на Западе. Конечный пункт назначения — Соединенные Штаты. Кстати, одна американская знакомая, восхищавшаяся тем, как она готовит, однажды сказала, что она могла бы с успехом заняться кулинарией.

Только прилетев в Вену, Алексеева стала задумываться о своем будущем. Оно не выглядело блестяще, заключила она, сравнивая свое прошлое борца за справедливость и перспективу готовить обеды по заказу. На второй день пребывания в Вене Алексеева впала в панику, как будто осталась одна на необитаемом острове. Иногда, даже в присутствии мужа, сына или кого-то еще, она ловила себя на том, что слышит свои слова как бы со стороны, как будто не контролирует собственную речь.

Мыслями она все время возвращалась к Орлову, к их последнему разговору в темной кухне. Кто еще в этом мире может быть заинтересован в том, чтобы ему помочь? У Гинзбурга есть влиятельный союзник — Солженицын. Щаранский, чей арест сейчас казался неизбежным, несомненно, станет знаменитостью среди евреев на Западе. Но что будет с физиком, которого КГБ схватил у нее на глазах? Она решила найти Орлову адвоката на Западе.

7 марта Алексеева прибыла в аэропорт «Хитроу», опоздав на полчаса на встречу в Палате общин. Она встречалась с представителями тори и лейбористов, а потом — Либеральной партии, которые финансировала ее поездку в Лондон, и так каждый день. Как-то раз она

купила набор открыток с видами Лондона и отправила маме изображение Парламента со подписью: «Я хожу сюда каждый день, как на работу».

Однажды она беседовала с Джереми Торпом, тогдашним лидером Либеральной партии.

— До какой степени можно давить на советские власти? — спросил ее Торп через переводчика.

— До тех пор пока вы их не додавите, — сказала она и попросила Торпа порекомендовать адвоката для Орлова.

— Минутку, — ответил Торп и подошел к телефону.

Адвокат, которому он позвонил, активист Либеральной партии Джон Макдональд сразу же согласился вести дело.

«У меня создалось такое впечатление, что он ждал этого звонка всю жизнь», — вспоминает Алексеева.

Ближе к концу недели Макдональд пригласил Алексееву и переводчика поужинать у него дома в Уимблдоне. По дороге он рассуждал, что дело Орлова — такого рода, что он не мог отказаться. Макдональд, которому было за сорок, стал вспоминать британского премьер-министра Чемберлена с его обещаниями «мира в наше время» — нужно только ужиться с Гитлером.

— Никто не должен повторять ошибку Чемберлена, — сказал Макдональд. — Когда фашизм поднимает голову, каждый свободный человек в каждой стране должен с ним бороться.

По словам Макдональда, он видел в СССР что-то очень похожее на фашизм, и не сомневался, что это в его, Джона Макдональда, силах — противостоять несправедливости.

Алексеевой понравилась аналогия с фашизмом. Это напомнило ей о письме Орлова Брежневу в 1973 году и о мечте Мальвы Ланда о новом Нюрнбергском процессе. Ей понравился стиль речи Макдональда, который выдавал его британское воспитание и оксфордское образование. Он был воплощением англичанина — таким, как его представляла себе Алексеева: с вытянутым лицом, изысканный, немного чопорный, но сознававший обязанность каждого бороться с фашизмом.

Макдональд оказался хорошим слушателем. Он внимательно следил за излагаемой переводчиком быстрой речью Алексеевой.

Кончено, говорил Макдональд, он понимает, что целью защиты Орлова будет пробудить общественное мнение, подняв волну возмущения в газетах. Ему также нужно будет обратиться за советской визой, чтобы встретиться со своим клиентом и, если ему разрешат, ходатайствовать о его освобождении перед советским судом. Но это связано с рядом проблем. Во-первых, по словам Макдональда, у него не было опыта ведения подобных дел. К тому же он не говорил по-русски и совершенно не разбирался в советском праве и процессуальных правилах. Это означало, что если советские власти позволят ему

выступить в суде, он все равно окажется в невыгодном положении, даже если у него будет переводчик.

— Что если советские власти удовлетворят мою просьбу и разрешат мне участвовать в судебном процессе? — вспоминала Алексеева испуганный вопрос Макдональда.

— Вам не о чем беспокоиться, — заверила она адвоката. — Они не разрешат вам этого.

15 июня страны-участницы Хельсинкских соглашений должны были встретиться в Белграде. Ходили слухи, что делегаты от США собирались выступить с разгромной речью в адрес Советского Союза в связи со сложившейся там ситуацией с правами человека.

Интуиция диссидентов подсказывала, что для советских властей было бы логичным освободить кого-либо из трех самых известных заключенных — членов Хельсинкской группы. Этот жест доброй воли мог бы ослабить критику с Запада, если советские власти все еще боялись этой критики.

— Я представляю Александра Гинзбурга — смелого, молодого борца за свободу в Советском Союзе, с которым я не имел чести встретиться лично и, похоже, кое-кто не торопится предоставить мне эту честь, — сказал Эдвард Беннет Уильямс, выступая 3 июня в Комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе. Это была его первая речь в качестве защитника Гинзбурга.

На эту роль его пригласил Александр Солженицын. Среди клиентов Уильямса были Джо Маккарти, Джимми Хоффа, Фрэнк Костелло, Роберт Веско и газета «Вашингтон пост». Он был тем человеком, на чьи телефонные звонки всегда отвечали — даже из Овального кабинета президента США и из приемной советского посла в США Добрынина. Советское правительство дважды обращалось к Уильямсу — в 1960 и 1968 годах, тогда он провел успешную защиту советских граждан, которых обвиняли в шпионаже в Соединенных Штатах.

— Правовая помощь по делу Гинзбурга откроет новые перспективы даже для юриста с таким большим опытом, как у вас, — пообещал Солженицын, заканчивая телефонный разговор с адвокатом (оговорив вначале, что полностью оплатит услуги).

— Я не могу принять деньги от человека, который столько сделал для блага человечества, — сказал Уильямс во время встречи с Солженицыным в его доме в Кавендише, в штате Вермонт.

Уильямс был из тех, кто имел самые большие связи в Вашингтоне, но Гинзбурга должны были судить не в Вашингтоне. С самого начала он публично выразил сомнения в том, что советские власти позволят ему встретиться с его клиентом, допустят в зал судебных заседаний или вообще пустят в страну. Чтобы обеспечить Гинзбургу сильную защиту, Уильямс должен был стать лоббистом и публицистом.

Вскоре после того, как Уильямс согласился взять на себя это дело, Солженицыны — через неофициальные каналы — попросили жену Гинзбурга связаться с Уильямсом по телефону и подтвердить, что она хотела бы, чтобы он защищал ее мужа. Без согласия подзащитного или его близких американский адвокат не может вести дело.

Жена диссидента и вашингтонский адвокат разговаривали десять минут, правда, на две-три минуты слышимость пропадала. Через неофициальные каналы Уильямс попросил Арину распространить слух о том, что фирма получает письма в защиту Гинзбурга и что десятки посланий от его друзей — включая обращение с 325 подписями — были переданы из Советского Союза.

Адвокатская компания «Уильямс и Конноли» создала Комитет по освобождению Александра Гинзбурга. Уильямс также попросил Наталью Солженицыну давать интервью журналистам и писать об этом самой. Она написала по крайней мере две статьи, которые были переведены на английский язык. Один из получателей, журнал «Тайм», даже оживил текст, приукрасив его небольшим предисловием:

«В конце прошлой недели коричневая „Вольво“ проехала по заснеженным улочкам лыжной деревни в Вермонте и остановилась у ресторана, где ждал корреспондент „Тайм“ Марлин Левин. Из машины вышла женщина со светло-кариими глазами и протянула Левину рукопись...»

С меньшей публичностью фирма Уильямса составляла списки политических заключенных всего мира. Список, который включал в себя около сорока имен коммунистов и левых активистов, находившихся за решеткой в разных странах, предназначался для передачи в Госдепартамент и Национальный совет по безопасности, чтобы содействовать администрации Картера в организации кампании с участием многих стран по обмену заключенными, в том числе Гинзбурга. Такие случаи уже бывали. В декабре 1976 года благодаря активности администрации Форда советские власти согласились освободить диссидента Владимира Буковского в обмен на освобождение чилийского коммуниста Луиса Корвалана.

— Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, почему был арестован Александр Гинзбург, — сказал Уильямс, обращаясь к Хельсинкской комиссии так, как будто это был суд присяжных. — Он был арестован потому, что боролся за свободу, потому, что верил в свободу слова, свободу политических мнений, в свободу политических собраний, и потому что он был слишком наивным, когда поверил в то, что советское правительство разделяло эту веру и поэтому были подписаны Хельсинкские соглашения 1 августа 1975 года. Поэтому Александр Гинзбург был арестован.

Конечно, Гинзбург не был столь наивным, чтобы поверить в то, что советские власти собирались полностью выполнять принятые в Хельсинки обязательства. Если в это верить, зачем вступать в какие-либо

группы наблюдения или содействия. Но адвокат решил построить защиту на том, что Гинзбург верит в добрую волю своей страны, поэтому руководил благотворительным фондом и из лучших побуждений присоединяется к Хельсинкской группе. Однако государство не собирается выполнять свои обещания. Большое плохое государство посадило Гинзбурга в тюрьму.

Такая интерпретация выглядела смехотворно. Получалось, что общественная организация, объединившая оппозиционные течения в СССР, появилась в результате непонимания истинных намерений советского правительства, а не была отважной попыткой поймать советские власти на лжи.

— Уважаемые члены Комиссии, я принял решение взяться за это дело именно по этим причинам, — продолжал Уильямс. — После телефонного разговора и письма я посетил Александра Солженицына в Кавендише, Вермонт, и провел с ним целый день. И должен сказать, я поверил в то, во что, думаю, верите вы все. Теперь я знаю, что советские власти понимают и уважают силу и презирают неуверенность и неопределенность. Я считаю, что пока мы, международная общественность, будем осуждать жестокое отношению советских властей к диссидентам, это поможет борьбе за свободу в Советском Союзе...

Я обратился за визой. Я разговаривал с советским послом, достойным Анатолием Добрыниным. Я попросил разрешения увидеться с ним. Мы с ним лично не виделись, но он сказал по телефону, что моя просьба является «беспрецедентной, наивной и самонадеянной», но я должен изложить ее в письменном виде и ее передадут в Москву. Я так и сделал. Я уступил. Я написал длинное официальное прошение о визе и я терпеливо ждал ответа.

Я поверил, что получу ответ, потому что советское правительство согласилось с буквой и духом Хельсинкских соглашений...

Теперь предали Эдварда Беннета Уильямса, потому что точно так же, как и его клиент Александр Гинзбург, он был столь наивным, что поверил в искренность советского правительства.

— Я принадлежу к старой школе — я считаю, что хороший поступок заслуживает ответного хорошего отношения, поэтому я был достаточно наивен, когда решил, что как только я позвоню господину Добрынину, он скажет: «Конечно, вы можете встретиться с госпожой Гинзбург. Конечно, вы можете поговорить с ней. Конечно, вы можете помочь ей выбрать адвоката». Но мне было безоговорочно отказано в этом праве. Я попросил о повторном рассмотрении моей просьбы и наивно предположил, что если я сделаю это снова, они меня поймут. Но на этой неделе я снова получил категорический отказ в праве поехать в Советский Союз.

У советского руководства был долг перед Уильямсом, даже два долга — по одному за каждого шпиона, которые благодаря ему избежали

наказания. Но они не собирались возвращать долги, и Эд Уильямс был в бешенстве.

В конце речи он лишь вкратце остановился на нарушении советскими властями Хельсинкских соглашений.

12 июня Алан Дершовиц сообщил о своем намерении вести дело Щаранского перед еще более консервативной аудиторией — перед зрителями Эн-би-си во время полуторачасовых теледебатов о правах человека между тремя советскими гражданами и тремя американцами.

— Основываясь на подписании Хельсинкских соглашений, несколько известных советских граждан создали Общественную группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, — сказал Дершовиц. — Они выпустили десятки документов, подкрепленных фактами, и ни один из этих документов не доступен в Советском Союзе, что является печальной иллюстрацией ситуации со свободой в этой стране. Ответ советских властей был быстрым и драматичным. Арестованы восемь самых известных членов Хельсинкской группы. Неожиданный арест лидеров Хельсинкской группы является прямым вызовом Хельсинкским соглашениям, американо-советским отношениям и президенту Картеру. Это равнозначно тому, как если бы бывший президент Никсон приказал арестовать всех членов совета директоров Американского союза за гражданские свободы или весь штат газеты «Вашингтон пост» в ответ на обвинения в связи с Уотергейтом. Один из этих арестованных — двадцатидевятилетний Анатолий Щаранский, который подал заявление на выезд, чтобы воссоединиться со своей женой в Израиле. В настоящее время его жена находится в Соединенных Штатах.

Точнее, жена Щаранского находилась среди зрителей. Если бы ее представили и попросили встать, то наверняка телезрители стали бы аплодировать у экранов, но политическая атмосфера дебатов была накалена и без таких жестов. Днем раньше советская сторона получила указание из Москвы — отказаться от участия, если правила дебатов не будут изменены так, чтобы их советские участники избежали перекрестного допроса со стороны американцев. Требования советской стороны были удовлетворены.

Во время дебатов Дершовиц не сказал, что он выступал в качестве адвоката Щаранского в США.

— Обеспокоенность американцев соблюдением прав советских граждан, таких как Щаранский, особенно тех, кто хочет уехать, не является вмешательством во внутренние дела другой страны... В действительности Советский Союз всегда выражал и продолжает выражать обеспокоенность — возможно, больше, чем любая другая страна в мире — правами граждан в других странах. Один яркий пример

может стать иллюстрацией к политике двойных стандартов в отношении прав человека, которую проводит Советский Союз. Когда Анджелу Дэвис обвинили в покушении на убийство судьи, четырнадцать известных советских граждан обратились к президенту Никсону с требованием сохранить ей жизнь. Советские власти тогда говорили, что это был «их долг — отстаивать право личности бороться за прогресс, даже в другой стране». Тогда президент Никсон не сказал, что это вмешательство во внутренние дела Америки. Он немедленно направил приглашения советским гражданам посетить слушания по делу Дэвис в качестве официальных наблюдателей и убедиться в том, что суд над ней будет справедливым. После того как Дэвис оправдала, советские власти пригласили ее в СССР, где ее наградили орденом Ленина. Теперь она вернулась в США, кстати сказать.

По иронии судьбы, профессор Генри Макги, чернокожий американский юрист и председатель Комитета содействия защите Анджелы Дэвис, поехал в Советский Союз и попытался присутствовать на суде над молодой женщиной, еврейкой, которую обвиняли в распространении книг на иврите, что считалось антисоветской пропагандой. Его не пустили на суд и выслали из страны.

Я прошу вас объяснить эти двойные стандарты зрителям, которые наблюдают сегодня за нашими дебатами.

Профессор Самуил Зивс, старший научный сотрудник московского Института государства и права, взял в руки микрофон.

— Поскольку мой коллега из Гарварда профессор Дершовиц упомянул только одно конкретное дело, я хотел бы прояснить ситуацию с преследованием восьми членов Хельсинкской группы, как он назвал эту хорошо известную в нашей стране диссидентскую организацию.

Конечно, Щаранский и другие создавали шумиху под прикрытием различных организаций и групп в течение примерно пяти-шести лет. И, конечно, дело не в так называемой защите Хельсинкских соглашений, а в том, что гражданину Щаранскому предъявлены конкретные обвинения.

Его обвиняют в конкретных уголовных преступлениях по конкретным статьям Уголовного кодекса. Предварительное расследование только началось и продолжается в настоящий момент.

Как юрист, утверждаю и, думаю, вы согласитесь со мной, что никакое вмешательство на этой стадии следствия по уголовному делу недопустимо и несправедливо на любом уровне, включая официальные заявления администрации или любого другого государственного органа... заявления на этом этапе, когда не собраны все улики, когда действует презумпция невиновности...

Слово взял Дершовиц:

— Хорошо. Две небольшие реплики. Я согласен с вами, что не должно быть никаких заявлений от имени государственных органов вашего

правительства, пока дело находится на стадии следствия. Но, конечно же, вы читали статью в «Известиях», опубликованную 16 марта 1977 года, в которой Щаранского уже обвинили в государственной измене.

И второе. Несмотря на то, что суд может быть отложен на долгое время и, мы надеемся, возможно, вообще не состоится, я хотел бы задать вам конкретный вопрос: если будет суд, могу я на нем присутствовать в качестве наблюдателя? Со своей стороны, я хотел бы пригласить вас на любой суд в Соединенных Штатах, который вы захотите посетить в качестве независимого наблюдателя, но я хочу, чтобы вы прямо ответили на вопрос: могу я... посетить суд над Щаранским, если по окончанию следствия дело будет передано в суд?

Зивс:

— Все суды такого рода являются открытыми...

— Это ложь! — прервал ответ Зивса выкрик из зала.

— Пожалуйста, не надо, — взмолился ведущий Эн-би-си Эдвин Ньюман.

Но Зивс действительно лгал. Женщина, чье возмущение вызвали его слова, была не просто случайным зрителем. Это была Авиталь Щаранская.

— Все суды такого рода являются открытыми, — повторил Зивс. — И решение таких вопросов находится в компетенции председательствующего судьи.

Этот диалог напоминал игру, которой советские диссиденты занимались, сталкиваясь с охранниками, не пускавшими их в залы судебных заседаний, где слушались дела их товарищей:

— Суд открытый? — спрашивали они.

— Да, суд открытый.

— Так пустите нас.

— Нет.

— Но вы сказали, что суд открытый.

— Да, открытый.

— Тогда пустите нас.

— Нет.

Такое препирательство могло продолжаться часами.

Дершовиц не только участвовал в дебатах.

Вскоре после того, как он занялся делом Щаранского, он встретился со Стюартом Эйзенштатом, своим бывшим студентом, который стал главным советником Картера по внутренним делам, и с Робертом Липшуцом, советником президента. У Дершовица к ним была небольшая просьба: добиться публичного заявления президента Картера, в котором он категорически отрицал бы то, что Щаранский был как-то связан с американскими разведслужбами.

В ходе разговора Дершовиц передал соответствующую письменную просьбу. Ответа из Белого дома он не получил, но 13 июня, на

следующий день после дебатов, президент высказался по этому вопросу: он «провел расширенные консультации с Госдепартаментом и ЦРУ, чтобы выяснить, имел ли господин Щаранский какие-либо незаконные связи с ЦРУ. Ответ был „нет“».

Несмотря на заявление Картера, каждый наблюдатель, каждый читатель самостоятельно решал для себя вопрос о невинности Щаранского. Сотрудничая с Липавским, Щаранский как минимум косвенно оказался замешан в темную историю с участием КГБ и ЦРУ. Питер Оснос, который был знаком с обоими во время своего пребывания в Москве, был на стороне скептиков. 10 марта 1978 года Оснос писал в «Вашингтон пост»:

«Американские власти, включая самого президента Картера, настойчиво отрицают, что Щаранский вел какую-либо подрывную работу или как-то иначе сотрудничал с ЦРУ.»

Таким образом, заручившись доверием президента Картера, неизвестный молодой техник, который, стал важным действующим лицом в политике сверхдержав.

В отличие от Андрея Сахарова, великого физика, или Александра Солженицына, великого писателя, Щаранский — самый обыкновенный человек.

Мы думали, что таким был и Липавский».

«Суд над террором» — называлась статья в лондонской «Дейли мейл» от 14 июня.

«Инициаторы террора из Кремля и КГБ предстали перед судом во время необычного судебного шоу, состоявшегося вчера в Лондоне», — так начиналась статья. Она сопровождалась фотографией Юрия Орлова — пышные волосы, очки в черной оправе, мрачный вид. Подпись: «Узник».

Суд был организован Джоном Макдональдом. Ознакомившись (в переводе на английский язык) с текстами советских законов и проконсультировавшись с бывшими советскими юристами, Макдональд решил, что Орлову, скорее всего, предъявят обвинение за антисоветскую пропаганду по статье 70 или за клевету на советский строй по статье 190 прим УК РСФСР. Чтобы осудить его по любой из этих статей, обвинение должно доказать, что он преднамеренно распространял заведомо ложные сведения о советской системе. Следовательно, полагал Макдональд, лучшая линия защиты — доказать, что Орлов и Хельсинкская группа никогда не распространяли ложные сведения.

Политически июнь 1977 года был самым подходящим временем для возмущения. Юридически — нет. Советские власти еще несколько месяцев будут проводить предварительное следствие, прежде чем предъявят Орлову официальное обвинение. Кроме того, было очевидно, что Макдональду не разрешат вести дело в советском суде.

Макдональд нашел решение этой проблемы. Он провел «судебное заседание» 13 июня в помещении Британского института физики. Свидетели, советские эмигранты, включая Амальрика, Алексееву и Воронину, поклялись, что факты, изложенные в документах, изданных Группой, были правдой. Протокол заседания был направлен следователю Тихонову, который вел дело Орлова в Генеральной прокуратуре в Москве. Макдональд просил его ознакомиться с показаниями людей, которые эмигрировали после того, как много лет числились в «черном списке» КГБ.

Если советские власти и испугались словесной порки, которой их подвергли на заседании Хельсинкской комиссии, в утренней программе Эн-би-си и на «слушаниях» в Лондоне, они очень хорошо постарались, чтобы это скрыть.

Глава 24

Новые правила

Днем в субботу, 11 июня 1977 года, Роберт Тот собрался выйти в магазин за сметаной. К ужину купили черную икру — семья хотела устроить праздник для старшей дочери, успешно закончившей восьмой класс. Он нашел стеклянную банку с завинчивающейся крышкой и уже направился к двери, когда зазвонил телефон. Валерий Петухов, диссидент, научный работник, интересовавшийся парапсихологическими явлениями, сказал, что он находится неподалеку и хотел бы срочно увидеться.

Перейдя Садовое кольцо, Тот пошел в сторону Театра кукол Сергея Образцова, где его ждал Петухов. Никаких подозрений у него не возникло, и сам он вряд ли мог вызвать подозрения — идет себе человек с пустой стеклянной банкой в руке на встречу с парапсихологом у кукольного театра в день окончания дочкой восьмого класса.

«Мы говорили об одном общем знакомом, который недавно эмигрировал», — писал Тот на следующий день в статье «Как меня задержали» для воскресного номера «Лос-Анджелес таймс».

После ничего не значащего разговора Петухов, лысеющий, нервный человек лет тридцати пяти, открыл портфель и достал пачку листов с текстами и графиками. Тот принял их за статьи ученого по парапсихологии. Как только он развернулся, чтобы пойти, наконец, в гастроном, у тротуара остановился автомобиль «Жигули». Человек в штатском открыл дверь и затолкнул журналиста в машину. Тота с обеих сторон крепко держали за руки два человека. Один из них разрешил поставить банку ему на колени. Машина отъехала на полквартала, и Тот успел заметить, как рядом с парапсихологом Петуховым остановилась черная «Волга», в которую его ловко запихнули люди в штатском.

В отделении милиции Тот потребовал, чтобы ему разрешили позвонить в американское посольство. Инспектор отказал ему, и сам стал куда-то названивать. Через полчаса появился человек, назвавший себя представителем Академии наук СССР, и сказал, что документ является секретным. В его заключении было написано: *«В статье Петухова В. Г., начиная со слов „саморадиация микроорганизмов...“ и до слов „посредством частиц в вакуумном пространстве“, речь идет о том, что в живых клетках есть частицы... которые являются основой для дискуссий о фундаментальных проблемах биологии и парapsихологии. В статье также содержатся сведения о перспективах использования таких частиц. Указанная информация относится к категории секретной, и данные материалы предназначены исключительно для служебного пользования».*

События этого дня заставили Тота задуматься о некоторых серьезных вещах. Складывалось впечатление, что его хотят запугать. Почему Петухов настаивал на том, чтобы срочно увидеться? Почему ему позволили наблюдать за арестом ученого? Похоже, все это было разыграно. Его решили приструнить, но почему именно сейчас? Через неделю истекает трехлетний срок его работы в московском бюро. Значит, вопрос надо ставить шире. Почему советские власти решили задержать американского журналиста всего за четыре дня до начала предварительных встреч в Белграде в рамках конференции по проверке выполнения Хельсинкских соглашений? Ведь это верный способ разозлить американцев, вызвать международное осуждение...

Во вторник утром Тоту позвонил сотрудник посольства США Тед Макнамара и попросил его явиться в посольство.

— Что-то серьезное? — спросил Тот.

— Да, серьезное.

Утром посольство получило ноту МИД:

«Министерство иностранных дел уполномочено сообщить Американскому посольству следующее.

Компетентные органы располагают информацией о том, что корреспондент газеты „Лос-Анджелес таймс“, гражданин США Роберт Чарльз Тот, 1929 года рождения, в течение определенного периода времени был вовлечен в деятельность, несовместимую со статусом иностранного журналиста, аккредитованного в СССР, которая заключалась в сборе секретной информации политического и военного характера.

11 июня этого года Роберт Чарльз Тот был задержан во время встречи с советским гражданином Петуховым Валерием Георгиевичем, которая происходила при подозрительных обстоятельствах. При задержании у американского журналиста были обнаружены переданные ему Петуховым материалы, содержащие секретные дан-

ные. Министерство иностранных дел выражает протест в связи с незаконной деятельностью американского корреспондента Роберта Тота, которая состояла в сборе информации секретного характера, и надеется, что американская сторона примет необходимые меры для предотвращения в будущем подобных действий со стороны американских корреспондентов, аккредитованных в Советском Союзе.

Министерство иностранных дел информирует американское посольство в Москве, что в соответствии с установленной процедурой Тот будет вызван на допрос органами следствия, в связи с чем его отъезд до конца следствия нежелателен».

Это был самый сильный удар КГБ в его попытках прекратить контакты журналистов с диссидентами. Раньше были словесные обвинения в шпионаже, даже высылка журналиста. Теперь Комитет предпринял новый шаг: американский журналист был задержан и ему официально предъявили обвинение в шпионаже.

Во время встречи Макнамара и двое других сотрудников среднего звена сообщили Тоту, что посольство советует ему явиться на допрос. Разговор проходил в обычном кабинете посольства, а не в звукоизолированном «бункере», где через десять лет ЦРУ будет беседовать с корреспондентом «Ю. С. Ньюс энд Уолд Рипот» Николасом Данилоффым.

Роберт Тот вспоминал, как один из сотрудников описывал ему местность перед входом в следственный изолятор Лефортово, где его должны допрашивать. Он понимал, что на допросе его обязательно спросят о его связи с Щаранским. Но все его разговоры с отказником были записаны на пленку и происходили, как правило, днем на улицах Москвы. Чтобы «доказать», что Щаранский был источником информации для многих статей Тота, достаточно просмотреть последние номера «Лос-Анджелес таймс».

Отказ отвечать на вопросы следователя ни к чему не приведет, решил Тот, он будет отвечать и называть по именам источники, но только тех людей, которых он упоминал в своих статьях. Такая тактика могла бы даже помочь Щаранскому, продемонстрировав, что отношения отказника с журналистами не были тайными, поэтому его не за что обвинять в шпионаже.

Сотрудники посольства также посоветовали Тоту отвечать по крайней мере на некоторые вопросы. Игра в молчание может подтолкнуть власти к жестким мерам, вплоть до тюремного заключения на срок до двух лет. Спустя пару часов Тот с женой и вице-консулом Ларри Наппером подошли к зданию Лефортовской тюрьмы на Энергетической улице, дом За. Сопровождающих дальше вестибюля не пустили, и Тота увели. Позже он писал:

«Ко мне вышел человек и повел меня вверх по лестнице... вдоль стен, наполовину выкрашенных темно-зеленой краской, а сверху голубовато-серых. Мы вошли в дверь, которую он открыл, нажав на кнопку.

Казалось, мы попали в другое здание. Поднялись еще на один этаж — вдоль лестницы была натянута проволочная сетка, до самого потолка, чтобы нельзя было наклониться через перила — и остановились у другой двери, с кодовым замком. За ней, по длинному темному коридору, выстланному коричневым линолеумом, мы дошли до кабинета майора Добровольского».

Тота усадили на деревянный стул с прямой спинкой, возле маленького столика. В помещении было жарко. Добровольский, темноволосый мужчина под сорок, прикрыл окно, сказав:

— Не очень приятный вид.

Потом строго спросил:

— Вы знаете, почему вы здесь?

— Полагаю, это как-то связано с субботним инцидентом, — сказал Тот через переводчика, который представился как Смирнов. Это был тот же человек, который присутствовал на субботнем допросе Тота в отделении милиции.

— Совершенно верно, — сказал Добровольский и начал перечислять Тоту его права и обязанности, предусмотренные советскими законами.

Тот вынул блокнот, ручку и стал делать заметки.

— Это не пресс-конференция, господин Тот, уберите ручку, — сказал следователь. — По нашему законодательству, вам могут задавать любые вопросы, которые посчитает нужным наша организация. Ваши ответы должны быть правдивыми и полными. И должны отражать всю ситуацию в целом. Вы предупреждены, что согласно статьям 108, 109 Уголовного кодекса РСФСР вы не имеете права давать ложные показания и отказываться отвечать. Как свидетель, вы имеете право прочитать протокол и дать дополнительные показания.

— Значит, я не могу отказаться отвечать? По нашим законам...

— Вы находитесь под советской юрисдикцией. У вас нет дипломатического иммунитета, — прервал его майор, так что Тот не успел рассказать, что по американским законам он имеет право хранить молчание и требовать присутствия адвоката.

Добровольский записал биографические данные Тота, потом спросил, откуда он знает Петухова. Тот сказал, через Эдуарда Трифонова, отказника, который к тому времени эмигрировал. Он познакомил их несколько месяцев назад.

«Потом майор Добровольский спросил, как я обычно собираю информацию, — вспоминал потом Тот в одной своей статье. — Я назвал три источника информации: публикации в официальной советской прессе, мои наблюдения и поездки по стране, неофициальная информация о еврейской эмиграции, преследованиях, марксистских реформаторах и тому подобное. И я специально подчеркнул: „Я говорю **неофициальная** информация, а не **незаконная**. Это прозвучало в русском переводе?“

Он только улыбнулся и пожал плечами, как будто для него не было разницы».

В шесть часов вечера, ответив еще на ряд вопросов, Тот подписал протокол допроса, добавив фразу: «Этот протокол был переведен в моем присутствии, возражений и дополнений к его содержанию не имею».

— На сегодня все, — сказал следователь. — До завтра. Вы должны прийти к десяти утра.

Вечером Тот узнал, что советский журналист в ООН сказал, что Тот, вероятно, предстанет перед судом по обвинению в шпионаже и что Белый дом и Госдепартамент распространили жесткие заявления против его задержания.

На следующий день в Лефортово Тот решил начать возмущаться и добиться ответа — почему его допрашивают.

— Почему я здесь? — спросил он следователей, которые представились как майор Владимир Черныш и полковник юстиции Володин. — Почему невозможно присутствие американского консула? В чем меня обвиняют? Какова цель допроса? Кого еще обвиняют? И в чем?

— Консул не может здесь присутствовать потому, что вас допрашивают как свидетеля, а не как обвиняемого, — ответил полковник юстиции. — А кого еще обвиняют и в чем, для вас не имеет никакого значения.

Затем полковник перешел к сути дела:

— Вы знаете Щаранского. Расскажите, как вы с ним познакомились. Рассказывайте все что знаете. Он сказал, что передал вам много информации. Какого рода?

Тот рассказал, что познакомился с Щаранским вскоре после приезда в СССР, они встречались регулярно, обычно — прогуливаясь недалеко от дома Тота на Садово-Самотечной улице. Щаранский помогал Тоту в качестве переводчика на пресс-конференциях диссидентов. Без сомнения, власти уже располагали этой информацией от своих тайных фотографов, прослушивания телефонных разговоров и показаний отказников вроде Сани Липавского. Немало сведений можно было почерпнуть из «Лос-Анджелес таймс», где Щаранского цитировали и называли по имени.

— Это ваша статья? — спросил Володин, показывая «Интернешна херальд трибьюн», в которой была перепечатана статья Тота «Россия косвенно раскрывает работу секретных центров».

В этой статье содержалась, возможно, самая несерьезная информация, переданная диссидентами. Уже нескольких лет московские еврей-отказники составляли список заявителей, которым было отказано в предоставлении выездных виз, якобы, на основании их причастности к секретным работам. Списки, включающие сотни

фамилий, использовались израильскими и американскими еврейскими активистами для рассылки писем отказникам и оказания им финансовой помощи.

Это не было секретом ни для СССР, ни для Запада. Списки частично формировались активистами, которые проводили опросы у дверей ОВИРа. На Западе список был предметом постоянных споров: Union Council of Soviet Jewry и лондонский активист Майкл Шербурн не переставали обвинять израильтян в том, что они не дают свой список их низовым организациям.

Первым, кто предложил Тоту извлечь какую-то пользу из этого списка, был Александр Гольдфарб (до Щаранского он помогал отказникам с переводами, пока не эмигрировал в 1974 году), но журналист не отнесся к этой идее серьезно. Однако через два года, просматривая перечень «секретных» предприятий и исследовательских институтов, в которых работали некоторые отказники, он обнаружил среди них те учреждения, которые обращались в Министерство торговли США по поводу приобретения компьютеров IBM 360 и IBM 370.

В написанной Тотом статье ставилось два вопроса: помогали ли США создавать советскому руководству «секретное» (что заведомо означало военное) производство? Или власти использовали гриф секретности произвольно, когда им зачем-то это было нужно?

Тот попросил разрешения просмотреть статью, прежде чем отвечать на вопросы. Пока он читал, зазвонил телефон. Он не понял, кто звонит и о чем идет речь, но как только Володин повесил трубку, он сказал журналисту:

— Мы знаем, что вы приглашены к американскому послу сегодня в час дня. Мы отпустим вас в двенадцать двадцать, и вы вернетесь к половине четвертого. А сейчас начнем составлять протокол.

Оставшиеся пятьдесят минут ушли на выяснение деталей и уточнение формулировок, после чего Тоту разрешили уйти.

За ланчем посол Малкольм Тун поинтересовался ходом допроса и сказал Тоту:

— Вы в сложной ситуации. Не хитрите.

По возвращении в Лефортово Тоту показали газеты с его статьями, в которых упоминались Щаранский и другие отказники, предоставившие ему списки для статьи о «секретных» предприятиях. Но ничего нового в этом не было, и имя Щаранского было указано.

Тота попросили подтвердить, что он общался с теми людьми, которых цитировал в своих статьях. Он также подтвердил, что он разговаривал с людьми, которых он не цитировал, но которые к этому времени эмигрировали. Затем опять началось обсуждение протокола, который, по настоянию Тота, был переведен на английский.

— Вы хотите, чтобы я пришел завтра? — спросил Тот, подписав протокол.

— Посмотрим, — сказал Володин.

Вечером Тоту сообщили, что его показания уже не нужны и он может уезжать из СССР.

Согласие Тота участвовать в допросах КГБ сделало его спорной фигурой среди советских еврейских активистов. Вскоре после возвращения в США Тот получил письмо от Александра Лунца, бывшего отказника из Москвы, на пресс-конференции которого Тот познакомился с Щаранским.

«Я знаю, что вы смелый и умный человек, Боб, но Вы попались на удочку КГБ», — писал Лунц из Израиля. Лунц утверждал, что КГБ ничего не стоит изменить протокол допроса, добавив в подписанный текст любые нужные им «показания».

Другая точка зрения, которую часто высказывали эмигранты, заключалась в том, что Тот влез не в свое дело.

— Он журналист. Его дело писать статьи, и он это умеет, а наше дело разбираться с КГБ, — говорила Алексеева еще до освобождения Щаранского. — Я не могу обвинять его в том, что он говорил на допросах. И я уверена, что Толя не винит его за это.

Но еще лет десять в кругах советских эмигрантов можно было услышать, что Тот «предал» Щаранского и проявил «слабость», подписав протокол допроса, якобы в обмен на предложение закрыть глаза на «вину» самого Тота.

«Задним числом все мы часто хотели бы поступить по-другому, — говорил Тот. — Но в те времена я звонил Толе по таким вопросам, по которым он хотел, чтобы я ему звонил. Когда мы виделись в последний раз, он сказал мне, что все, что мы делали, мы делали открыто».

Через три дня после освобождения Щаранского, которое состоялось с 1986 году в рамках обмена заключенными между США и СССР, уже в Израиле Щаранский рассказал Тоту, что он читал записи допросов Тота, и они были «на сто процентов правильными». Показания Тота никак не повлияли на его дело — они не помогли ему и не повредили.

Больше всего Щаранского поразил сам факт допроса. То, что власти решились допрашивать американского журналиста в Лефортово, было настолько беспрецедентным...

— Видимо, произошло что-то очень серьезное, чего мы еще не знаем, — сказал Щаранский.

Глава 25

«Безопасности не существует, Мисс Поли.

В этом ужасная правда...»

В ноябре 1977 года «Коламбия джорнализм ревью» попыталась проанализировать то, что называлось «всплеском интереса» к советским диссидентам среди американских журналистов.

«В первую треть 1977 года читатели „Нью-Йорк таймс“, „Вашингтон Пост“ и „Лос-Анджелес Таймс“ имели все основания полагать, что в Советском Союзе практически ничего не происходило, кроме баталий с диссидентами, — писал преподаватель и независимый журналист Фергюс Бордевич. — Освещение деятельности диссидентов в начале этого года было вызвано совокупностью причин — публично проявляемой заинтересованностью президента этим вопросом, доступными источниками новостей и естественным интересом журналистов, а также издателей и редакторов к драматическим сюжетам».

По подсчетам Бордевича, в январе 1977 года из тридцати восьми статей о советской политике, опубликованных «Нью-Йорк таймс», тридцать одна была посвящена диссидентам. В том же месяце в «Лос-Анджелес таймс» появилось девять, а в «Вашингтон пост» тринадцать статей о диссидентах. В феврале подобных статей в этих газетах было пятьдесят четыре, двадцать и тридцать шесть, а в марте — пятьдесят восемь, двадцать девять и двадцать восемь соответственно.

«Такой всплеск интереса соответствовал энергичной позиции президента Картера к проблеме прав человека за рубежом, особенно в СССР, — делал вывод Бордевич. — Как могло случиться, что после более двух десятилетий опасного противостояния официальной политике Америки американские газеты так быстро выстроились в одну линию?»

На самом деле интерес объяснялся всплеском информационных поводов: советские власти преследовали диссидентов, бросая тем самым вызов новому президенту США. Или, по мнению Бордевича, пресса должна была игнорировать этот ключевой вопрос в отношениях двух сверхдержав? Непонятно также, что он подразумевал под словосочетанием «всплеск интереса». Большинство пересчитанных им публикаций составляли небольшие заметки на последних страницах газет.

Такого же рода были статьи корреспондента «Коламбия джорнализм ревью» Питера Осноса, который только что вернулся из Москвы, отработав там три года, и стал редактором международного отдела «Вашингтон пост». Он обрушился на коллег с критикой за то, что те раздувают проблему с диссидентами.

«Журналисты хотят понять Россию и получать хорошие сюжеты. Диссиденты могут предложить им и то, и другое. Диссиденты хотят рассказать миру о том, что они думают. Они также считают, что если их имена будут известны за границей, власти будут им меньше угрожать — и для этого у них, возможно, есть основания. Эта обоюдная заинтересованность, а также относительная доступность новостей о диссидентах по сравнению с другой информацией приводят к наблюдаемой диспропорции в освещении событий...»

Возьмем, например, дело Юрия Орлова. Весной 1976 года он организовал группу по наблюдению за выполнением советской стороной Хельсинкских соглашений по правам человека. Хельсинкская группа, как ее стали называть, почти каждую неделю проводила пресс-конференции по самым разным темам — от вмешательства государственных органов в телефонную и почтовую связь до преследования за религиозные убеждения. Появились аналогичные группы в Грузии, Украине, Литве. Власти придали вес их деятельности, задержав Орлова на улице и предупредив, что его действия незаконны. Журналисты стали называть Орлова „ведущим диссидентом“. Документы Группы передавались в прессу, рассматривались министрами иностранных дел западноевропейских государств. Дополнительные данные поступали в специальную комиссию Конгресса США, которая следит за выполнением Хельсинкских соглашений...

Так небольшая группа малоизвестных частных граждан самого могущественного тоталитарного государства стали оказывать влияние на позицию Запада. Это стало возможным только благодаря западным журналистам, работающим в Москве, это они сделали их известными среди широкой общественности и поддерживают эту известность».

Уделять столько внимания диссидентам, по мнению Осноса, «это все равно что судить о Соединенных Штатах с точки зрения наших самых нуждающихся и обиженных граждан. Диссиденты в Советском

Союзе говорят то, что хотят и ожидают услышать американцы об ужасах коммунизма. Но чрезмерное внимание к диссидентам создает упрощенную картину этой сложной многогранной страны. Так же советские журналисты пишут о Соединенных Штатах как о стране бедности, насилия, коррупции и расизма. Советская пресса, возможно, и не способна работать лучше. Но мы можем.

Создание Хельсинкской группы в мае 1976 года не заинтересовало западных журналистов. Большинство, включая Осноса, не сочли это событие заслуживающим внимания настолько, чтобы отдавать ему газетные полосы. Если и появлялись отдельные заметки, то лишь на последних страницах, а в основном о деятельности новой группы общались радиостанции, вещающие на Советский Союз.

И вот неизвестный даже самым информированным американцам Юрий Орлов смог поднять диссидентское движение на высший уровень. Он достиг этого благодаря тому, что сфокусировал деятельность Группы на интересах самых разных людей, которые никогда не взаимодействовали друг с другом и о многих из которых раньше никто даже не слышал. Но у этих социальных подгрупп было нечто общее — ущемление их гражданских прав.

Начинание Орлова отличалось от всего того, что прежде делали советские диссиденты. Во-первых, первоначально в Группу вошли одиннадцать человек, которые раньше никогда не встречались под одной крышей. Потом такие же группы возникли в Украине, Литве, Грузии и Армении. Аналогичная комиссия была создана при Конгрессе США. Документы Хельсинкской группы, хоть и были написаны сухим языком, были посвящены малоизвестным и потому интересным темам — расколу среди литовских католиков, пятидесятникам из Находки, украинским баптистам, еврейской эмиграции. Впервые общественная организация занялась целым спектром разнообразных проблем. Эти проблемы никогда открыто не обсуждались в советском обществе, и журналисты, работавшие в СССР, не могли этого не знать — они ведь общались с диссидентами, сидели с ними за одним столом на московских кухнях. Журналисты посещали пресс-конференции Группы, помогали передавать документы за границу, но до того как начались репрессии никто не написал подробную статью о Группе.

В своей статье, опубликованной в «Коламбия джорнализм ревью» Оснос, в сущности, объяснял, почему он игнорировал Хельсинкскую группу до репрессий, а Бордевич сопровождал это надуманными комментариями. Не понимая до конца истинного значения Хельсинкской группы, они создали повод для газетной шумихи.

Статьи о советских диссидентах появились в «Тайм» и в «Ньюсуик». В нескольких радиопередачах прозвучали интервью с друзьями и родственниками диссидентов. В колонке Артура Бухвальда была

даже шутивная статья «Дорогой товарищ» — письмо в газету «Известия». *«Я не хочу критиковать вашу систему, но мне кажется, что если бы вы разрешили вашим диссидентам свободно высказываться, как мы позволяем нашим, они бы не расстраивали вас так сильно и вам не пришлось бы отдавать их под суд»*, — писал Бухвальд, называя себя американским евреем-диссидентом, которого, «несмотря на нелицеприятные высказывания в адрес правительства, не арестовывают и не угрожают его жизни».

13 апреля 1977 года телеведущая Джейн Поли, пытаясь представить зрителям советское диссидентское движение не только с политической, но и с человеческой точки зрения, спросила Авиталь Щаранскую, не думает ли она о том, чтобы вернуться в СССР к мужу, если бы ей это разрешили.

— Очень странный вопрос. Это все равно что спросить, не хочу ли я вернуться в тюрьму, — ответила Авиталь.

Расценив ответ Авиталь как категоричное «нет», Поли обратилась к другой гостье, члену Палаты представителей Миллисент Фенвик.

— По сути, единственное наше оружие для защиты диссидентов, единственный механизм исполнения Хельсинкских соглашений — это возмущение и еще раз возмущение. Или не так?

— Да, это так, — сказала Фенвик. — Безопасности для них не существует, мисс Поли, в этом ужасная правда. Но наше возмущение может до какой-то степени улучшить ситуацию, если правительству России, Советского Союза, небезразлично то, что за ними наблюдают.

Опасность всплеска антисемитизма в СССР не вызвала обеспокоенности у еврейских организаций на Западе. Уехавшие из СССР советские отказники, которых послали в лекционные туры по США, организованные Израильским агентством по делам советских евреев, были предупреждены о том, что им следует держаться подальше от Айрин Манекофски, лидера Union Council of Soviet Jewry, «низовой» организации.

«Айрин, я слышал, что вы опасный человек, — сказал ей один отказник, который проигнорировал указания израильских властей. — Говорят, вы поддерживаете диссидентов».

Вскоре после того, как Манекофски организовала брифинг на Капитолийском холме, на котором присутствовал Эндрю Янг, это осудил Ричард Кригер, исполнительный директор Еврейской федерации Северного Нью-Джерси, «официальной» организации. Кригер заявил, что не одобряет контактов Манекофски с конгрессменом из Нью-Джерси.

«Не сомневаюсь, что вы связались с ним из лучших побуждений, — писал он. — Но существует определенный формат и процедура обращения к представителям Конгресса, чтобы избежать дублирования

и не создавать впечатления, что внутри еврейского сообщества идет междоусобная война по некоторым вопросам».

В будущем, писал Кригер, Манекофски должна действовать через территориальные отделения Еврейской федерации, которые представляет тот или иной конгрессмен или сенатор, с которым она хочет связаться.

Никакой официальной реакции израильских властей не последовало, но, по информации активистов «низовых» организаций, Израиль не хотел придавать особое значение делу Щаранского.

«Щаранский вел себя плохо, — говорил один «официальный» еврейский активист, проживающий в Великобритании. — Ему не нужно было впутываться в дела Хельсинкской группы».

В Париже один израильский представитель сказал:

— Мы не должны забывать, что советские власти возбудили дело против Щаранского.

На закрытом брифинге в Израильском посольстве в Вашингтоне другой израильский чиновник заявил, что этот арест свидетельствует о том, что какие-либо связи с диссидентами опасны для еврейских активистов. Были сообщения, что в декабре 1979 года член Кнессета, который собирался лететь в Москву по приглашению миротворческой организации, посоветовался с Израильским агентством по делам советских евреев, целесообразно ли поднимать вопрос о деле Щаранского. «Дело Щаранского не имеет отношения к Израилю» — ответили парламентариям.

Во время поездок по США Авиталь часто приглашали на два мероприятия одновременно. Одно мероприятие устраивала «низовая» организация, другое — официальная. Как-то раз Авиталь, которая остановилась дома у Манекофски, позвонил посол Израиля и пригласил ее на «официальное» мероприятие.

«Это ужасно, — сказала Авиталь «Еврейскому вестнику Северной Калифорнии» спустя год после начала кампании по освобождению ее мужа. — Иногда я не знаю, смеяться мне или плакать. Мне всегда хочется крикнуть этим людям: Что вы делаете! Вы же вредите движению, вы наносите удар самым активным его участникам!... Я хотела бы верить в то, что эти люди [руководители обеих групп] хотят помочь советским евреям. Но у каждого свое мнение о том, как нужно помогать. И здесь начинается конфликт. Надеюсь, это война не просто ради престижа, потому что это было бы недостойно... Мне нужна их помощь, а мне приходится помогать им улаживать разногласия. У меня нет ощущения, что меня используют. Меня не просто использовать, я этого не позволяю. Но все равно на это страшно смотреть. [Споры] отнимают 90 процентов всех наших усилий помочь моему мужу. Это не значит, что его бы сразу выпустили, но если внутри движения будет больше согласия, то мир увидит, что

существует еврейская гордость и что борьба советских евреев — это справедливая борьба».

Постепенно Авиталь взяла проведение кампании в свои руки. В последующих выступлениях она говорила о Щаранском как о еврее, который хочет уехать, а не как о активисте диссидентской организации. Такая линия защиты привела к тому, что у Авиталь возникли разногласия с Алексеевой, которая считала, что умолчание о роли Щаранского в диссидентском движении приведет к тому, что его перестанут поддерживать нееврейские круги на Западе. В свою очередь, Авиталь попросила Алексееву не делать никаких заявлений о Щаранском без согласования с ней.

Авиталь стала настолько известна, что в середине июля 1978 года Манекофски, составлявшая для нее план мероприятий, не успевала отбиваться от просьб корреспондента «Вашингтон пост» Салли Куин помочь ей взять интервью. Манекофски была не в восторге от ее произведений. Невозможно предугадать, что она наплетет вокруг личной драмы жены отказника.

— До суда я готова была прыгнуть выше головы, лишь бы сделать для нее паблисити, — стонала она по телефону. — А теперь меня рвут на части. Вы даже не представляете себе, что они с ней делают. Она уже просто падает от усталости.

Но отделаться от настойчивой журналистки не удалось, и 20 июля в разделе «Стиль» столичной газеты вышла статья Куин под названием «Авиталь Щаранская и политика страдания».

Авиталь, писала Куин, похожая на израильскую Одри Хепберн, сотрудничает с радикальными сионистскими организациями и носит сумку от «Гуччи». История, которую Авиталь рассказала Куин — равно как многим другим журналистам — была очень простой. Она встретила с Анатолием Щаранским возле московской синагоги, они вместе изучали иврит, а потом стали жить вместе. 4 июля 1973 года они поженились по религиозному обряду, и с тех пор он не мог получить разрешение на выезд в Израиль. Авиталь была настоящей находкой для прессы: красивая, фотогеничная, а ее история, понятная всем, не затрагивала сложных моментов жизни ее мужа. Не последним из таких сложных моментов было его участие в диссидентской организации, которая добивалась гражданских свобод, в том числе и свободы выбора страны проживания.

В книге Авиталь «В следующем году в Иерусалиме» только один раз упоминается Юрий Орлов — в примечании. Теперь Авиталь, а не Анатолий определяла повестку дня на Западе, и во многом благодаря ей имя Щаранского стало известным и о нем продолжали говорить долгие годы после окончания знаменитого суда.

Тем временем про Орлова забыли почти все, кроме немногих обеспокоенных его судьбой коллег-ученых и правозащитников.

Глава 26

Заклученные и ссыльные

17 мая 1978 года Орлов стоя обратился к суду:

— Вы можете приговорить меня к семи годам. Можете приговорить к пяти. Вы можете расстрелять меня, но я по-прежнему убежден в том, что такие суды не решат те проблемы и не устранят недостатки, о которых свидетельствуют документы Хельсинкской группы.

Судья Валентина Лубенцова признала его виновным в антисоветской пропаганде по статье 70 и приговорила к семи годам заключения в лагере строгого режима и пяти годам ссылки.

Спустя менее двух месяцев, 10 июля, в маленьком городке под Калугой судья А. Сидорков стал допрашивать обвиняемого:

— Ваша фамилия?

— Гинзбург.

— Дата рождения?

— 1936-й год.

— Национальность?

— Зэк.

— Предыдущие приговоры?

— Пять лет тюрьмы, пять лет лагерей строгого режима, пять лет в ссылке.

— Когда вам был вынесен приговор?

— Он будет вынесен мне здесь, на этом суде.

13 июля Гинзбург был признан виновным в антисоветской пропаганде и приговорен к восьми годам заключения.

На следующий день в Московском городском суде Щаранский произносил последнее слово:

— Пять лет назад я подал заявление на выезд из СССР в Израиль. Сегодня я, как никогда ранее, далек от своей цели. Казалось бы, мне

следует глубоко сожалеть о том, что случилось за это время. Но это, конечно, не так. Я счастлив, что сумел прожить их честно, в ладу со своей совестью, говорил только то, что думал, и не кривил душой даже тогда, когда речь шла о моей жизни. Я рад, что за эти год смог помочь многим людям, которые в этом нуждались и обращались ко мне. Я горжусь, что именно в этот период познакомился и сотрудничал с такими людьми, как академик Андрей Сахаров, Юрий Орлов, Александр Гинзбург — продолжателями лучших традиций русской интеллигенции. Но прежде всего я, конечно, чувствую себя участником удивительного исторического процесса — процесса национального возрождения советского еврейства. Я надеюсь, что страшные и тяжелые, но лживые и абсурдные обвинения, предъявленные сегодня мне и вместе со мной — всему нашему еврейскому движению, не только не остановят процесс национального возрождения евреев Советского Союза, но, наоборот, придадут ему новый импульс, как не раз уже бывало в нашей истории. Мои родные и близкие хорошо знают, насколько сильным было мое желание уехать к жене в Израиль, с какой радостью я в любой момент променял бы так называемую известность еврейского активиста, к которой, по утверждению обвинения, я стремился, на визу в Израиль. В течение двух тысячелетий рассеянные по всему свету, лишенные, казалось бы, всякой надежды на возвращение, евреи тем не менее каждый год упрямо и на первый взгляд совершенно безосновательно желали друг другу: «В будущем году — в Иерусалиме!». И сегодня, когда я, как никогда ранее, далек от исполнения своей мечты, от моего народа и от моей Авитали и когда впереди у меня только долгие тяжелые годы тюрем и лагерей, я говорю моей жене и моему народу: «В будущем году — в Иерусалиме!»

Суду же, которому предстоит лишь зачитать готовый приговор, мне нечего сказать.

А что касается этого суда, который просто утвердит решение, которое уже принято, этому суду мне нечего сказать».

Щаранского признали виновным в государственной измене и антисоветской пропаганде и приговорили к десяти годам заключения. На улице его семидесятилетняя мать Ида Мильгром, которую не пустили в зал суда, видела лишь, как сына сажают в «воронок».

— Позор! Позор! — кричала она охранникам. — Почему вы не даете мне увидеть его?!

Сахаров, который поддерживал Мильгром, присоединился к ее возмущению.

— Вы не люди, — выкрикнул он. — Фашисты! Фашисты!

В речах обвиняемых прозвучало нечто большее, чем трезвый анализ происходящего. Их дела были чистым примером состязания

добра и зла, правды и силы, личности и государства. Размышляя о драматических событиях, связанных с деятельностью Хельсинкской группы, их участники задавали себе вопрос, как и почему КГБ так долго терпел проявление свободомыслия? Была ли это ошибка или механизм подавления давал сбой?

С самого начала компетентным органам все было известно — они ведь предупреждали Орлова до того, как он объявил о создании Хельсинкской группы. В их распоряжении было достаточно информации: отчеты осведомителей вроде Липавского и Петрова-Адамова, подслушивающие устройства, наружное наблюдение.

Но казалось, КГБ смотрит сквозь пальцы на то, как домой к членам Хельсинкской группы приходят «ходоки» из провинции и иностранные журналисты, как они устраивают пресс-конференции. Во всяком случае с мая 1976 и до января 1977 года Группу не трогали. Журналисты тоже перестали бояться.

Оглядываясь назад, Роберт Тот не мог понять, почему он был в таком хорошем настроении, когда шел на встречу с ученым, занимавшимся парапсихологией, ведь эта область науки считалась в СССР секретной.

Джордж Крымский тоже удивлялся, вспоминая о своем намерении написать статью о жизни советских солдат, что привело к совершенно неожиданным результатам.

«В то время это казалось вполне нормальным. Старые запреты представляли существовать», — говорил он.

Сахаров, самый известный советский диссидент, казалось, ничего не боялся. Он бывал в жилом комплексе для иностранцев. После взрыва в московском метро он созвал пресс-конференцию и высказал практически ничем не подтвержденную точку зрения о причастности к этому КГБ.

Гинзбург получал деньги из-за границы на функционирование неофициального благотворительного фонда. Миллисент Фенвик приезжала в Москву и навещала отказников и диссидентов. С ними встречались и другие высокопоставленные западные чиновники. Корреспондент «Вашингтон пост» Питер Оснос представил малоизвестного активиста еврейского движения Анатолия Щаранского Роберту Бернстайну, президенту издательства «Рэндом хаус» и правозащитнику. Американские активисты еврейского движения часами общались с советскими евреями — и по телефону, и лично. Им о стольком хотелось поговорить, и их было так много, что Владимир Слепак однажды попросил Айрин Манекофски как-то сократить поток посетителей.

Эти связи между Востоком и Западом на чисто человеческом, персональном уровне, безусловно, были в духе Хельсинкского Заключительного акта. Но как долго это могло продолжаться в тоталитарном государстве?

Благодаря Орлову и другим членам Хельсинкской группы диссидентское движение достигло высшей точки своего развития. Самые известные диссиденты и их близкие единомышленники объединились ради общей цели — настаивать на том, чтобы советские власти выполняли положения Заключительного акта, касающиеся прав человека. Это движение могло стать очень мощным и влиятельным, так как оно объединило московских правозащитников, русских националистов, украинцев, литовцев, грузин, армян. По другую сторону Атлантики те же цели впервые объединили Конгресс и президентскую администрацию. В январе 1977 года, когда советские власти обрушили репрессии на лидеров диссидентского движения, кроме всего прочего, рухнули надежды на то, что СССР будет прислушиваться к мнению Запада и может пойти на уступки.

В статье 1984 года Питер Реддуй, из Лондонской школы экономики писал, что *«несмотря на широко освещаемые аресты и жесткие приговоры, вынесенные Юрию Орлову и Анатолию Щаранскому, общее число арестов [диссидентов], о которых было известно, в 1977 году составляло всего 82, самый низкий показатель с 1965 года, а в 1978 году оно увеличилось только до 94-х»*.

При этом эмиграция евреев продолжала расти. В 1977 году страну покинули 16736 человек, в следующем году — уже 28 864 человека.

В 1977 году, когда андроповский КГБ обрушил репрессии на диссидентов, основной удар пришелся на их лидеров. Арест Орлова должен был послужить предупреждением согражданам: не следует создавать неофициальные организации. Арестовав Гинзбурга, власти показали, какие последствия ждут того, кто участвует в диссидентском движении и передает деньги с Запада семьям политических заключенных. Арест Щаранского должен был продемонстрировать, что общение с зарубежными еврейскими организациями с Запада и иностранными журналистами в Москве может привести к печальным последствиям.

Скорее всего, КГБ ставил цель урегулировать ситуацию, не прибегая к кровопролитию. Если бы это было не так, Амальрика, одного из начинателей диссидентского движения, не заставили бы просто уехать из страны. Алексееву и Григоренко тоже отправили бы в Сибирь, а не на Запад.

В 1979 году советские власти предприняли последнюю попытку оживить «разрядку». Весной в результате переговоров с Соединенными Штатами, были освобождены десять политических заключенных, включая Гинзбурга. Летом Картер и Брежнев подписали соглашение ОСВ-2. В том году число эмигрантов достигло рекордной отметки — 51 320 человек. Но уже к осени возникли проблемы с ратификацией ОСВ-2 в Конгрессе и не было признаков того, что США пересмотрят свою позицию увязывания торговли со свободой эмиграции.

Согласно оценкам Реддуэя, сделанным в 1984 году, советские власти решили отказаться от политики разрядки в ноябре 1979 года. Они начали аресты по политическим обвинениям, резко ограничили эмиграцию, а в декабре ввели войска в Афганистан. В том году были арестованы 144 диссидента. В следующем году число арестов достигло рекордной отметки — 268 арестованных.

В 1980 году число эмигрировавших снизилось до 21 471, в 1981 — до 9447. Эмиграция продолжала сокращаться, сжавшись после 1982 года до тысячи человек в год.

Московская Хельсинкская группа приостановила свою работу 6 сентября 1982 года.

«В сложившейся обстановке группа не может выполнять взятые на себя обязанности и под давлением властей вынуждена прекратить свою работу», — объявили трое оставшихся на свободе членов группы.

В тот день утром члену Группы Софье Васильевне Каллистратовой, которой тогда было семьдесят пять лет, предъявили обвинение по статье 190. После приостановки работы Группы дело закрыли.

В течение нескольких лет в работе группы и ее ответвлений участвовали более ста человек. На момент завершения этой книги пятнадцать из них находились в тюрьмах, пять умерли в лагерях, двое погибли при загадочных обстоятельствах и тридцать четыре эмигрировали.

Оставшиеся стали вкладывать новый смысл в старый диссидентский тост: «За тех, кого нет с нами». Раньше он относился к политическим заключенным. Теперь он относился не только к заключенным, но и к покинувшим страну.

Эпилог

После того как КГБ расправился со всеми проявлениями открытого инакомыслия в СССР, контроль за выполнением советскими властями Хельсинкского Заключительного Акта проводился почти исключительно на Западе.

В Конгрессе США Комиссия по безопасности и сотрудничеству в Европе опубликовала документы и выводы всех Хельсинкских групп в СССР. Она провела бесчисленное число брифингов и заслушала показания выпущенных на свободу советских узников совести, бывших отказников и американских бизнесменов, заинтересованных в торговле с СССР.

Большинство американцев никогда не слышали об этой Комиссии. Но это был источник, откуда американские государственные деятели могли получить достоверную информацию о советском диссидентском движении. Члены комиссии предоставляли сведения участникам конференций по проверке выполнения Хельсинкских соглашений, проводившихся в Белграде, Мадриде и Вене. И когда советские делегации рапортовали о соблюдении обязательств по правам человека, делегаты из стран Запада могли представить документированные доказательства обратного.

Большая часть этих доказательств хранится в архиве Комиссии. Там есть документы, касающиеся украинских поэтов, литовских сепаратистов, русских священников, ленинградских профсоюзов, евреев из села Ильинки, узбекских мулл, московских кришнаитов. Там есть документы о преследованиях пацифистов, экологов и поклонников музыки в стиле «хэви металл». Там есть также документы, касающиеся Орлова, Гинзбурга, Щаранского, Боннэр, Сахарова, Ланда, Руденко, Некипелова, Марченко.

Но не только эта Комиссия занималась мониторингом выполнения Заключительного акта. В 1978 году Хельсинкский комитет был со-

здан в Норвегии. По сути это было вольное гражданское объединение свободомыслящих, близкое по духу «Международной Амнистии» и Американскому союзу за гражданские свободы. Как и организация Орлова, западные хельсинкские группы объединяли интеллектуальную элиту.

В 1979 в Нью-Йорке была образована Американская Хельсинкская группа.

В 1982 году на конференции в Белладжио (Италия) была создана сетевая организация — Международная Хельсинкская Федерация по правам человека. В момент создания она объединяла десять организаций в Западной Европе и Северной Америке.

Запад стал постоянно требовать от Советского Союза улучшить ситуацию с соблюдением прав человека. Советские власти упорно отстаивали свою позицию, что предпринимаемые попытки проводить мониторинг являются вмешательством во внутренние дела СССР. Это противостояние продолжалось до тех пор, пока они не осознали, что ни один важный саммит с участием западных стран уже не обходится без обсуждения проблем прав человека.

16 января 1987 года Юрий Кашлев, глава советской делегации на Венской конференции, объявил о предстоящем освобождении заключенных, которым были вынесены приговоры за «антисоветскую пропаганду» и «клеветнические измышления».

— Эти люди в прошлом поставили нас в неудобное положение и ухудшили наши отношения с другими странами, — сказал Кашлев.

Это было ничем иным как признанием существования в СССР узников совести.

Бывшие политзаключенные создали в Москве клуб «Гласность», где проводились семинары по правам человека. Вскоре клуб присоединился к Международной Хельсинкской Федерации по правам человека и стал поддерживать контакты с Американской Хельсинкской группой и Комиссией по безопасности и сотрудничеству в Европе Конгресса США. В 1987 году представители этих организаций посетили СССР. Этот визит ознаменовал окончание десятилетнего периода в советской политике, когда советские власти сопротивлялись любым действиям Запада с целью мониторинга соблюдения Заключительного Акта.

Для улучшения ситуации в этой сфере еще многое предстоит сделать, но эти шаги можно назвать настоящим прорывом — они свидетельствовали о том, что в 1987 году Советский Союз признал существующую реальность.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава 1. «Я хочу создать группу...»	7
Глава 2. Научный метод	13
Глава 3. «Кому вы помогаете?»	21
Глава 4. Эксперимент	28
Глава 5. «Предупреждение провокатору».	34
Глава 6. Палач Киссинджера	42
Глава 7. Парни из «Сэд-Сэма»	47
Глава 8. Разлад в благородном семействе	59
Глава 9. Сенсация номер один	63
Глава 10. «Гадючник» и другие источники	69
Глава 11. Ходоки	79
Глава 12. Король Тасмании	86
Глава 13. Ревизор	91
Глава 14. Рыбаки и охотники	100

Глава 15. «Я ожидал их так давно...»	112
Глава 16. Достаточно причин, чтобы поторопиться	124
Глава 17. «Но перед тем, как стать рабом, Я буду похоронен в могиле И, возвратившись к своему Богу, Я обрету свободу».. . . .	133
Глава 18. Пророчество Николая Вильямса	139
Глава 19. Новая игра	147
Глава 20. Лжецы и фарисеи	154
Глава 21. «Я не скрываюсь».	165
Глава 22. Просто еврей, который пытается уехать.	175
Глава 23. Залы судебных заседаний	185
Глава 24. Новые правила	195
Глава 25. «Безопасности не существует, Мисс Поли. В этом ужасная правда...»	202
Глава 26. Заключение и ссылки	208
ЭПИЛОГ.	213